

Белые акации Вавилона

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ
(Исторический роман)

«Жизнь подобна симфонии, а каждый из нас – инструмент, играющий свою неповторимую партию в этом прекрасном музыкальном произведении»... (Роберт Элиас Наджеми)

ЧАСТЬ I: БЕЛЫЕ АКАЦИИ ВАВИЛОНА

ЭКСПОЗИЦИЯ *

Чувство легкости... чувство восторга... пьянящее чувство полета... Мимо пролетают все в белой кипени устремленные ввысь грациозные акации и деловито смотрящие на мир из-за их «плеч» горы, которые повсюду... надо всем...

Даша сквозь туманящие глаза слезы, смотрит на мелькающий за оградой ипподрома пейзаж – такой родной, и такой каждый день новый. Ее «Лукавая» несется во весь опор, навстречу бодрящему утру, пению птиц, новому, светлому дню...

Свежий ветерок доносит до девушки терпкий запах мокрой от росы травы, рождая в душе предчувствие грядущего счастья. Купаясь в нем, она всем своим существом впитывает радость бытия, исходящую от сильного, порывистого животного, с которым сейчас ощущает себя единым целым. Эти мгновения бесценны, но... еще секунда... и они, как все истинно прекрасное в этом мире, улетучатся без следа, оставив после себя легкую, едва уловимую грусть...

Да-да... Жаль... Но они уже сейчас начинают таять в призрачном тумане, уступая место медленно зарождающемуся в недрах сознания беспокойству, вернее - ощущению, что еще немного, совсем чуть-чуть, и все это она должна будет отпустить, возвратившись,

пусть и к радостным, но, все же, будням: впереди новый день, новые репетиции, новые спектакли...

Даша едва заметно вздыхает. Как будто почувствовав ее настроенье, гнедая начинает переходить на рысь и вскоре вовсе останавливается...

- Милая моя... дорогая, - шепчет девушка и высвобождает ногу из стремени. - Завтра будет новое утро. Мы снова будем вместе. А пока... Ты ведь понимаешь? - нежно почесывая умное животное за ушами, говорит она, передавая поводья конюху...

* * *

- От же егоза, прости Господи! – досадливо «крякает» завхоз театра, дядя Коля, которого «дернула нелегкая» оказаться на пути Даши, когда она порывисто открывала входную дверь. Лишившийся ноги на заре борьбы с басмачеством, рано состарившийся мужчина в выгоревшем кителе резко отшатывается в сторону: протез скрипит, но, все же, помогает удержать равновесие.

– Смотреть же хоть иногда надо, куда несешься!- кричит он вдогонку.

- Ой, прости, дядь Коля, на репетицию опаздываю!

- Да эт ясно, что опаздываешь. Вечно вам, молодым, нейметя. Все где-то носитесь как угорелые, а потом людей сбиваете, - ворчит он себе под нос, выходя на улицу.

День у дяди Коли обещает быть нелегким: прежде всего, надо встретить свата сестры, врача Ямпольского. То ли не климат ему в Москве, то ли по работе сюда направили ... В это дядя Коля (или Николай Никанорович, как его звали все остальные, кроме Даши) особо не вникал. У него кроме свата дел невпроворот – и служебных, и домашних... Да тут еще возня в театре непонятная с какими-то доносами, анекдотами... Опять же и евреями интересуются.

- Да... Не вовремя, кажись, несет к нам этого Ямпольского. Тоже ведь из «богоизбранных», - бормочет он, сам вдруг поразившись этому сопоставлению. – Ну что ж, сватьев не я выбирал, а вот теперь... - не окончив фразы, он досадливо морщится и решительно шагает к автобусной остановке...

* * *

ВЫЙДЯ из духоты вагона на перрон и с наслаждением вдохнув свежий утренний воздух, Лев Исаакович вдруг всем своим нутром осознал, что наконец-то его более чем семидневные мытарства закончились! Ах, если бы у него был выбор... Если бы... Но что сейчас об этом?

Он оглядывается, высматривая в толпе брата Любы, и тут же утыкается взглядом в строящееся двухэтажное здание: «Видимо, вокзал будущий», - заключает он...

- Не потеряться бы ненароком, - озабоченно бормочет вслух. – Я ж сейчас его и не вспомню: сколько лет минуло! Одна примета – протез вместо ноги... Но мало ли сейчас калек?!

Задумавшись, мужчина вытирает пот со лба (лоб, в его случае, понятие относительное, так как из-за большой залысины кончается он аж на затылке), затем деловито протирает предмет своей гордости - маленькие, круглые очки в роговой оправе, изготовленные по благу у знаменитого на всю Москву офтальмолога.

Он крутит головой, проверяя попутно, все ли из его нехитрых пожиток на месте. Пальто, шляпа, трость, два саквояжа... Да, кажется, все...

- А вот и я! – вдруг тронул его за плечо седеющий, с остатками военной выправки мужчина. Его деревянная нога при этом противно скрипнула...

* * *

В ДОРОГЕ было в общем не до разговоров: возница фаэтона беспрерывно трещал, торопливо перечисляя гостю достопримечательности столицы, в числе которых была и новая брусчатка («...Раньше здесь Азиатская дорога был... караван верблюжий был. Сейчас тоже есть... Но редко...»); и аэродром - очередной пустырь с двумя шестами на краю и полосатыми флажками на верхушках; и несколько «красивый дом с колонна» - ЦК партии, кинотеатр имени Горького, театр Лахути...

Говорил он экспрессивно, беспрерывно жестикулируя. Характерный выговор выдавал в мужчине уроженца северного Кавказа - скорее всего, осетина.

- Знаешь, когда я совсем молодой был... недавно... лет четырнадцать до того... в Душанбе четыре только дом с полом деревянным был и еще сорок где-то кибитка. А теперь... Во-о-н там... смотри, - указывает он кнутом влево, - там скоро целый дом для специалист будет. Там сейчас еще фундамент делают... Армяне делают. А скоро учитель, врач, инженер, художник будут жить...

- Салам, амае! Куд ыстут? – прервав свой монолог, кричит он едущему навстречу вознице-соотечественнику.

- Бузныг, хорз! - улыбаясь, отвечает тот...

Экипажи разъезжаются. И, немного погодя, их фаэтон сворачивает с главной улицы в тесный и душный от запаха белых акаций переулочек – «царство» кибиток и щитовых домиков.

* * *

АХИ-ОХИ остались, наконец, позади. К вечеру сильно располневшая Люба позвала всех к столу. В тесной, но чистой кухоньке им восьмерым - троим мужчинам, хозяйке, да четверым ее сорванцам-погодкам (от пяти до восьми лет), мягко говоря, - далеко не просторно. Но больше в их маленькой глиняной мазанке нигде не устроиться – все место занимает нехитрая утварь, вещи да два объемистых, (играющих одновременно роль комодов и кроватей) сундука.

Но...на столе уютно мерцает закопченная керосиновая лампа и аппетитно «дышит» луковым ароматом лохань с вареной картошкой. Малыши едва сдерживаются, чтобы не протянуть к ней свои серые от цыпок пальчики.

- Не вытирают руки, пострелята, не уследишь! - оправдывается за них мать.

Гость ничего не отвечает, кивает понимающе...

- С нашего огорода, - тем временем, одобрительно глядя на картошку, басит муж Любы, Василий. - Здесь этот продукт пока еще мало сажают. А раньше, до нас, русских, и вовсе не знали. Как и моркови, капусты, - добавляет он, с усилием вынимая тугую пробку из бутылки с какой-то мутной жидкостью.

Лев Исаакович с сомнением смотрит на нее. Ему уже приходилось несколько лет назад пить самогон, но тогда он был какого-то сизого цвета. «А-а, все одно, хоть белого, хоть фиолетового: завтра голова, как пить дать, чугунной будет!», - вздыхает он, обреченно пододвигая стакан.

- Да, Василий, - поддерживая разговор, говорит он, - то-то я заметил, что ехавшие вместе со мной студенты на одной из станций усиленно напирала на разносимую торговками картошку с грибной подливкой. И меня, помнится, соблазняли... Они еще рассказывали, что здесь им редко приходится есть такое лакомство, потому-де всегда оставляют десятку на Чаадаевку...

- Не соврали они, сват, про картошку-то... Так что, откушай-ка нашу... с домашними, опять же, огурчиками. И насчет напитка не сумлевайся: ничего, что мутный, зато не казенная тридцативосьмиградусная! У нас в народе шутят, что вряд ли стоило революцию делать, чтобы на два градуса водку понизили!

- А ты поменьше пересказывай, где и что там у вас говорят, - строго обрывает его свояк.

- Да и Вы тоже, - обращаясь уже к гостю, добавляет он, - осторожней будьте с разговорами, если неприятностей не хотите! Так что...

За столом повисает неловкая тишина. Паузу прерывает Василий:

- Да, будет тебе страхи-то нагонять! Все переживали, и это переживем... Вздогнули что ли? Ноливо ведь! За приезд... за свата нашего... за детей вот, за наших...

Все, чокнувшись, выпили... По одной... Потом еще по одной... Тем временем звездная среднеазиатская ночь вступала в свои права. Впереди был новый день и, как всегда, новые неожиданные повороты...

* Экспозиция (муз.) – первый раздел сонатной формы, в котором излагаются основные темы.

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 25 июля 2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете». В коллаже использованы архивные фото - Наркомзем и ул.Шота Руставели - из коллекции Г.Шерматова)

Продолжение

<http://www.proza.ru/2012/08/01/300>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Белые акации Вавилона - глава 2

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение. Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250>)

ЧАСТЬ I: БЕЛЫЕ АКАЦИИ ВАВИЛОНА

ЭКСПОЗИЦИЯ 2

Мира рассеянно рассматривает кадку с фикусом: что-то с ним не так – который уж месяц торчит листик-«головка» и почему-то не распускается: желтеют нижние листья, а верхний, как часовой на посту, замер и ни туда тебе, ни сюда.

Любимый цветок явно требует внимания, но девушке не до него: вчера состоялся какой-то странный разговор с ее начальником и старшим другом – секретарем Горкома, Агнессой Ефимовной Вайнштейн. Второй день не идет он из памяти Миры. Почему-то вспоминаются собственные аргументы в пользу того, что ничего плохого с Дмитрием Дмитриевичем по определению быть не может: «шутка ли сам Куйбышев его назначению в сельхоз отдел ЦК КП республики способствовал»; «и опять же Сурен Шадунц в нем души не чаёт (в ЦК уже почти решен вопрос о назначении Павлова секретарем по сельскому хозяйству)»; «Наркомзем вот в том месяце автомашиной наградил»...

«А вдруг ошибаюсь?! - тревожно ноет сердце. – Да нет! Чепуха! Просто работы в эти дни с подготовкой к кубку по футболу много было, вот и мерещится всякое»...

2.

- Я буду Д,Артаньяном!

- Я – Атосом!

- Я – Арамисом!

Шум борьбы... и... немного погодя, строгий девчачий голос:

- Д,Артаньяном будет Аркаша, а ты, Борька, Паргосом...

...Ребятня возня на пустыре за домом разбудила задремавшего было к утру Льва Исааковича. Затылок, виски и лоб отчаянно болели.

С трудом оторвав чугунную голову от подушки, он медленно встал с постели.

- Главное не делать резких движений, - пробормотал, нащупывая под кроватью туфли. Умывшись и выпив заботливо оставленный для него на столе в кухне стакан рассола, Лев Исаакович пришел, наконец, в себя. В голове прояснилось, и он решил, не откладывая дело в «долгий ящик», начать розыск Войновича, на, которого, честно говоря, рассчитывал даже больше, чем на Любу.

* * *

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ бросил короткий взгляд на спящего за соседним столом после ночной смены метранпажа Мишаню и отложил недописанную статью о стахановцах Джуре и Владимире... «Да... очень, по-моему, неплохо получилось это место: «Нам известны (нехорошей известностью!) «герои консерватизма» в сельском хозяйстве, испугавшиеся машины»... И еще вот это о «печально известных рыцарях омача, урака и тяпки»... Хлестко и, самое главное, убедительно... Но концовка... нет, сегодня она уже не вытанцовывается. Завтра. Все завтра. Хотя нет, можно еще записать вариант заголовка: «Два товарища»... Думаю, пойдет. А что? «Не избито» и конкретно»...

Ответсекретарь «Коммуниста Таджикистана» с хрустом потянулся и встал из-за стола.

- Все работаем? – предварив коротким, аккуратным стуком свое появление в полутемном с узкими, зарешеченными окнами, кабинете редакции, вежливо поинтересовался лысоватый мужчина в круглых, роговых очках.

- Простите... Чем обязан? – вопросом на вопрос резко ответил вымотанный перманентным цейтнотом Николай Павлович.

- Да уж обязан! Это ты, Николай, точно сказал! – засмеялся вошедший, которого явно забавляло, что журналист не узнает его.

Хозяин кабинета, услышав его смех, лишь слабо всплеснул руками:

- Ой... Лева! – только и сумел произнести он, спеша навстречу гостю. – Вот уж не ждал,

- тиская товарища в объятьях, бормотал Николай Павлович.- Давно ты из Москвы?

Какими судьбами?

- Да ведь сам же Таджикистаном соблазнял: «таинственная страна», «большие возможности»... Забыл?

- Ох... Не говори! Замотался. Себя уж едва помню... А как там Иннокентьевы? Не изобрел еще Владислав Михайлович вечный двигатель? – забросал гостя вопросами он.

- Подожди-подожди... не все сразу, - улыбаясь, парировал Лев Исаакович. – Сам и супруга его Наталья Дмитриевна поклон тебе передавали... А Фимочка вот специально платочек для «дяди Коленьки» вышила... Вот, - вынимая из кармана кусочек белого батиста с розочкой в уголке, добавил он...

Тем временем светящаяся в глазах Войновича радость от разговоров о родных и близких постепенно уступала место свойственной каждому доброму и отзывчивому человеку заботе о «том, кто в пути» – «не надо ли помочь?»...

Поняв его озабоченность, Лев Исаакович спешит успокоить:

- Я тут можно сказать у родных, - уточняет он. - Все в порядке. А приехал, видимо, надолго... Возня там какая-то пошла нехорошая. Сам знаешь – терять мне уж больше нечего, но...

- Как это нечего?! А Сонечка как же? – уводя разговор подальше от нелепой смерти жены врача у родственников в «тмутаракани» (несопоставимость тифа и этой рафинированной московской барышни поражала его до сих пор!), торопливо возражает он.

- Да, у брата она... Как девочке без женской ласки расти?!
- Так и не женился?
- Нет... и, полагаю, теперь вряд ли...
- Ладно, не загадывай! Еще молодой! А я вот в Москву, в командировку, собирался. Как раз о тебе вспоминал, об Инокентьевых... Думал даже заглянуть «на огонек». А тут ты собственной персоной! Ну что ж, давай домой выдвигаться. Розалия Колмановна несказанно обрадуется! Да и Володенька тоже...
- Ты по-прежнему переводишь с сербского? – осторожно прикрывая дверь кабинета, продолжил разговор уже в коридоре гость.
- А как же?! Сейчас вот как раз «Смерть короля Дечанского» завершаю...
- Короля Дечанского?- рассеянно переспросил Лев Исаакович, непонятно в связи с чем вспомнив вдруг соседа-лудильщика, подсказавшего утром, где «Коммунист Таджикистана» искать. Настораживала не только информированность местного «кулибина», но и его уж слишком хороший русский...

4.

Мира пришла в театр за пять минут до обеденного перерыва. Увидев ее за кулисами, Даша удивилась и обрадовалась одновременно. Познакомившись с этой девушкой лишь несколько месяцев назад в фойе кинотеатра на премьере «Дети капитана Гранта», она теперь представить себе не могла, как же до того без нее обходилась: подруга обладала удивительным даром утешения - рядом с ней таяли все невзгоды...

- Ну, как ты? – торопливо идя ей навстречу, спросила она, снимая накладные сорок косичек.
- Да все нормально, - пропустив Дашу вперед, ответила та. – Хотела вот на самсу тебя пригласить, да заодно посоветоваться.
- А что?! Одобряю! Насчет же «посоветоваться», особое спасибо: обычно за этим я к тебе бегаю... А что за совет-то нужен? – устраиваясь за столиком, возвращается она к прерванному дорогой и заказом самсы разговору.
- Профессиональный, - обжегшись неожиданно брызнувшим из сочного пирожка луковым соком, коротко ответила подруга.
- О-о! Это уже совсем интересно! И что же тебя в актерских делах заинтересовало?
- Не совсем в актерских, - вытирая белым, ажурным платочком пальцы, начала разговор Мира. – Дело в том, что к Агнесе Ефимовне на днях должны по каким-то делам москвичи приехать. В качестве «культурной программы» она думает для них посещение вашего театра устроить. Потому и хочу узнать, что ты об этом думаешь.
- О чем? Об их визите? Ну-у... не знаю, - задумчиво жуя, протянула Даша. - У нас сейчас «Долину счастья» ставят. Из нового, так сказать... с пафосом строительства новой жизни. Идет еще «Мятеж» Фурманова и Поливанова, «Два коммуниста» Яшина... А может им романтику народного подвига показать? Тогда надо на «Борьбу» приводить.
- Ну а что лучше-то? Я ведь давно у вас не была, а театр – дело тонкое, творческое... многое от труппы зависит. Где сейчас актерский состав лучше?
- Ой, и не знаю, Мира, с актерами как раз вообще не совсем чтобы очень... Может, на «Мятеж» тогда повести? Все же классика!
- Ну, «Мятеж», так «Мятеж». Хотя, на мой взгляд, лучше бы что-то особенное... восточное... Но, если не советуешь...
- Точнее будет сказать, опасаясь советовать что-то другое, - уточнила Даша, вытирая

измазанные в мясном жире пальцы лежащим на столе кусочком старой газеты: та оставила на ее белой ладони жирный, типографский след. Девушка досадливо сморщила точеный носик.

Заметив это, подруга молча протянула платок...

5.

Над городом опустилась ночь, когда Лев Исаакович, наконец, нашёл свой «родной» переулок. Теперь ещё надо было отыскать дом Любы.

День был хлопотным: поход с Николаем к его знакомому в райком, устройство на службу, первый рабочий день в качестве провизора аптечного киоска... И всё это без обеда. Лишь в полдень - немного слабо заваренного чая с сухарём, который любезно предложила сердобольная тётя Маня - его новая помощница. А тут ещё «дёрнула нелёгкая» город посмотреть...

Местами освещенная и так же местами асфальтированная Лахути – еще ничего; гравийные тротуары на полутемных Шота Руставели и Орджоникидзе – в общем тоже... терпимы, но вот его Фрунзенская...

«И что за самонадеянность такая!», - ругал он себя, почти отчаявшись попасть домой.

«Чоп, чоп, шайтан!» – уже более пяти минут доносится до него откуда-то из соседнего закоулка, сопровождаемый перестуком копыт, голос погонщика. Слышно даже, как его палка «стимулирует» движение животного. Попав в темноте в очередную колдобину, готов помянуть «нечистого» и сам Лев Исаакович...

- Салом аллеюкум, уважаемый! - вдруг раздаётся голос из темноты.

Споткнувшись о камень, он раздраженно спрашивает:

- Вы это мне?

- Да-да, уважаемый, - выходя из калитки, отвечает человек. В руке он держит керосиновую лампу. В её неровном свете Лев Исаакович узнаёт давешнего лудильщика, который как будто ждёт его – так кстати он появляется.

Мужчина представляется и вызывается проводить.

Идут молча... Уже у калитки Хамза-ака вдруг кладёт руку ему на плечо:

- А знаете, я совсем не прочь сдать уважаемому человеку свою пустующую времянку.

Тем более, что у Любы, верно, слишком тесно...

- Вы прям ЧК! - в очередной раз поражаясь его информированности, восклицает Лев Исаакович (в душе же почему-то сразу складывается решение не упускать это предложение, кажущееся ему сейчас заманчивым и своевременным).

* * *

- Эй, Д,АРТАНЬЯН, поторапливайся! В школу опоздаем, - выводит Льва Исааковича из сна решительный девичий голос.

Почувствовав, что уже достаточно поздно, он рывком поднимается с постели: до работы надо ещё к Хамзе-ака зайти, как вчера сговорились.

«Успею ли?», - появляется вполне реальное опасение.

А тем временем всё складывается само собой: сборы... дорога... и вот он - у знакомой резной калитки в глинобитном дувале...

Удается максимально «сжать» и осмотр будущей квартиры: несколько слов приветствия хозяину ... комплиментов в смущении жмущейся в сторонке хозяйке (по поводу идеального порядка во всем), и вот, забросив на обшарпанный стол у входа во времянку баулы, он выскакивает на улицу...

Ещё через десять минут Лев Исаакович, расплатившись с Вазгеном (теперь уже старым своим знакомцем осетином-возницей), сосредоточенно копается в двери аптеки неудобным ключом:

«Рабочий день начался и... слава Богу!»...

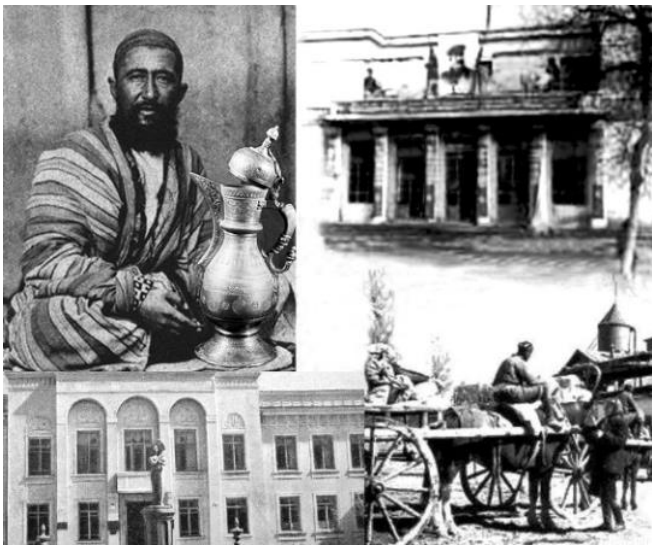
Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 1августа2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете».

В коллаже использованы архивные фото из коллекций Г.Шерматова и Г.Ольховой)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Белые акации Вавилона - глава 3

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300>)

ЧАСТЬ I: БЕЛЫЕ АКАЦИИ ВАВИЛОНА

ЭКСПОЗИЦИЯ 3.

Утро после бессонной ночи приходит к Агнессе Ефимовне, как избавление: дневные

заботы сменяют ночные терзания... Но и они, увы, не в силах до конца их вытеснить... «А как все хорошо начиналось, - в который раз возвращается она мыслями к перевернувшему все в ее жизни роковому дню. - Телеграмма от Маленкова с сообщением о путевке в санаторий, мечты об отпуске и вдруг - вызов в ЦК, к Шадунцу»...

Машинально собирая вещи, вспоминает все вновь и вновь: как шла туда, ни о чем не подозревая... радостная; как онемела, войдя в кабинет и взглянув ему в глаза; как прочитала «шифровку» о том, что Павлов (ее родной «ДимДимыч!»), будучи секретарем Пролетарского райкома партии, якобы принимал активное участие в антипартийной троцкистской группе...

Стоило ли разубеждать начальство в том, что это ложь?! Конечно же, нет! Он и сам все знал. Объявила лишь о мгновенно созревшем решении ехать в Москву, к Маленкову и, конечно же, в НКВД.

Шадунц одобрил. Лишь посоветовал взять детей...

«Почему же с тех пор не идет из головы мысль о недавнем аресте, ставшего в одночасье «идеологическим врагом» Войновича?! Нет... Маленков во всем разберется... Все будет хорошо... Только бы Диму предупредить - опять ведь в командировке».

Женщина застегивает тяжелый саквояж и идет в детскую...

И вот проводы. В вагоне – ее дети, на перроне обеспокоенная Мира, товарищи из Горкома... Звонок к отходу поезда. Она уже на подножке вагона. Одна. Наконец, запыхавшись, прибежал он. Шепчет, ускоряя шаги и стараясь держаться рядом с медленно набирающим скорость вагоном: «Накануне... там, в колхозе, купался в реке... Едва не утонул... Лучше бы утонул»...

Нет... ей уже не успеть предупредить... Но эти слова... и еще выражение лица... «Он знает... он все знает»...

2.

Поселок Курша-2, куда родители привезли из далекой сибирской деревни маленьких Колю и Любу, девочке не понравился сразу. Необустроенный, сырой; да и люди какие-то негостеприимные...

Отцу была поручена организация постройки линии узкоколейки (как позже Люба узнала, речь шла о деле чрезвычайной важности – дорога должна была помочь в освоении огромных запасов леса Центральной Мещеры). Мать тоже была занята на строительстве. Дети были предоставлены самим себе. «Так и росли, почти как сорная трава», - вспоминая этот период своей жизни, обычно говорила она.

Впервые Люба рассказала о своем детстве молодому доктору, когда он ее спросил, как же она, в свои-то годы (ей тогда было шестнадцать) умудрилась так застудить придатки. Лев Исаакович (тогда еще совершенно не лысый и без очков) покачал головой, назначил лечение (порошки, капли), затем в задумчивости остановился у окна. А там росло алое. Оно-то и спасло тогда Любу.

А потом она стала встречаться с Василием. Тот, когда дошло до свадьбы, помня о том, как Лев Исаакович когда-то помог его будущей жене, попросил выступить в роли свата. Так и породнились. Вскоре доктор вернулся в Москву, а они с Василием уехали в Среднюю Азию...

Из Курши от родителей изредка доходили короткие весточки. «Ну, слава Богу!», - откладывая в сторону их каракули, обычно говорила Люба. Сейчас же... когда она

дочитала до конца письмо матери, короткое «а-а-а» вырвалось из её груди... Листок, выпав из ослабевшей руки, спланировал на пол.

- Мама, мама! Ты чо?! – испуганно обступили ребятишки.

Люба молча отмахнулась... подняла письмо и снова перечитала. Мать в нем сообщала о том, что в первых числах августа в центре Мещерского края, в районе Чаруса, возник страшный, верховой, пожар. Людей сажали на паровоз. Но места хватило не всем. Мать посадили рядом с ребятишками только потому, что она незадолго до пожара сильно повредила ногу и почти не ходила. Отца с тех пор она не видела. Где он, не знает.

Слышала, что из оставшихся там тысячи с лишним людей никто не спасся.

«Не может этого быть! Быть того не может!!!», – молоточками стучало в висках женщины...

* * *

ЛЕВ ИСААКОВИЧ не был у Николая довольно давно – одно слово: новая обстановка. Молчал и тот. И это было уже странно. Решил побеспокоить друга по телефону.

- 2-75?! Редакция?! Мне товарища Войновича!

- Э-м-м... А он у нас уже не работает, - промямлили на том конце провода.

- А кто же? Что это значит?! – закричал в трубку он.

Ответом было непродолжительное молчание... и... короткие гудки.

...По улице не шел, а почти «летел». Километр отмахал, и не заметил. Вот, наконец, и Дом печати... знакомое одноэтажное здание...

Забежал во двор. Там, как всегда, дежурил у машины редакционный шофер Борисенко. Как всегда он напевал себе под нос любимое «Яблочко». Встретившись взглядом с другом своего бывшего шефа, чубатый водитель вдруг осекся на полувопросе: «куды ты котишься?»...

«Ко мне в рот попадешь, не воротишься!»! – автоматически закончил про себя строку Лев Исаакович, проходя мимо. У него почему-то неприятно засосало под ложечкой.

Он вдруг понял, что пришел сюда напрасно...

* * *

ДОМОЙ идти не хотелось. На душе «кошки скребли», да и хозяин оптимизма не добавлял: третий день - чернее тучи...

Пошел обратно, к киоску. Сгущались сумерки... Кое-где на небосводе проступали первые звезды. Они становились все ярче и ярче. Он сидел в единственном здесь колченогом кресле и с какой-то странной пустотой в душе смотрел в окно...

- У Вас открыто? – несмело улыбаясь, произнесла появившаяся в проеме двери девушка.

Льву Исааковичу почему-то вдруг показалось, что это – сон

- Да... Конечно,- до конца не веря, что прекрасное видение не растает так же внезапно, как появилось, ответил он.

Девушка подошла ближе.

- Это для мамы, - протянув рецепт от врача, сказала Даша с прежней улыбкой на губах.

- Да. Сейчас...

От волнения, передавая ей флакон, он чуть не уронил его.

- Ой, простите! Какая я неловкая! – видя его растерянность, пришла на выручку «фея».

- Простите и Вы меня... Заходите еще, - пробормотал он ей вслед...

Что-то в его тоне заставило девушку обернуться. Она вдруг поняла, что этот добрый,

предупредительный мужчина в очках отчаянно ищет и не находит повода ее окликнуть. Она вернулась... Почему? Кто ж знает, по какому закону вершатся на небесах людские судьбы?

* * *

К СЕБЕ окрыленный встречей Лев Исаакович попал где-то часам к двенадцати. Зайдя во двор, очень удивился, что Хамза-ака не спит - тот сидел в круге мерцающего тусклого света на вкопанной деревянной скамье у столика, опустив голову на руки и время от времени что-то бормоча себе под нос.

Расставаться с подаренной Дашей радостью общения, которая еще сейчас сладким «послевкусием» разливалась по душе, не хотелось, но и пройти мимо чужого горя не мог (в том, что это именно так, он сейчас был совершенно уверен). Понял он и то, что одному лудильщику с ним не справиться...

- Здравствуй, акаджон, - дотронулся до его плеча он.

- А-а-а, - как бы очнулся ото сна тот. – Да-да, здравствуйте...

Все еще колеблясь, стоит ли настаивать на разговоре, Лев Исаакович нерешительно переминался с ноги на ногу.

Молчание нарушил хозяин дома:

- А знаете... - прозвучало как-то вроде даже некстати, - там ведь сейчас хорошо... душно, может, немного, но хорошо...

Лев Исаакович растерялся, не зная, что сказать...

- Этот город... он - сама история! Я так скучаю по моей Бухаре, когда вспоминаю ее той, которой теперь уж она никогда не будет...

Я помню... все помню... прямо перед глазами - картинка из прежней жизни: Бухара от заката до рассвета... Восемь вечера. На улицы уснувшего города выходят шабгарды. Время от времени они методично бьют в тавль, будя хрупкую тишину. Привычный звук успокаивает горожан – стража не дремлет... она здесь. А вот и цокот копыт – это миршаб с охраной проверяет посты: правоверные могут спать спокойно - утром их разбудит мулла призывом на молитву. О приходе нового дня возвестит и оживление на улицах: значит уже шесть, и открыты городские ворота... А вот и шарканье метел – к работе приступили фарроши; затем слышен плеск воды – это начали поливать улицы машкопы... Все больше голосов на улицах просыпающейся Бухары... В семь утра - совсем светло... базары заполнены прибывшими из кишлаков дехканами. Они привезли на ишаках молочные продукты, дрова, фрукты, фураж... Тимча, где продавалась материя на саваны для умерших, открывалась, в виде исключения, до моления, в пять часов. Лишь главный тим - Абдуллохан – приступал к работе позже других дуконов (часов с восьми-деяти), когда перед входом в него собиралась толпа хозяев сундуков, находившихся в тиме... И, наконец, полдень... Улицы, сараи, дуконы и тимы заполнены толпами людей. Мелькают разносчики мелких товаров, двигаются группами арбы и караваны верблюдов... А потом – снова вечер и... снова звук тавля: завтра будет новый день и все повторится...

Хамза-ака умолк, устремив невидящий взор в черноту ночи... И вдруг...

- Эх, дододжон, дододжон! Ну, как же так?! Что же за жизнь такая?! – вырвалось надрывно из его груди.

Лев Исаакович, внутренне сжался, всем своим существом ощутив его боль в своем сердце.

Всхлип... еще ... и еще ...и... вдруг прорвавшие плотину оцепенения слезы хлынули из глаз мужчины...

- Отец ведь там у меня... умер. И давно... А я не знал... На днях... с оказией... передали... Ну как же так?! Я даже джанозу по нему не заказал! – сквозь рыдания забормотал он.

Лев Исаакович почти физически ощутил, как ночь вокруг стала медленно, но неотвратно заполняться горем...

- Как Вы попали в Сталинабад? – сев рядом, тихо спросил он, стараясь отвлечь... вывести из этого черного, вязкого омута...

- Судьба... Непростая она у меня, - откликаясь скорее не на слова, а на участие, за ними стоящее, ответил Хамза-ака со вздохом. - Не собирался на самом деле приезжать сюда, да вот жена моя, Мехринисо, полуживого привезла... А приютил нас мой учитель - лудильщик, перед которым я в вечном долгу... Во всех смыслах новую жизнь дал этот мудрый человек: ремеслу научил, дом нам с женой оставил, и даже... имя... Так было проще...

- Проще? Но почему? – удивился Лев Исаакович.

- Так уж сложилось...

- А как же родственники Ваши?! Как они потом Вас нашли?

- А они и не нашли, - опустил голову он. – И не спрашивайте, почему... Может, когда-нибудь... Я ведь, знаете ли, - после небольшой паузы едва слышно добавил Хамза-ака, - из очень непростого рода... знатного, точнее сказать, рода... Предки мои большое влияние имели в Бухаре, да и средствами располагали немалыми – больше века серьезную торговлю через Оренбург с Россией вели... Образованные были...

- А сами Вы, образование, простите, где получали? Если не секрет, конечно...

Задавая этот вопрос, Лев Исаакович теперь был уже почти уверен, что лудильщиком волею судьбы стал, мягко говоря, совсем не неуч.

- Да нет... Для Вас - не секрет, - помедлив, ответил тот. - Окончил в свое время русско-туземную школу при русском политагентстве в Когане, где железная дорога проходила, что в пятнадцати верстах от Бухары... Потом еще прошел обучение в 5-м Оренбургском полку в Чарджоу ... Я военным был... И не рядовым... Но это, как говорят, уже другая история, - расправляя плечи, вздохнул Хамза-ака...

– Может, в дом зайдём? – вспомнив о положенном гостеприимстве, спросил он минуту спустя совершенно иным, будничным тоном.

- Спасибо, но, уже поздно... в другой раз, - ответной любезностью завершил разговор гость.

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 8августа2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете».

В коллаже использованы архивные фотоматериалы корр.ТАСС О.Кузина; а также фото из коллекции Г.Шерматова)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/08/15/288>

Белые акации Вавилона - глава 4

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.)

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>)

ЧАСТЬ I: БЕЛЫЕ АКАЦИИ ВАВИЛОНА

ЭКСПОЗИЦИЯ 4.

Пять тридцать утра... Сырой ветер пробирает до костей. Мира в тоненьком драповом пальтишке одета не по сезону. Но другого у нее нет: подаренную папой шубку она накануне вечером неосторожно положила сушиться рядом с буржуйкой, и в результате – большая дыра, явно воротник не красящая. Хуже всего, что скрывать приходится. «Ну, ничего, как-нибудь обойдется»...

Она поехала. У Горкома постепенно собирались сотрудники: скоро и их колонна двинется к площади. Вот и начальство появилось... потом знаменосец, Леня...

Среди людей стало теплей и веселей. Когда же их профком, Анна Васильевна, зычным голосом запела «Варшавянку», в душе Миры и вовсе пробудилась весна – песни, музыка, красные знамена... даже куда-то на задний план ушло полученное вчера через «третьи руки» известие о приговоре ее бывшей начальнице, Агнессе Ефимовне...

И вот они уже на площади у Дома связи. Та из конца в конец заполнена плотными рядами демонстрантов: собралось не менее двадцати тысяч человек. Все, затаив дыхание, ждут сообщения. Наконец, в наступившей тишине отчетливо звучат слова:

- Восьмой Чрезвычайный съезд Советов утвердил Конституцию – Основной закон Советского Союза!

Буря аплодисментов заглушает все. Даже играющий «Интернационал» оркестр. «Да здравствует дружба народов!»...

Это было десять дней назад. Лежа с простуженным горлом дома на диване и выпивая чашку за чашкой крепкий чай с маминым малиновым вареньем, она вспоминает то утро на площади со смутным ощущением радости и разочарования.

«Наверное, сказывается, болезнь... А, может, дело в «открытиях» последних недель... С Дашей расстались вот... А ведь права она была насчет Костика, - машинально поправляя белое кружево на полочке дивана, досадливо морщится девушка. – Он действительно ни одной юбки не пропускает! А врет-то... врет... То, говорит, одна их семья из Самары приехала, то вдруг проболтается про брата четвероюродного в Самарканде»...

Она вздыхает. На дворе декабрь. Скоро Новый год. А ведь только, казалось, этот встречали...

На кровати Миры рядом с подушкой – дневник, в котором, кроме заметок с ее личными впечатлениями, аккуратно вклеены сообщения из газет о самом важном - открытии памятника комсомольцу Мирзо Ризо в Гиссарском районе; переименовании Ходжентского района и города Ходжента в Ленинабад (официальное сообщение из Кремля, опубликованное 9 января); открытии аспирантуры в 1-м Таджикском госпединституте; слете на севере республики стахановцев хлопковых полей; завершении строительства железнодорожной ветки Сталинабад-Гульбиста; открытии здания железнодорожного вокзала... Созерцание их успокаивает девушку, вселяет уверенность...

«Нет, не зря все же время это прошло!», - заключает она и, кутаясь в починенную соседом, дядей Ваней шубку, кладет тетрадь на подушку... Улыбается... - на глаза вдруг попадает вложенная в дневник отдельно курьезная заметка из «Коммуниста Таджикистана»:

«Чеботарев опозорил звание пилота.

...На днях в суде слушается интересное по своим обстоятельствам дело пилота Сталинабадского гражданского аэропорта Чеботарева.

Чеботарев в день приезда в Сталинабад тов. Буденного, и встречи его на вокзале, устроил в вокзальном буфете дебош. Расхулиганившись, он избил носильщика и стрелка охраны, искусал находившегося тут же красноармейца, непристойно изругал работника УГБ, и пытался избить сотрудника УРО.

В прошлом Чеботарев судился уже за аварию самолета...».

* * *

«Шашки к бою! - Какой голос! Какой голос у Степана Лобова! Степан Лобов пошел в атаку. Перестали стрелять, сбегаются в кучу, садятся на лошадей. Бежать? Им некуда бежать. Сзади река. Скорее, скорее! Кони устали, кони еле идут, кони скачут из последних сил, кони выдержат еще немного. Скорее! Ничего, уже близко, уже совсем близко, уже видны лица басмачей. Ура!»

- О, Господи, какая динамика! – невольно вслух восклицает майор.

Спохватившись, что товарищ, наверное, недоумеает по поводу чего он вдруг «всеу» «староприжимно» выразился, спешит пояснить:

- Бой здесь точно описан! Так и вижу нашего Пал Захарыча, как он на картине

изображен... Молодой начальник заставы... Такой же, наверное, в то время по возрасту, как Коршунов... В том бою, где наши громят басмачей... Да... Это двадцать восьмой... Я тогда на той же северо-западной границе был, куда здесь Андрей Кузнецов служить уезжает...

- А Вы что читаете, Дмитрий Тихонович? – оторвавшись от отчета, спрашивает молодой лейтенант – помкомандира их мангруппы.

- Да, так... Друг из «Сигнала» приехал... Рассказ вот дал почитать.

- Рассказ? Такой большой? – с сомнением покосился на объемистую стопу листов в папке подчиненный.

- Да, что ты, Вить, в самом деле?! Рассказ... не рассказ?! Может, и не рассказ... Да... Точно... Он сказал, что это вроде как часть повести, что Средней Азии касается. Вот ведь написана! Читаю этого Канторовича, а перед глазами - головокружительные перевалы, выстрелы слышатся, и горное эхо, и вой шакалов, и крики басмачей... Точно картину смотрю...

- Завидую! Хорошая книжка – всегда радость!

...Свет в комнате моргнул и погас. В темном проеме окна стало отчетливо видно высокое среднеазиатское небо...

- Ну, все... Электростанция наша на сегодня отработала, и нам по домам пора, - захлопнул папку начопер. - Ты как, Вить, домой или к гнедому?

- Да нет, товарищ майор, на конюшню уже не пойду - был... днем.

- Ну, как знаешь... Я тоже тогда домой - Мире рукопись передам, пока не уснула: пусть на предмет стиля оценит...

* * *

- ДА НЕТ, пап, - возвращая наутро папку, выносит «вердикт» дочь. – Описания боя и природы, конечно, хороши, но вот язык... Не в пример Лукницкому!

- Лукницкий? Что-то не припомню, - завязывая тесемки папки, рассеянно бросает он.

- Забывать ты стал, пап... В прошлом году, когда он здесь останавливался, дневники свои давал читать... Потом еще мы с ним спорили...

- Ах, да... Вспомнил...

- Так вот, пап, когда Силантьеву будешь отдавать рукопись, обязательно скажи, чтобы обратил внимание на необоснованные повторы в конце второй главы.

- Ну и въедливая ты у меня! Прямо жуть берет! И что, совсем не понравилось?!

- Нет, пап, я с интересом прочитала... И знаешь, почему?

Он молча покачал головой.

- Да потому, что, благодаря ей, хоть немного о твоей жизни узнала. А то ведь что мы с мамой видим? Утром встаем – тебя уже нет; вечером засыпаем – тебя еще нет. А часто и вовсе по несколько дней пропадаешь.

- Странно это слышать от тебя на двадцать третьем году жизни! Работа такая! – с раздражением в голосе парирует он.

- Да, ладно... не сердись. Сам же спрашивал...

- Ну, извини... Просто не ожидал, что это на тебя эффект такой произведет! А еще говоришь, не нравится повесть... - застегивая кожанку, заключает он и идет к калитке. – Хорошо хоть, маме твоей читать не дал: вдвоем бы совсем запилили, – доносится его голос уже с аллеи...

- А мы вместе с ней и читали, - тихо, уже в спину ему, говорит она, восхищаясь в душе

терпеливой любовью матери...

* * *

«ПАПУ» Даша впервые увидела в конце сентября. В вестибюле театра (куда она, вслед за Леной, вышла отдохнуть от влажной духоты зала) ее внимание привлек что-то с горячностью доказывающий их директрисе явно семитского типа человек. То, что он был евреем, так это, как говорят, «к гадалке не ходи»: «мой Вовкэ», «бистро», плюс характерный, с горбинкой, нос доказывали эту истину как нельзя убедительней. В человеке этом все было необычно, начиная с сигары (в основном все в городе курили папиросы и очень редко трубку), которой он время от времени помахивал перед изящным носиком Озоды-ханум; интеллигентной, и, вместе с тем, торопливой манеры общения; и кончая его смотрящим в пустоту стеклянным глазом (вторым, здоровым, он хитро и зорко следил за реакцией своей собеседницы, от которой ему явно что-то было очень нужно).

- Ну, конечно, поможем, чем можем... по-братски... Сами, конечно, не богаты декорациями... но Вам...

- Я до Вас товарищ Ташмухамедова шел, а сам все думал: «так-таки нашел себе Ицкович приключение на свою мудрую голову!»... Ви не представляете, моя дорогэ, - как будто не слыша ее, тем временем продолжает он (хотя за секунду до этого Даша могла бы поклясться, что видела удовлетворенную улыбку на его лице). – Эти власти (дай им Бог всяческого здоровья!) вспоминают зэ Ицковичэ только кадэ им шой-то из под него нужно... Премьеру, Абрам Григорьевич как хош, но бистро сдай! К юбилею! А как помочь Абраму Григорьевичу? Их нет?!

Даша с Леной, слушая его монолог и глядя на оторопевшую директрису, хихикают уже почти что в голос.

Тем временем, хозяйка и гость подходят к двери. Озода-ханум, как-то виновато улыбаясь, приоткрывает ее перед ним.

- О, Ви так любезнэ! - проскальзывая в образовавшийся проём, бормочет тот торопливую благодарность...

- Кто это? – указывая глазами на скрывшегося за дверью мужчину, сквозь смех спрашивает Даша.

- А ты разве не знаешь?! - улыбаясь, отвечает подруга. – Это Ицкович, директор нового театра. Труппа его, ну те, что в ДКА, ласково зовут его «папой». Говорят, их Жора Менглет привез. Не видела?! Такой красавчик...

* * *

- НА РЕПЕТИЦИЮ к «ДэКовским» попали случайно (пригласила встреченная Леной в хлебном жена их худрука – Якова Штейна). Где-то минут через пять после начала на сцене появился Менглет. Сначала он не произвел на Дашу впечатления.

«И не такой красивый вовсе», - подумала она, покосившись на таявшую рядом от счастья Лену. Но его игра... даже прерывающаяся репликами режиссера и других актеров, повторами тщательно отработываемых сцен... без грима... без костюма... была, тем не менее, настолько убедительна, что девушка невольно заинтересовалась не только создаваемым им образом коммуниста-Листрата, но и им самим. Она вдруг увидела затаенную грусть в его глазах, которая, как в тот момент ей показалось, была уже не ролью, а личной человеческой сутью актера. Листрат в его исполнении получался светлый, чистый, добрый и какой-то... обреченный...

«А ведь в нем правда что-то есть»... Что? Точнее Даша тогда это определить не смогла, а придумывать не хотела. Но... в ДКА с тех пор ее тянуло постоянно. И потому, когда Штейн вдруг предложил ей поучаствовать в массовке «Земли», раздумывать не стала ни минуты...

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 15августа2012 на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете».

В коллаже использованы архивные фото О.Кузина и рисунок (фотокопия гравюры 1937г.)из коллекции Г.Шерматова.

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/08/22/256>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Белые акации Вавилона - глава 5

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>) <http://www.proza.ru/2012/08/15/288>)

ЧАСТЬ I: БЕЛЫЕ АКАЦИИ ВАВИЛОНА

ЭКСПОЗИЦИЯ 5.

Дни летели за днями... Репетиции у себя в Лахути; репетиции и съемки у Ярматова; репетиции с «менглетовскими», занятия по вольтижировке у Рогге, чарльстон вечером на танцплощадке ДКА... И главное... главное – общение с людьми, о которых раньше могла только в книжках читать!

- Знаете, Лев Исаакович, - встретившись с провизором как-то случайно, на Ленинской, захлеб рассказывала она, - они такие интересные, такие увлечённые... Пастернака Жора Менглет с Олежкой Солюсом вслух читают, песни под гитару поют... Особенно красиво Шура Бендер «Скажите, девочки» исполняет... Да-да, не улыбайтесь, у нас есть свой Бендер...

Она сказала «у нас» и «свой», даже не заметив этого... Зато заметил Лев Исаакович:

- Они, правда, уже для Вас свои... - внимательно глядя на нее, печально констатировал он.

Даша потупилась, вдруг осознав, что он ревнует к новым её друзьям. И немудрено. Где-то месяц назад, признавшись себе, наконец, в тех чувствах, которые невольно ему внушает, она сознательно от него отдалилась - в киоске с тех пор не бывала, да и на встречи соглашалась редко.

- Милый, дорогой, Лев Исаакович... Простите... А знаете? Завтра после репетиций я постараюсь забежать за Вами и пойдём обедать в столовую ДКА - там прекрасные свиные отбивные! Или, даже лучше, прямо туда подходите. Ладно?

- Договорились, - с натянутой улыбкой на губах ответил он.

Обожгла догадка, что, приглашая его, девушка руководствовалась лишь жалостью. «Но почему?!», - с горечью в сердце подумал он.

* * *

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ они так и не встретились. О том, что занят (неожиданная ревизия), Лев Исаакович, не сумев дозвониться в театр, передал с оказией: на выходе записку вручил вахтёр, дядя Изя. Бегло пробежав ее глаза, Даша практически тут же переключилась на другое: «ну что ж, занят - так занят... бывает»...

Потом жизнь снова завертела её в вихре событий и дел...

Однажды ей пришлось репетировать какую-то эпизодическую роль с Менглетом.

Солнечный луч бил прямо в окно, золотя светлые локоны ее распущенных волос и нежный пушок на коже...

- Вы прямо как сочный персик! – шепнул ей на ухо партнер то ли комплимент, то ли признание.

Прозвучало оно настолько интимно, что она залилась краской. Стало вдруг горячо не только лицу, но и телу. Ее рука в его ладони дрогнула...

- Ох, Дашенька... - прижав её на миг к себе, выдохнул он.

- Что, Георгий? – не смея взглянуть ему в глаза, пробормотала она.

Он не ответил... Эпизод они отыграли в полном молчании...

«Что это было?!» - сидя в гримерной, вновь и вновь воскрешает она в памяти тот момент близости. Кровь еще пульсирует во всем теле... Как будто не её вовсе, а чужая, неуправляемая, дикая кровь... Это - не просто ощущение чужого желания... Это - нечто большее... «Что?!», - лихорадочно стучит в висках...

СКЕРЦО*

Равномерный стук колес успокаивает и навеивает сон. Нина, которая к концу пути думает об ожидающих ее загадочных Памирах без прежнего страха (просто притерпелась!), опускает голову на корзину с немудрящей поклажей и уже было начинает задрёмывать...

- Миль пардону, мадам! – разрывает легкую пелену сна приятный баритон.

Девушка открывает глаза. Над ней склонился щеголевато одетый молодой человек. В руке он сжимает алое... с кулак величиной... яблоко. Таких у себя на Тамбовщине она никогда и не видала!

- Смотрю вот девушка одна сидит... скучает... Дай, думаю, яблочком угощу!

- Да не одна я вовсе... Наши в другом конце вагона...

- Ну, вот я и говорю, одна. Они там – вы здесь...

Мужчина приглаживает и без того безупречно набриалиненные волосы.

- Ну, так что? Яблочко будете кушать? – глядя ей прямо в глаза, повторяет он, протягивая «заморский» фрукт.

Глаза его Нину почему-то сейчас пугают: что-то проглядывает в них чужое...

необузданное что ли... Яблоко, однако, она берет. Просто потому, что отказать не смеет.

- Спасибо, - односложно отвечает она, пристраивая угощение в корзине поверх вещей.

Ее попутчик как-то криво улыбается.

- Ну что ж, не хотите сейчас, потом скушаете. А мы пока поговорим. Не возражаете?

Возражать Нина опять-таки не посмела. Она молча кивнула.

- В гости едете, или как? – начал «светскую» беседу он.

- По распределению. Я – учительница русского языка...

- И куда распределили-то? По крайней мере, не в кишлак?

- ???

- Ну, в деревню, - увидев недоумение собеседницы, пояснил он.

- В Сталинабад.

- В Сталинабад – это хорошо! Ну и как? Не боязно в новый-то край ехать?

- Еще как боязно! – вдруг прорвало ее (вопрос мужчины задел «за живое»!). – Я совсем не знаю эти Памиры... таджиков не знаю... - неожиданно для самой себя, выпалила она.

Странный попутчик рассмеялся:

- Ну, какие же Сталинабад «Памиры»?! Где они, а где он! Да... с географией у Вас не ахти...

- Нас по ускоренному курсу обучали. И потом... география всегда была моим слабым местом, - устыдившись своей откровенности, ответила она и опустила голову.

Глядя на густой румянец, заливший при этом ее лицо, мужчина хохотнул:

- Да... Вот насмешили-то! Ну и что же Вам про «Памиры» эти порассказали, что Вы до сих пор при их упоминании дрожите? – улыбаясь, спрашивает он.

- Что рассказали – то рассказали, - огрызается она, по-прежнему красная от стыда еще и за свою безграмотность («учительница, тоже мне!»).

- Да, ладно, не дуйтесь! Давайте знакомиться лучше. Лев. Для вас, можно просто – Лева... А Вас, простите, как?

- Меня Ниной зовут, - ответила она, вертя в руке духовитое, красное яблоко.

- Да, Вы кушайте, кушайте, - заметив ее жест, поощряет новый знакомый.

Она робко кивает и улыбается - теперь он уже не кажется ей таким уж страшным...

ЭКСПОЗИЦИЯ

Мира озабоченно смотрит на телефон: час назад трещавший не умолкая, он вдруг подозрительно затих...

«И что это молчат военные? Не случилось ли чего? - тревожится она. - Пора уже отчитываться начальству: «разрешат ли участвовать в параде самолетам-разведчикам?», «как и когда сбросят листовки?», «выведут ли на площадь танки?», «какая еще техника пройдет мимо трибун?»...

Этот парад - особенный, юбилейный, и потому ходом подготовки аж с самого «верха» интересуются. Мира это хорошо знает. Как знает она и то, что сейчас ее сообщения с нетерпением ждет секретарь Горкома, чтобы, в свою очередь, отзвониться в ЦК.

«И почему связь с гарнизоном поручили именно мне?!», - с тоской глядя на молчащий телефон, думает девушка.

Звонкая трель разрывает тишину...

- Да-да... Штаб?! Горком слушает! – кричит она в трубку.

- Не штаб это. С Осоавиохима звонят. Вы поняли меня, барышня? С кем можно поговорить насчет колонн «ворошиловских стрелков» и «ворошиловских всадников»?

- Я - не барышня вам, а инструктор Горкома. Со мной и можете поговорить. Так что вы узнать хотели?

- Хотел уточнить по количеству участников.

- От Вас должно быть две колонны по сто человек, - сверившись со списком, отчетливо произносит она в хрипящую трубку. - И чтобы обязательно были в форме с эмблемами своих обществ! Ваши колонны пойдут сразу за футболистами «Динамо».

- Есть, товарищ инструктор!

Мира кладет трубку на рычаг. Вновь тянутся минуты томительного ожидания. И это уже не первый день.

«А во второй магазин Горторга мебель завезли... в магазине Главширпотреба – швейные машинки реализуют (мамина старая давно на ладан дышит!)...»

предпраздничная торговля... опять же – пряники, колбаса, вино... Э-эх ничего не успеваю! Скорей бы, наконец, парад прошел! Сил нет!», - вздыхает она, глядя на часы.

Большая стрелка упирается в двенадцать... По полуночи, конечно...

СКЕРЦО

- Ша, братва! Идет, кажись, кто...

- Да не... Показалось с темени!

- Не... Точняк! Ша, ребята!

Все замирают, сховавшись за деревом.

- А ну-ка, фраерок, глянь, не завалилось ли чего в пинжачке? – через мгновение заступают они дорогу неторопливо (несмотря на позднее время) пересекающему аллею нового Фрунзенского парка незнакомцу.

В глубоком рву неподалеку маслянисто поблескивает среди камышей вода.

- Ой же щ, держите меня впятером: напугался до немогу! – отвечает тот издевательски тот и резко останавливается. Затем неторопливо достает из кармана часы-«луковку»,

открывает крышку и при помощи невесть откуда скользнувшего в руку фонаря освещает циферблат. – А время-то, гляди, детское... Шли бы спать, сопляки!

- О-о-о, у нас бимбар есть?! Сгодится! – поигрывая кастетом, подступает к нему вплотную, светло-русый парень в скрипящих прохорях и кепке-восьмиклинке. – Какое у нас правило, Сэмэн? А ну-ка озвучь для дядечки!

- Как с фильму... Гоп, стоп, что везешь? Дерьмо! Сваливай — мне все равно! – цедит сквозь зубы Сэмэн и сплевывает.

- Это мы шо ли сопляки, фраерок?! – бычится третий, в тюбетейке с кисточкой. Фикса на его правом верхнем зубе при оскале бликует желтизной. В руке поблескивает сталь финки.

- О-ох, якие ж мы серьезные! Охлонись-ка, малец, - мгновенно выбивая нож из руки парня, бросает разоруженному бандиту мужчина.

Еще несколько секунд... и вся обезоруженная кодла сидит на земле.

Незнакомец аккуратно одергивает щеголеватое пальто из редкого по тем временам немецкого драпа.

- Ну, что? Успокоилась, шпана? – спрашивает он, обводя всех жестким взглядом (те под ним невольно съеживаются). – А теперь слухай сюды. Сегодня вы большую, можно сказать даже непростительную для себя, ошибку сделали: вы, падлы, на жигана хвост подняли; Леву Марсака не признали!

- Да кто же знал?! – пристыжено бормочет изумленная «кепка», отряхивая пыль с купленной намедни рубахи. – Не сказывали, что приехать должен...

- Не сказывали, - передразнивает «авторитет». - А то что бы? Встречу организовали?! Вы вот сейчас так и сделали!

- Прости. Говорим же, не признали, - меняет тон парень в ковровой тюбетейке.

- Ладно... Покудова ошибку вспоминать не буду. Ведите к главному. Гутарить будем...

* Скерцо - инструментальная пьеса в быстром темпе

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 22августа2012 на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете».

В коллаже использованы фото из коллекции Г.Ольховой, а также архивные снимки О.Кузина)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/08/29/310>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Белые акации Вавилона - глава 6

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>)

КАДЕНЦИЯ*

Ночи с шестого на седьмое у Миры не было вовсе. Как, впрочем, у всех ее коллег и, конечно же, у секретарей, председателей и командиров всех уровней и рангов Сталинабада и его окрестностей. Завтра для всей страны будет особый день – двадцатилетие Великого Октября. Для них же это, помимо прочего – «главный экзамен на политическую зрелость» и профессиональную пригодность: юбилей должен запомниться если не на века, то, хотя бы на десятилетия, продемонстрировав миру мощную поступь социализма. Каждый шаг потому рассчитан и согласован на высочайшем уровне. Его нельзя, просто немислимо «смазать» или выполнить на «так себе». «Лишь бы все прошло, как надо!», - едва не молится про себя каждый...

* * *

ПЯТЬ УТРА... Военный городок на Чапаева ярко освещен. Выкрики команд... топот сотен сапог... матерная скороговорка младших командиров полусонным, замученным пятинедельными репетициями красноармейцам... конский храп и ржание... звяканье сбруи - весь набор звуков сбор-похода любого кавалерийского полка на парад со времен Екатерины Великой - до краев наполняет его! Патриархальность кавалерийского уклада нарушает лишь все более явное ворчание танковых двигателей в ангарах у обрыва над Душанбинкой: батальон готовит «пятерки» и «семерки»** к первому праздничному выходу из части.

Шесть утра... Бренчание «пимполок» тысяч жестяных ручноймойников в сталинабадских дворах и квартирах... фыркающие под ними парни, девушки, мужчины и женщины... керосиновые лампы на столах... пузатые чайники на шипящих примусах и керосинках...

«Папа! На глаженое платье пиджак кто повесил?!»; «Ты бы новые ботинки на демонстрацию не одевал, сынок! Натрут!»; «Мать, ну тебя с картошкой! Мне бежать аж до фабрики – там сбор, а я знаменосец! Колонна без меня уйдет – парторг убьет!». Семь утра... В предрассветной тьме пасмурного ноябрьского дня по городу во все концы спешат люди... У каждого учреждения – группка самых ответственных и бессонных во главе с неизменной нервной троицей: парторг, комсорг, профорг... В руках первого - список его демонстрантов... два других охапкой держат свернутые знамена и транспаранты, которыми с видимым облегчением «одаривают» каждого подошедшего сотрудника. Парторг время от времени «ныряет» в открытую дверь заводоуправления к телефону доложить в горком о ходе формирования колонны. Восемь утра... Сталинабад с птичьего полета выглядит странно: в военном городке на Чапаева - тысячи людей в форме и с оружием... сотни оседланных и вычищенных коней... в полной готовности пофыркивают бензиновыми выхлопами свежескрашенные зеленой краской «краснозвездные» танки; на аэродроме, продуваемом ноябрьским ветром, механики сосредоточенно возятся у четырех Р-5 и одного «кукурузника» - ПО-2, к которому уже подвезли несколько перетянутых шпагатом пачек листовок; у большинства административных и заводских зданий переминаются выстроившиеся в колонны горожане... Там весело... слышны песни, смех, шутки, а, порой, и звон стеклянной тары - народ втайне от истеричного начальства греется водочкой и домашним вином, крикая и зажевывая хмельное кто корочкой хлеба, кто яблочком... И только центр города, на площади у Дома связи, пуст и безлюден. Лишь у выстроенной вчера деревянной трибуны топчутся два милиционера в шинелях. Восемь пятьдесят пять... У Совнаркома застыли в строю две роты красноармейцев в новенькой, перетянутой скрипящими ремнями форме, начищенных сапогах и с винтовками с примкнутыми штыками у правой ноги. Частокол штыков и «шишаков» суконных буденовок заполняет все пространство широкой улицы на сотни метров... Дальше похрапывает, переговаривается и позвякивает сбруей конно-людская масса кавалеристов 20-й кавдивизии – грозы басмачества, «хозяйки оперативных просторов» Южного Таджикистана... За ними, на перекрестке Ленина и Чеслава Путовского, урчат на холостом ходу восемь новехоньких танков БТ-5 и БТ-7 (южнее в СССР их можно встретить лишь в гарнизоне Кушки)... Кони из последних рядов тревожно косятся назад на чадящие чудовища, похрапывают и приплясывают. Кавалеристы натягивают поводья, тихо матерясь на них и на танки... Метрах в тридцати по улице в сторону пединститута стоят, пестрея красными флагами и транспарантами (а где-то и национальными - таджикскими, русскими, грузинскими, украинскими - костюмами), колонны сталинабадцев. Горкомовские и райкомовские инструктора с трудом сдерживают любопытных пацанов, ломающих ряды в стремлении получше разглядеть невиданную военную технику... А в это время на высокую деревянную трибуну с медлительной торжественностью поднимается партийное и советское начальство во главе с Дмитрием Протоповым и командующим Сталинабадским гарнизоном генерал-майором Шапкиным. Слева от трибуны сияет начищенной медью труб сводный военный оркестр...

Девять ноль-ноль... Протопов подходит к массивному, растянутому в деревянной рамке микрофону, и, откашлявшись в кулак, произносит сообразную моменту краткую, прочувствованную речь (в которой отмечает и «всемирное значение Великого Октября»),

и «трудности социалистического строительства на Востоке», и «происки мирового империализма», и, конечно же, «перспективы победы Мировой Революции, требующие титанических усилий, в том числе, от граждан Советского Таджикистана»)… Когда последние слова, отзвучав, растворяются в торжественной тишине, ее в тот же миг разрывает цокот копыт: это после объезда частей рысью скачет к трибуне командующий парадом - щеголеватый полковник-кавалерист в новенькой, иссиня-черной бурке. Его доклад гражданскому и воинскому начальству о готовности краток и четок: «прибыл», «готов», «построен». Генерал Шапкин со вскинутой к серой каракулевой папахе ладонью, вздернув подбородок, внимательно выслушивает его, и резко кивает в ответ – «начать парад»!

…Выкрикиваемые команды тонут в слитном звучании оркестра, грянувшего «Интернационал». Красноармейцы, стоящие в пешем строю, вытягиваются по стойке «смирно» и, перебросив винтовки от ноги наперевес, игольчато ошетиняются штыками. Плотная масса загорелых, вооруженных людей разом вступает на площадь - их шеренги единым, мощным потоком «текут» мимо трибуны свидетельством силы и неотвратимости Мировой Революции… Движущаяся за ними конница, у входа на площадь, по команде, обнажает клинки и прорвавшееся на миг сквозь плотные, серые облака солнце миллионами бликов играет на сотнях смертоносных полос уральской стали плотно зажатых в ладонях кавалеристов.

Дирижер военного оркестра подает команду и над городом, далеко окрест, разносятся аккорды «Марша Первой конной»:

«…С неба полуденного жара – не подступи,
Конница Буденного раскинулась в степи»…

Сытые, породистые кони, блестя вычищенными боками и крупами, нервно помахивают подрезанными хвостами, кося лиловыми глазами на трибуну с начальством и роняя пену с закушенных удиц; зеленые гимнастерки, крест-накрест перетянутые портупелями и ошетинившиеся частоколом стали и карабинов, сливаются с ними в одно целое; и потому кажутся Мира (стоящей «на подхвате» у трибуны вместе с еще несколькими горкомовскими) «потоком» мифических кентавров, спустившихся сюда с нависающих над городом с севера и уже покрытых снегом гор.

«…Никто пути пройденного у нас не отберет,

Конница Буденного – вперед, вперед!», - звучат в голове у девушки слова марша…

А на подходах к площади все явственней слышится грохот техники. Протопопов подносит руку «козырьком» к глазам, загораживаясь от не вовремя упавшего на лицо лучика света. При этом он настолько сильно выворачивает голову влево, что начинает ломить шею; но он почти не замечает этого: в пределах видимости, наконец, появляется громыхающая на пароконных упряжках артиллерия, а затем и гордость Сталинабадского гарнизона – танки (БТ-7, доставленные сюда на железнодорожных платформах в прошлом году, успели напугать горожан своим ночным переходом от станции в 3-й военный городок; теперь они, с торчащими по пояс из башен командирами в ребристых шлемах, вызывают восхищение сталинабадцев, переходящее в настоящую истерику у подростков, до хрипоты орущих «ура!» этому воплощению стали и огня)…

Неожиданно все присутствующие на площади задирают головы – в небе появляются самолеты-разведчики Р-5. Впечатление от мощных стальных чудовищ на земле закрепляется грозным рокотом с неба – сила Красной Армии никогда еще не была так

понятна и близка каждому сталинабадцу: души большинства из них в этот миг наполняются гордостью за страну и армию; и лишь некоторые - испытывают... раздражение и страх...

А сверху... с летящего за Р-5 ПО-2... словно листья с опадающего неведомого небесного клена, сыпятся тысячи листовок: на днях в строй промышленных предприятий вступит гордость таджикского народа, его детище – ВарзобГЭС! Да! Сталинабаду есть чем гордиться!

* * *

К ДЕСЯТИ, ТО ЕСТЬ К НАЧАЛУ демонстрации трудящихся, погода вдруг разгулялась. Выглянуло солнышко. Стоящий на трибуне тучный Протопопов начал вытирать со лба пот. Лицо его покраснело, ярко оттеня голубые глаза за стеклами очков... Сейчас, когда мимо трибуны забурлил нескончаемый людской поток, они ярко сияют... С искренним одобрением салютует он белоснежным колоннам спортсменов с бутафорскими мячами, ракетками и даже шахматами (некоторые из них время от времени останавливаются, выстраиваясь в «живые фигуры»); чеканящим шаг «ворошиловским стрелкам»; картинно вольтижирующим «ворошиловским всадникам»...

Привлекают живой интерес республиканского партийного начальства и красочно обставившие свой выход на публику актеры - таджики в национальных костюмах, артисты театра Лахути; одетая в немыслимые наряды всех эпох и народов Русская драма...

При виде гарцующих на гнедых жеребцах Смеральдины с Беатриче (из «Слуги двух господ») Протопопов с Шапкиным переглядываются... Командарм, лихо подкручивая усы, улыбается и машет прекрасным наездницам рукой (их вчера учил вольтижировке его сын, сменивший работавшего до него с ними Рогге)... А на площадь тем временем уже выезжает верхом на роскошном белом коне Яша Бураковский – мушкетер в плаще и при шпаге... За ним следует грузовичок (из «Разлома»)... Из него задорно выглядывает одетая в тельняшку и бескозырку красавица Валя Русанова... Она стреляет глазками, так сильно при этом высовываясь из окна кабины, что едва из нее не вываливается... Это даже вызывает некоторое беспокойство едущих в кузове революционных матросов... один из них – Жора Менглет...

Даша смотрит на него как всегда из «массовки». В колонне вместе с ней – одетые в русские, украинские, грузинские, белорусские, молдавские, таджикские костюмы – девушки и парни из сталинабадских профессиональных и самодеятельных театров, киностудий, клубов и Домов культуры... Они, танцуя, движутся мимо трибуны...

Попеременно звучит то гармошка, то свирель, то дойра...

Выдумку проявляют все... Школьники, к примеру... Для того, чтобы выйти сейчас, следом за актерами, на площадь в виде красочного цветника нарциссов и маков, они всю неделю вырезали и клеили цветы из специально для этой цели завезенных в школу цветных кусков грубой бумаги. Работали часами и после занятий, и дома... Но зато результат...!

«Жаль, что не могу видеть нас оттуда... с трибуны! То-то красота, небось?», - думает, держа в руках огромный алый мак, коренастый Егор - сын Василия и Любы...

«На площади ли дододжон? Видит ли меня?», - выглядывает в толпе за «живым ограждением» Хамзу-ака его сын Рустам - худощавый, большеглазый мальчик с высоко

поднятым над головой ярким, желтым нарциссом ...

А людская река, бурля, все течет и течет дальше. Она многолика... и... едина одновременно...

Вот взгляд Миры неожиданно выхватывает из толпы лицо Даши...

Видит ее в этот миг и, практически неотличимый от десятков идущих рядом людей в белых, медицинских халатах Лев Исаакович...

Смотрит из-за «ограждения» на молоденькую школьную учительницу Нину ее новый знакомец, Лева Марсак... Он держит в руках букет роскошных георгинов, точно зная, что произведет этим неотразимое впечатление на скромную, тамбовскую девчонку... У него на нее большие виды... Но он не торопится: главное между ними произойдет позже...

* * *

А ПРАЗДНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ... Парторгами, комсоргами и профорганами собраны последние транспаранты... Под роспись сданы на склады красочные костюмы, дутары и гармошки... И вот уже праздник – на улицах города. Он «выплескивается» на них с площади, заполняя собой все: и пустовавшие до того столики многочисленных столовых и закусовых (где по этому случаю развернута широкая торговля пельменями, пряниками и пирожками!), и одетые в «багрец и золото» аллеи, и деревянные скамьи парка... Взрослые, уже успевшие «подогреться» в колоннах и после, оживленно переговариваются... Слышны смех, шутки... Ребятя довольна не меньше: в руках красочно одетых мальчиков и девочек - сладкие «тянучки», петушки на палочках, орешки; а в душах – ожидание чуда... Ведь сейчас, здесь, в парке Ленина, начнет свое сказочное действие цирк-шапито - закружатся на трапециях воздушные акробаты... изящно провальсирует на шаре «Мальвина»... взлетят к небу серебристые булавы жонглеров... и, главное-главное... здесь будет их любимый Чарли-Чаплин! Вот еще минута... и еще...

- Ур-р-а-а!!! – Что есть мочи, вопят мальчишки, едва завидя на арене человечка с усиками и в шляпе.

Кто-то, схватив веточку, долженствующую изображать трость, уже начинает копировать его знаменитую «утиную» походку... Кто-то уморительно корчит рожи, размахивая заменяющими им котелок фуражками... А «Чаплин», тем временем, жонглирует тросточкой... Зацепившись носком за ковер — падает... Ребятя, хохоча, тут же повторяет трюк, с наслаждением плюхаясь на песок... Мамы не сердятся – и стирка, и глажка... - все это будет завтра... А сегодня – ПРАЗДНИК! Уставшие от бесконечных, нелегких будней женщины, радостно смеются шуткам мима и, еще больше - шалостям своих детей... Пыль на брюках... Какая это, по сравнению, со всем этим неважнецкая чепуха, о которой даже вспоминать не стоит!

* * *

ВЕЧЕР ПОДХОДИТ НЕЗАМЕТНО. Но праздник не снижает «обороты» - он просто переходит в другую, более размеренную фазу, перемещаясь у кого-то в кухни и гостиные, а у кого-то ... и в театр...

В ДКА – долгожданная премьера... «Земля» Вирты... На почетных местах - первый секретарь компартии Таджикской ССР Дмитрий Захарович Протопопов и второй

секретарь - Мамадали Курбанов. Зрительный зал на три четверти заполнен военными. Остальная часть присутствующих – представители немногочисленной пока еще сталинабадской интеллигенции – врачи, инженеры, учителя. Есть и красочно одетая публика из числа, так называемых, состоятельных мещан. Среди них - Лева Марсак с красной от смущения Ниной; говорящие на смеси русского и идиша мужчины и женщины в роскошном шевиоте и бархате...

Кто они? Откуда? Да кто ж знает?! Сталинабад этих лет кто только не населял?! Здесь спасались от лагерей раскулаченные, расказаченные и нэпманы, ютились в кибитках господ-дворяне (чьи родители одевались в Париже), сюда из Москвы и Ленинграда ссылались известные проститутки (которых так просто от приличных женщин было и не отличить, благодаря чему многим удалось-таки быстро пристроиться под «теплым крылышком» местных чиновников)...

Сейчас, в зале ДКА, всех их уравнивало одно простое обстоятельство – они первые зрители первого в Сталинабаде русского театра... То есть все они – свидетели рождения чуда. Еще минуточку... и на сцене появится праведный и правильный коммунист-Листрат, блеснет сапожками и цинизмом бандитка Косова... Иными словами, начнется сказочное действие, в котором каждый из зрителей найдет то единственное, что будет помнить всю жизнь...

А потом... Потом, как все истинно прекрасное в этом мире, спектакль окончится... И вновь будут серые будни, которые неизбежно следуют за любыми, даже самыми светлыми, праздниками... Жизнь в этом разноязыком Вавилоне продолжится...

КАДЕНЦИЯ 2

«...5 марта 1938... Яркое светит солнце. Чирикают за окном у лужи воробьи... Только что за чем-то заходил домой папа... Он принес сегодняшнюю «Правду»... Читали ее вместе с мамой... Первую полосу решила сохранить... В память об Агнесе Ефимовне... «Вчера на заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу антисоветского "правотроцкистского блока" продолжался допрос обвиняемых. Были допрошены подсудимые Шарангович, Ходжаев, Розенгольц, Крестинский, Раковский. Суд шаг за шагом разматывает клубок чудовищных преступлений против советского народа, совершенных оголтелой бандой правотроцкистских заговорщиков, презренных изменников родины. Великий советский народ единодушно требует беспощадного уничтожения гнусных предателей, убийц, провокаторов и шпионов. СТЕРЕТЬ С ЛИЦА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ ПОДЛЫХ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ! ИСТРЕБИТЬ ЗЛОДЕЕВ! (Резолюция слета колхозников-стахановцев Таджикистана. Сталинабад, 4 марта... По телеграфу) ...Слет колхозников-стахановцев Таджикистана с негодованием и возмущением клеймит позором проклятых убийц, изменников родины, диверсантов и шпионов Бухарина, Рыкова, Файзуллу Ходжаева, Акмаля Икрамова. Злодейские преступления предателей вдохновлялись злейшим врагом советского народа - Троцким, агентом иноземных разведок, подлейшим провокатором. Слет колхозников-стахановцев заявляет, что никаким провокациям и преступлениям фашистских наемников никогда не удастся поколебать волю трудящихся к дальнейшей борьбе под руководством большевистской партии и вождя народов товарища Сталина, за окончательную победу коммунизма. Слет колхозников-стахановцев требует от Военной Коллегии Верховного Суда СССР истребления всех участников "правотроцкистского блока".

И здесь же:

СВЯЩЕННАЯ НЕНАВИСТЬ НАРОДА (Из резолюции митинга рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода "Новое Сормово" ... Горький... По телефону)... ЗАКЛЯТЫЕ ВРАГИ НАРОДА (Из резолюции, принятой на митинге трудящихся шахты №1 имени Челюскинцев треста "Сталинуголь" ... Сталино... По телефону)... НИКОМУ НЕ НАРУШИТЬ ДРУЖБЫ НАРОДОВ СССР! (Резолюция рабочих, инженерно-технических работников и служащих Киевской кондитерской фабрики имени Карла Маркса)... ЧУДОВИЩНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (Из резолюции третьего совещания по физиологическим проблемам Академии наук СССР и Всесоюзного института экспериментальной медицины)... ГНУСНЫХ ПРЕДАТЕЛЕЙ - РАССТРЕЛЯТЬ! (Резолюция собрания рабочих, работниц, инженеров, техников и служащих Коломенского машиностроительного завода им.Куйбышева.

Коломна...Передано по телефону)... ДУШИТЕЛИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА (Из резолюции, принятой на митинге колхозников Красносельского колхоза, Арзамасского района, Горьковской области. Присутствовало 550 человек)...

...Достаю из сумочки невесть как оказавшийся там вчера обрывок последней записки Вайнштейн... Я почему-то знаю, что попала она ко мне не без папиного содействия (!) и что она именно от нее:

«... И началось невероятное. Сначала у меня забрали сумку, в которой были партийный билет, паспорт, удостоверения члена ЦК КПБ Таджикистана, члена республиканского правительства, письма Павлова. Потом вошли две женщины, отвели меня в другую комнату и тщательно обыскали, раздев догола. Все это была так страшно, противно, непонятно. Хотелось кричать: «Зачем все это? Что вы ищете?» Потом велели одеться, вернули пустую сумку и отвели в камеру. Сколько дней и ночей сидела я в одиночке, не могу вспомнить. Все это время я была подавлена страхом. Наконец меня вызвали с вещами, посадили в «воронок» и отвезли на Павелецкий вокзал. Отсюда вагонзаком в сопровождении сотрудника НКВД меня доставили в Саратов.

Здесь, в камере местной тюрьмы со мной находились две молодые и одна пожилая женщины. Когда я вошла, одна из молодых шумно удивилась: «И вас привели сюда? Напишите Шеболдаеву. Ведь он вас хорошо знает. Это же недоразумение». Кто она такая? Откуда она меня знает? Я боюсь со всеми разговаривать. Пожилая женщина все время что-то бормочет. Все непонятно и страшно.

На следующее утро меня вместе с молодыми сокамерницами повели стричься. У парикмахера я взглянула на себя в зеркало и увидела седую старуху с всклокоченными волосами, похожую на ведьму. «Кто это?» Не сразу поняла, что увидела себя. Дежурный быстро взял меня за руку и отвел обратно в камеру. Я не хотела ни с кем разговаривать. Все ждала, что меня вызовет начальство и все образуется. Была уверена: в тюрьму попадают только в чем-то виновные. За что же попала я?...

Сейчас я действительно не знаю, что обо всем этом думать... Да и стоил ли?! Все-таки, партии виднее»...

(Стр.39 дневника Миры)

* Каденция(муз.) - гармонический или мелодический оборот, завершающий музыкальное построение.

** Танки БТ-5 и БТ-7.

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 29 августа 2012 на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете».

(В коллаже использовались фото из личного архива авторов)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/09/05/252>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Часть 2 - Братина горя и добра

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>)

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

ЛЕЙТМОТИВ* «СТАРОЖИЛЫ»

Хамза-ака невидящим взором смотрит в тусклое, низкое окошко. Он обижен и раздражен – сын ушел, хлопнув дверью, даже не попытавшись понять. «Как он мог?!», - недоумевает мужчина...

«Ходики» мерно отсчитывают минуту за минутой, а он все сидит, уставившись в одну точку. Когда маленькая стрелка упирается в девятку, из окошка суетливо выглядывает «кукушка»...

На третьем «ку-ку» Хамза-ака стряхивает с себя тяжелое оцепенение.

«Да... - с трудом поднимаясь с курпачи,** заключает он, - не в наше время стервец растет!»...

Взгляд его падает на лежащую на столе прошлогоднюю «Пионерскую правду». Взяв ее в руки со смешанным чувством гадливости и любопытства, лудильщик «по диагонали» просматривает заголовки: «СОВЕТСКИЙ ПАВИЛЬОН - ГОРДОСТЬ НАРОДОВ СССР» ... «ИСПАНСКИЙ НАРОД НЕ ПОКОРИТСЯ ФАШИСТАМ»... «КИТАЙЦЫ УНИЧТОЖИЛИ ОТРЯД ЯПОНСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ»... «ЯЗЫК ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ»... «ПОКОРЕННЫЙ ПОЛЮС»... «ЮНЫЕ ГЕОЛОГИ - УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ»... «БОЛЬШОЙ ПИОНЕРСКИЙ КОСТЕР»...

«... Да... Этой вот мутью соплякам головы и дурят»...

Все еще раздраженный, он комкает газету и бросает ее обратно на стол. Затем нетерпеливо сует голые ступни в галоши и выходит во двор. Картина, которую он там застаёт, неожиданно для него самого охватывает его теплом и уютom, примиряя с действительностью: Мехринисо, закончив печь лепешки, спокойно и деловито сметает с погасшего тандыра золу. На столе, под чистым, белым платком - гора воздушного, пористого хлеба... Его духовитый, будоражащий аромат столь сильно щекочет ноздри, что у мужчины появляется острое желание прямо сейчас вынуть из середины стопки теплый, румяный диск и, хрустко разломив его, впиться в кружевную серединку зубами. Хамза-ака сглатывает вдруг заполнившую рот слюну и решительно отворачивается. Да... Нон***... Он – всему голова и... всему начало... Этот конкретно даст им сегодня и пищу, и башмаки взамен прохудившихся сыновних...

Мысль лудильщика опять возвращается к недавнему разговору с Рустамом. Он хмурится...

Мехринисо, обернувшись, замечает выражение лица мужа и обеспокоенно спрашивает: - Что-то не так, акаджон? Чем-то недовольны?

- Да, нет... Не беспокойся...

- Вас Рустам, верно, расстроил, - догадывается женщина...

В последнее время споры между отцом и сыном (то по поводу вступления в комсомол, то из-за эстафет всяких, значка вот «Ворошиловский стрелок», который тому на днях в Осоавиахиме за успехи вручили) - не редкость... Кто тут прав? Мехринисо не вникает: «мужчины... сами разберутся»... Вот только мужа жаль – после каждого такого разговора тот дня два чернее тучи ходит, а ведь немолодой уже...

Она пытается отвлечь его, как умеет:

- Давайте-ка я Вас чаем с лепешкой накормлю... Все и забудется...

- Так это ж на продажу... – неуверенно возражает Хамза-ака.

- А две-то лепешки - нам! Пойдемте, акаджон, в дом... У меня и масло осталось... Вам как раз хватит... Кушайте-кушайте, - приговаривает она, минут пять спустя, расправляя курпачи и заботливо подкладывая под мужнину спину круглые ватные подушки...

* * *

«ВРЕМЯ КАК-БУДТО пошло вскачь... Ничего не успеваю. Потому, дневник, не обессудь - только вырезки (на этот раз из «Коммуниста...»). И ... ничего более...

«Государственные экзамены в пединституте: В этом году впервые за все время своего существования 1-й Таджикский пединститут производит выпуск учителей».- 17 июня 1938г.)

«По маршруту Москва-Сталинабад: На днях в Сталинабад из Москвы на самолете «ПС-84» прилетел летчик-орденоносец тов.Шабанов Н.П. Самолет летел по маршруту Москва – Сталинабад – Баку – Ашхабад - Сталинабад со средней скоростью 260 км. в час. Путь от Москвы до Сталинабада покрыт за 14 час. 10 мин. летного времени».- (1 марта 1939г.)

«Экспедиция врачей-дерматологов в Таджикистане: В Таджикистан прибыла и приступила к работе большая экспедиция врачей-дерматологов, командированных Наркомздравом СССР. В ее составе 25 видных специалистов клиник и диспансеров Ленинграда и Москвы».- июля 1939г.)

«Огромная победа народа: Большой Ферганский канал на территории Таджикской ССР построен. Этот канал поистине является грандиозным сооружением. История еще не знает ни одного примера, когда бы народ сам строил сооружение такой величины».- (8 сентября 1939г.)

"Завершить ликвидацию неграмотности в 1940 году: Ликвидация неграмотности в Таджикистане – дело всех партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций. На них VI партийный съезд Таджикистана возложил выполнение этой важной государственной задачи. Армия культурмейцев должна в самое ближайшее время пополниться за счет многочисленной городской и сельской интеллигенции – врачей, агрономов, учителей, служащих учреждений...Ликвидация неграмотности среди взрослого населения республики в 1940 году должна быть завершена!»- (14 мая 1940г.)

«Большой успех оперы «Шуриши Восе»: Москва с нетерпением и живейшим интересом ждала начала Декады таджикского искусства, которая открылась 12 апреля в филиале Большого театра СССР. Зрительный зал, один из самых вместимых в столице, был переполнен. Таджикский государственный театр оперы и балета показал оперу «Шуриши Восе» («Восстание Восе»), музыка которой написана заслуженным деятелем искусств Таджикской ССР С.А.Баласаняном, а либретто – молодыми поэтами-орденоносцами М.Турсун-заде и А.Дехоти».- 14 апреля 1941г.)
(Стр.40 дневника Миры)

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

Туман медленно стекает к реке. Мустафа не торопится. Он ждет, прислушиваясь к шорохам ночи, когда из-за гор выползет месяц и осветит заставу кафиров. Еле слышное бряцанье оружия на правом берегу Пянджа говорит его чуткому слуху больше, чем хотят урусы – там прошел пограничный дозор.
«Еще немного ждать... Совсем чуть-чуть»...

Наконец блестящая звезда Железный Гвоздь ярко вспыхивает на черном небе.

«Все... Пора»...

Мустафа медленно ползет мимо афганского поста к реке (незачем, чтобы и там заметили). Нащупывает рукой схрон под старой корягой.

«Ага... Бурдюк на месте»...

Он быстро и привычно спускает его на воду. Коснувшиеся щиколотки ледяные брызги обжигают, заставляя еще сильнее сжиматься на шатком, маленьком плотике.

«Ничего... Немного осталось... Ну, вот, слава Аллаху, и берег»...

Вымокший до нитки, Мустафа ежится и медленно, озираясь по сторонам, распрямляет спину...

«Вроде никого»...

Прячет гупсар**** в кустах. Прислушивается. Прилепившийся к кордону урусов нищий таджикский кишлак крепко спит. Час назад, лежа в траве на том берегу, он слышал, как проходил по нему сторож, крича: «Алма! Алма! Базар безопасен!». Теперь все стихло.

Убедившись, что путь свободен, Мустафа крадучись ступает на устланную мягкой пылью дорогу.

«Иншалла!***** », - проводит сутулый мужичок обоими руками сверху вниз сначала по неровным, в шрамах, щекам, а затем и по жесткой, черной бороде...

Согласно разработанному плану, он идет к стоящему у окраины дому, стараясь держаться как можно дальше от старинной крепости дарвазских Миров – ныне кордона и прибежища неверных...

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

В Управление его вызвали в воскресенье и, конечно же, как на грех, когда они в кои-то веки решили по-семейному пельмени налепить. Едва завидев вестового у калитки, Мира фыркнула что-то типа: «Кто бы сомневался!». Покосившись на нее, Дмитрий Тихонович бросил виноватый взгляд на жену и, встретив ее вопросительный, пожал плечами...

Сборы заняли не более пяти минут, и вот уже, оседлав «Мальша», он скачет в город...

Областное управление НКВД прилепилось к «северному флангу» военного городка Сталинабадского гарнизона. Три беленых одноэтажных приземистых здания, выстроенных здесь еще во время короткой службы Чеслава Путовского, стиснуты выгородкой трехметрового забора. Из-за него с гиссарской дороги, что ведет к деревянному мосту через Душанбинку, можно увидеть только их серые шиферные крыши...

- Извини, друг, что от семьи оторвал. Дело срочное, - выходит к нему из-за обитого поверху черной кожей массивного, дубового стола старый боевой товарищ, Николай Садовник.

Дмитрий Тихонович молча хмыкает и жмет плечами: за пятнадцать лет службы такие вызовы – дело тривиальное, и без лишних церемоний устраивается на ближайшем стуле у длинного стола заседаний.

Здесь, в Сталинабаде, они с Николаем Арсентьевичем встречаются нечасто, хотя раньше, в «малых чинах», не один месяц вместе кормили комаров в засадах у вахшских и пянджских переправ, мерзли на памирских перевалах.

Садовник (сам с утра «выдернутый» из дома республиканским энкаведешным начальством) с полным пониманием обстановки и настроем на длинный разговор лезет в боковой шкафчик, откуда выгребает уже початую с кем-то бутылку армянского коньяка, два маленьких стакана—«граненьша» и лимон. Ставит все это на стол и, выудив из верхнего его ящика выдавший виды, но наточенный до бритвенной остроты перочинный нож, начинает тщательно и с видимым удовольствием нарезать редкий для здешних мест плод. Ломтики получаются тончайшие.

- Наливай... - бросает он Иванову.

Тот согласно кивает и, точно прицелившись бутылочным горлышком, разливает по рюмкам янтарную, пряно пахнущую жидкость. Подполковник в предвкушении вкусного напитка ерзает на стуле...

- Ну, будем здоровы! – едва дождавшись конца «церемонии», бодро провозглашает короткий тост он.

На минуту оба мужчины замирают, оценивая жгучий букет, затем одобрительно крикают и тянутся за прозрачными ломтиками на блюде...

- Дело такое, - без лишних предисловий приступает к цели беседы Садовник.-

Собирали сегодня с утра всех областных начальников к генералу. По всему видно: обстановка швах – войны с немцами не миновать! Дай Бог, чтобы договор с Риббентропом хоть на год-другой ее оттянул...

Он вздыхает и тянется к бутылке. Налив коньяк, тяжело наваливается локтями на стол:

– У нас здесь, в связи с этим, своей головной боли хватает... Ну, будем, Дима!

Минуту спустя он ставит рюмку на место. Встает. Раздвинув шторы оперативной карты, что занимает почти всю стену его кабинета, начальник Управления мрачно устремляет взор в ее нижнюю часть, где коричневыми разводами бесчисленных хребтов Гиндукуша и Сафедкуха, темнеет Афганистан.

- Немцы здесь с 1936 года обширную агентурную сеть держат. В основном из тех, кого мы с тобой лет за пять-шесть до того в пянджских камышах не добились. По нашим и разведУПРа армии данным, в Афганистане сейчас антисоветское подполье вполне солидное и дееспособное. Наиболее радикальная часть узбекской и таджикской эмиграции осела в Кабуле. Объединяет ее, по-прежнему, бывший эмир Бухарский Саид Алим-хан. Кроме того, активную роль при нем пытается играть его старший сын - Саид Умар-хан.

- Папаша на ладан дышит? – уточняет Дмитрий Тихонович.

- Ну да, - подтверждает Садовник. – Причем, виной тому не столько возраст - ему около шестидесяти, сколько сифилис... в последние лет тридцать. Я же тебе справку Семенова от 1913 года по Бухарскому ханству читать давал?

Иванов кивает.

- Вот то-то и оно... Другими достаточно авторитетными лидерами эмиграции, - откашлявшись, после небольшой паузы продолжает подполковник, - можно считать: муфтия Садретдина - узбека родом из Ташкента; Хашим Шайха Якубова - таджика, бывшего посла Бухарской народной республики в Афганистане; Мубашир-хана Тарази - узбека духовного звания; Шир Мухаммед-бека (по прозвищу Курширмат) - узбека, известного предводителя басмачей в Фергане и, как брат его Нур Мухаммед, сторонника самых активных, порой совершенно авантюристических, вооруженных акций; Яхью Ходжа Содура – таджика духовного звания, состоящего в родстве с эмиром Бухарским.

- А из памирских басмачей возле эмира есть кто?

- А как же! Из киргизов, пожалуй, самый заметный - Камчинбек Аильчибеков. Он постоянно возле него «трется», надеясь в Ферганскую долину вернуться. Место дислокации его трех сотен – в Ваханском коридоре, откуда он время от времени наведывается в Сарыкольскую долину, в Восточно-туркестанскую республику. Погранпредставитель в Ташкургане по этому поводу каждый раз очень нервничает, но сделать ничего не может – у него лишь семь человек с берданками. Специфика обстановки в Афганистане такова, - меряя кабинет шагами, делится информацией Николай Арсентьевич, - что интересы гитлеровцев и сепаратистов, обосновавшихся здесь, совпадают. Первые надеются подключить эмиграцию к операциям басмаческого типа с целью воздействовать на ситуацию в Средней Азии; вторые лелеют надежду прийти с помощью немцев к власти. Приходится считаться и с тем, что афганское правительство, исходя из неопределенности военно-стратегической ситуации, часто занимает выжидательную позицию, проявляя непоследовательность в своих действиях. Поэтому оказание выгодного для нас влияния на руководящие афганские круги с использованием закрытых каналов напрямую входит в функции советской внешней разведки...

По данным англичан, вторым после Кабула центром эмигрантской активности становится сегодня Кундуз, где с германской разведкой сотрудничают Сеид Кудратулла и Абдул Кари, а также Мухитдин-хан Тюра, Абдулла Керим Минбаши, Абдурахман Максум, Салах Кары. Они уверяют немцев, что способны в кратчайшие сроки поставить под ружье до семидесяти тысяч бойцов. Кроме того, к басмаческим операциям якобы готово примкнуть одно из афганских племен в Бадахшане.

В связи с этим, по моему мнению, нужно ожидать «гостей» с того берега, из Кундуза! Именно их эмигрантский центр постарается расконсервировать эмирскую агентурную сеть (а она, я уверен, еще осталась!) в южном Таджикистане. Границу-то мы «закрыли» лишь лет шесть назад, в тридцать пятом, да и то – относительно, как сам знаешь...

Дмитрий Тихонович понимающе кивает - еще бы ему не знать, как по два раза в неделю на гупсарах переправляются совсем даже не темной ночью! А что касается Рушана и Ишкашима, то Пяндж там осенью и зимой из Афганистана в поисках спичек и керосина, переходят, просто закатав штаны...

- Ну, вот потому я и выпросил тебя у нашего начальства из твоей школы (там есть, кому учить!) для оперативной работы в городе и области.

... Возражать Иванов не стал: надо так надо...

*Лейтмотив (нем. *Leitmotiv*, букв. – ведущий мотив), музыкальный оборот, повторяющийся в музыкальном произведении в качестве характеристики или условного обозначения персонажа, предмета, явления...

**Курпачи (тадж.) – длинные ватные одеяла, которые стелятся на полу у достархана.

***Нон (тадж.) – хлеб.

****Гупсар – надувной кожаный плот.

*****Иншалла (фарси) – с нами Бог, благодаря Богу.

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 5 сентября 2012 на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/09/12/274>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Братина горя и добра - глава 2

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316> <http://www.proza.ru/2012/09/05/252>)

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

Поженились Нина с Левой в начале лета. Долгое ухаживание, цветы, конфеты предшествовали чрезвычайно незаметной, на взгляд новобрачной, свадьбе – ни гостей, ни застолья. Просто расписались и перевезли ее вещи из коммуналки к нему домой. На следующее утро, видя вопрос в её глазах, Лёва сухо и кратко объявил, что свадьбы с друзьями и застольем у них не будет ни сегодня, ни завтра... никогда: «Так надо... для экономии. Сейчас многие просто «сходятся!»», - «закрыл тему» он...

2.

Проснулась Даша от сильной, сжимающей сердце боли. Раньше, от мамы, слышала, как это бывает, а теперь вот у самой...

Удивление и страх переплелись в душе. Потом к ним примешалось что-то еще. Что? Настоятельно важно для нее сейчас взглянуть на часы...

Она встает, держась за железную спинку кровати. Идет в зал. Долго вглядывается в

циферблат «ходиков». Да... так и есть – четыре часа...

* * *

УТРОМ вышла за молоком... Опять противно заныло сердце – воскресенье, а на улицах – ни души... тишина и... лишь в отдалении... голос из радиоточки на площади...

Подходит ближе.

«...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!», - отчетливо слышит Даша последние слова речи Наркома Иностранных дел СССР Молотова.

Над толпой висит зловещее молчание. Никто не шевелится.

Неожиданно тишину разрывает женский вопль: «ВОЙ-НА-А-А!!!»... и «кубики»-эпизоды прошедших с рассвета до этого мгновения часов становятся на место...

* * *

«Наше дело правое, Враг будет разбит». Экстренный выпуск: Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу и без объявления войны германские войска напали на нашу страну...» - «Коммунист Таджикистана», 22 июня 1941г.

* * *

НЕ СРАЗУ осознал, что время вдруг изменилось (в сложных моментах чуткий до прозорливости) Георгий. Почему? Как случилось, что раньше не почувствовал беды? Встал, как обычно... потом парикмахерская и... только там услышал – «Война!»... Как был, с намыленной щекой, помчался к своим... Вбежал в темный зал... На сцене – репетиция премьеры о плохой Америке - «Золотой мальчик»... Алый бархат сцены за спиной выхваченных прожекторами лиц актеров...

- Война, - выдохнул Менглет хрипло, и тяжело привалился к стене...

- Репетиция отменяется, - глухо бросил режиссер...

С кем война – никто не спросил. Ответ давно витал в воздухе...

* * *

ВЫСТУПЛЕНИЕ СТАЛИНА ПО РАДИО транслировали 3 июля 1941 года. В его речи говорилось, что в начавшейся войне решается вопрос жизни и смерти Советского государства - быть советским народам свободными или впасть в порабощение.

Не скрывая преимуществ, позволивших врагу достигнуть боевых успехов в первые дни войны, он выразил уверенность, что гитлеровские полчища будут разгромлены. Он подчеркнул, что разгром гитлеровских полчищ потребует колоссального напряжения моральных и физических сил советского народа, мобилизации всех экономических возможностей страны и обратился к советским гражданам с призывом: «Всё для фронта, всё для Победы!»...

На улицах, в учреждениях и домах сталинабадцев слова вождя слушали стоя...

3.

Принесенный сутулым, в залатанном чома мужичком медный кумганчик (явно русской дореволюционной выделки) Хамза-ака разглядывал с профессиональной тщательностью.

- Заходи дня через три, уважаемый: пайки много, да и заклепку делать надо, - заключая осмотр, переводит взгляд на клиента. – Два рубля восемьдесят копеек за работу не дорого будет?

- Не-а... не пойдет! – нагло улыбаясь, отвечает тот и, выдержав паузу, добавляет, - хорунжий эмирских казаки-кубанска за свою работу должен просить вот столько...

На грязный, избитый инструментами верстак ложится яркая, красно-желтая монетка с усатой головой в профиль: золотой николаевский червонец.

У Хамзы-ака противно засосало под ложечкой - в первый раз так было лет сорок назад, когда кинулся на молодого бухарского казака шахрисябский кенигас с кривым клычем, а барабан нагана заело...

Ступням в остроносых галошах на босу ногу стало жарко. Грязные от работы ладони вспотели.

- Владыка Бухарои Шариф, Сеид Алим-хан шлет благословение своему верному нукеру... - пристально глядя в глаза, криво улыбается заказчик.

Только сейчас замечает лудильщик след пендинской язвы на его лице, указывающий на истинное происхождение «гостя»...

4.

...Как начальника областного Управления НКВД, впрямую Садовника новость о гибели поисковой группы в Мургабе вроде бы не касалась. Вернее, определенно не касалась... Но это уже не единичный факт, а система...

- Опять этот участок Сосык-Куль! Шут его знает, что происходит! - меряя шагами кабинет, бормочет он сквозь зубы. – Не успеваем прикрыть границу... Некем и нечем... Рядовой и командный состав – на фронте (даже у телефонов – жены дежурят!)... А тут... еще говорят тыл... Для кого?!

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

20-я горно-кавалерийская начала грузиться с рассвета. На перроне давка и суета. Все запасные пути на восток от Сталинабада забиты пустыми товарными вагонами и платформами. Сформированные под три кавалерийских полка составы тянутся чуть не до Янги-базара; и две маневровые «кукушки», пыхтя и отчаянно свистя у стрелок, на пределе своих паровых «легких» по очереди сдвигают их под погрузку. В их механические голоса вплетаются голоса живые – ржание лошадей вперемешку с людским матом...

Только к десяти конный состав 22-го Бальджуанского полка размещается, наконец, по вагонам. Ещё два полка и конно-кавалерийский дивизион, ждут своей очереди... Для милицейского оцепления у вокзала это - нелегкие часы: к месту погрузки рвутся сотни кричащих и плачущих людей, высматривающих среди бойцов и командиров отцов, мужей, братьев и сыновей. Они протягивают им узелки со снедью и шерстяными носками – авось обогреют, защитят где-то в неведомой дали от холода и голода... Время от времени кто-то, услышав знакомый голос, не выдерживает - вырывается из-за спин «служивых» с погрузки, расталкивая их и выгадывая последние секунды близости с родными.

Вазген тоже здесь... на перроне. Ему повезло. Потратив за четыре месяца беготни по военкоматам не одну бутылку домашнего вина, он не только добился «призыва» выращенного им для младшего сына-Арсена жеребца «Терека», но и буквально в последний момент смог получить на него все необходимые ветеринарные документы. Ладную упряжь друзья помогли за небольшое вознаграждение и увесистую бутылку «горячительного» справить на шорно-седельной фабрике.

Ведя коня под уздцы к погрузке, старый осетин-извозчик с гордостью переводил взгляд

с его лощёных боков на новенькие сержантские «лычки» на гимнастёрке идущего рядом сына (призванный на службу на второй день войны, тот заслужил их за четыре месяца упорной боевой учебы). Радости добавляет и то обстоятельство, что у грузовых ворот их с Арсеном вместе с замполитом и начальником штаба встречает сам комдив – полковник, Александр Ставенков...

С достоинством приняв их комплименты коню, отец и сын обнимаются. Из-за подкатившего к горлу кома Вазген с трудом выдавливает из себя несколько слов напутствия:

- Воюй, сын, как в роду заведено... непременно до победы! Пусть хранит тебя покровитель Алании и нашего народа – Георгий Победоносец!

Старик истово осеняет склонившего голову сына крестным знаменем. Молча, двумя руками подает фамильный кинжал в черненых серебряных ножнах...

Уже в сумерках, растянувшиеся почти до Чиптуры, заполненные измученными долгой погрузкой людьми и животными, все восемь литерных товарных составов 20-й горно-кавалерийской дивизии начинают движение в сторону Термеза...на запад.

2.

Пассажирский состав из видавших виды, пропыленных и сожженных среднеазиатским солнцем вагонов, в последний раз натужно скрипнул и, громыхнув сцепками, остановился у перрона сталинабадского вокзала. Из открытых дверей тамбуров, напирая на заспанных проводников со свернутыми флажками в руках, гроздьями свесились нетерпеливо выглядывающие встречающих пассажиры...

Мустафа - сутулый мужичок с «пендинкой» на щеке и линялой чустской тюбетейке - стоял в нескольких метрах от края платформы, рассматривая выходящих из девятого плацкарта. Первыми на перрон вывалился целый выводок симпатичных курчавых ребятшек от трех до двенадцати; старшие - с баулами, младшие - с узелками в руках. За ними, споро и суетливо перехватывая увесистые чемоданы, с кудахтаньем выкатилась необъятная мамаша. Замыкал группу subtilный, кучерявый отец семейства в очках еще с двумя чемоданами «не по росту». К ним, чуя заработок, кинулось сразу два носильщика, которых с воплями «Сёма! Фира!» тут же оттер солидный гражданин в шляпе...

Суетливое семейство отвлекло внимание Мустафы, и он не сразу заметил выходящего из вагона одним из последних мужчину лет сорока в опрятном, но не новом пиджаке, парусиновых туфлях и кепке. В руках тот держал стандартный фибровый чемоданчик, сильно потертый в переездах на багажных полках. Не рассматривая встречающих, приезжий не торопясь направился к выходу в город.

Мустафа пошел туда же. Поравнявшись с ним уже на привокзальной площади, негромко окликнул:

- Вы, уважаемый, из ташкентского «Средазгидропроекта», на стройку? Я как раз встречаю...

- Нет, я командирован на «Вахшстрой». Подбросишь до их управления? За «крюк» по городу заплачу...

На лицах обоих мужчин отражается облегчение: пароль и отзыв прибывшего резидента Абвера и агента «стыкуются»...

* * *

ЗАЙДЯ в дом, немецкий резидент (для всех в Сталинабаде – Николай Петрович

Загрязный), осмотревшись, отметил про себя предусмотрительность помощника, достаточно грамотно побеспокоившегося об их безопасности.

Он вздохнул с облегчением и с видимым удовольствием уселся на курпачи. Довольно крякнув, протянул руку за стаканом сладковатой тутовой водки. Еще минута... и Николай Петрович с нарастающим аппетитом начал жевать крупно порезанные огурцы с помидорами... Закопченный на арчевых ветках тандыри–кабоб потребовал еще двух стопок...

- Уф-ф... - блаженно откинулся он на прислоненные к белой стене подушки.

В душе его крепло осознание того, что теперь, пусть ненадолго, он может, наконец, позволить себе расслабиться...

«Это ж надо! Два с половиной месяца сна «вполглаза» и постоянного самоконтроля... каждый час... каждую минуту! Кажется, вечность прошла с тех пор, как сменил форму гауптмана...», - шевелятся воспоминания в затуманенном алкоголем мозгу немецкого разведчика; одна за другой, как кадры киноленты, прокручиваются перед мысленным взором картинки тех долгих дней – выход из «котла» вместе с остатками разбитого русского артиллерийского полка... встреча со «своими» в Литве... путь до Сталинабада... пусть долгий и извилистый, но удачный...

Что помогло осилить его? Простое везение? Наполовину русское происхождение, выросшего в Вентспилсе парня? А, может, природный ум и солидный опыт работы в спецслужбе? Разве ж однозначно ответишь?»...

* * *

БЛАЖЕННЫЕ МИНУТЫ ОТДЫХА дали покой и силы. Хмель же постепенно прошел. Итак, к делу...

Выслушав доклад Мустафы о контакте с Хамзой–ака и двумя другими кандидатами на вербовку, резидент одобрительно кивнул.

- Понятно... А к кому из русских уголовников подходы есть?

Мустафа озадаченно уставился на начальника: работы с таким контингентом в его задании не было.

- Ну, ладно... Все ясно, - оценил обстановку резидент. – Так вот... Мне нужно найти вора Марсака Леню. Он сюда из Ташкента перебрался...

- Надо – найдем. Однако уголовников к нашей работе подключать – дело рискованное: за червонец мать родную продадут, - высказал обычные в этом случае опасения агент.

- Не беспокойся, - ухмыльнулся гость, - мы три червонца дадим... Так что найди этого... да поскорей...

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 12 сентября 2012 на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/09/19/277>

Братина горя и добра - глава 3

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>) <http://www.proza.ru/2012/09/05/252> <http://www.proza.ru/2012/09/12/274>)

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

«Уже месяц идет война... Сводки Совинформбюро все тревожней... А я тут на горкомовской должности инструктора «поди туда – принеси то» отсиживаюсь... Все. Решено!»...

Мира отодвинула в сторону стопу лежащих перед ней папок и торопливо написала на заранее заготовленном листке нелинованной бумаги заявление в военкомат о мобилизации в Красную Армию. Результат оказался непредсказуем – вызвавший ее к себе на следующий день председатель Горкома поручил (естественно, пообещав всестороннюю поддержку)... организацию детдома...

И, надо сказать, слово своё сдержал: уже к концу недели решился вопрос с выделением шедшего под снос, но в целом пригодного для жизни, здания старой школы в длинном дощатом бараке у «Зеленого базара»; его ремонтом с помощью студентов «педа». Остальное было полегче – папу «разжала» на помощь кроватями от его бывшей полковой школы; четыре полуразвалившиеся парты выпросила у восьмой школы; немного кухонной посуды – в мясокомбинатовской столовой...

В конце октября на дощатый помост сталинабадского вокзала из плацкартного вагона вышла группа ребятшек разных возрастов, державших в руках солдатские вещмешки,

узелки из платков и маленькие обшарпанные чемоданчики: прибыла первая группа эвакуированных детей из Одессы и Полтавы, где теперь уже хозяйничали немцы. Один из двух сопровождавших детей взрослых (по виду школьный учитель) - усталый и запыленный от бесконечного пути через полстраны - подошел к встречавшей их Мире и с облегчением произнес:

- Ну, принимай что ли путешественников, коллега.

- Пойдемте, малыши, - устало улыбнулась ребятишкам Мира.

К их приезду она не только баню и парадный обед с пирожками успела организовать, но и места в Госцирке забронировать – завтра же все и пойдут французскую борьбу смотреть...

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

Выгружаться на товарной станции Солнечногорска дивизия не стала: город, и особенно подъездные пути к нему, немцы бомбили днём и ночью. Зарево уже было видно на горизонте, когда в штабной вагон вестовой доставил приказ командующего фронтов: «...выгружаться и своим ходом выдвигаться на рубеж Медведково-Пристанино-Аксеново, где занять оборону».

В темной и холодной ноябрьской ночи по обе стороны небольшого полустанка (с парой запасных путей и штабелями рельсовых сборок) тут же закружились тысячи уставших от многодневного пути людей; захрапели кони; зафырчали присланные хозяйственными частями армии грузовые «ЗИСы»... Разгрузка шла споро, и рано утром, когда забрезжил белесый, но ясный рассвет (обещавший скорое появление немецких «юнкерсов»), Ставенков уже докладывал «наверх» об отправке двух первых колонн 124-го Сталинабадского и 22-го Бальджуанского полков. Выгрузившимся в глубокие лощины 103-му Гиссарскому кавалерийскому и 14-му горно-кавалерийскому дивизионам пришлось труднее: на дорогу они выбирались лесом через овраги и размокшие от дождей пашни соседнего колхоза.

Тем не менее, к пяти дня саперы, совместно со спешившимися конниками, уже приступили к обустройству намеченных позиций; роя траншеи, разбирая брошенные крестьянские дома и сараи; выстраивая на опушках, за первой линией деревьев, пулеметные точки, позиции игрушечных «сорокопяток»...

* * *

РАЗВЕДКА ВЕРНУЛАСЬ не вся: в восьми километрах наткнулись на механизированный разъезд немцев и, прежде чем кавалеристы сориентировались, кто перед ними, те успели «полыхнуть» со своего длинного как крокодил полугусеничного бронетранспортера из пулемета по группе всадников. Были убиты боец Мангушев и ранены два коня.

- Вот и началась наша война... – мрачно заключил полковник Ставенков после доклада разведчика.

* * *

НЕМЦЫ, НЕ НАДЕЯСЬ на серьезное сопротивление потрепанных, деморализованных, десятки раз переформированных с момента долгого и скорбного пути от границы частей, а также новичков-ополченцев, лишь вчера впервые взявших в руки винтовки, выкатились к позициям 20-й почти походным порядком. Небольшой головной дозор из

длинного полугусеничного «мовага», все еще разрисованного летним угловатым камуфляжем, да чешского легкого танка, остановился «высунувшись» из-за леска километрах в четырех напротив полусожженной деревни Филатово. Видно было, как офицеры обеих машин «ощупывают» цейсовской оптикой открывшуюся перед ними местность, а затем, повернувшись друг к другу, совещаются, указывая руками на какие-то ориентиры. Минут через пять танк и «мовага» продолжили движение...

- Разведку пропустить! Себя не демаскировать! – вполголоса отдал команду ротный Семенчук.

Тем временем солдаты головного дозора, поравнявшись с развалинами, начали методично их прочёсывать. Не найдя ничего кроме головёшек (население деревни, после того как десять дней назад немцы активно утюжили здесь остатки выходившего из по Смоленска пехотного полка, попряталось на опушке соседнего леса в наскоро вырытых землянках), они вернулись под «броню» и доложили об отсутствии опасности.

«Моваги» вновь заурчали моторами. Вслед за ними к соседней околице с запада выехал десяток тупорылых «опелей» с покрытыми брезентом крышами, пара легковых автомобилей и «санитарка» с красным крестом на бортах и крыше.

Несколько юрких мотоциклов с укрепленными на колясках ручными пулеметами, фырча и вихляясь на подмороженных за ночь кочках, обогнали колонну и бросились догонять разведку.

- Ну, кто не спрятался, я не виноват... - продолжая следить в бинокль за втягивающимися под удар его гаубиц и миномётов самонадеянными фрицами, удовлетворенно пробормотал командир конноартиллерийского дивизиона Петровский. – Танки, говоришь, в арьергарде застряли?

- Да у них они каждое утро из-за замерзшей грязи стоят, пока не отдерут катки от гусениц...- ворчит смотрящий в ту же сторону в бинокль заместитель...

«Самое главное сейчас не поторопиться, - лихорадочно молоточками стучит кровь в висках командира. – Ну вот... А теперь в самый раз»...

- Огонь! – резко оборачивается Петровский к уже полчаса жадно поедающим его глазами телефонистам с батареей...

Через минуту вся лента вытянувшейся из-за леса немецкой колонны исчезает в грязно-снежном смерче артиллерийского и минометного огня, слитном треске четырех «максимов» и беспорядочном «лае» сотен винтовочных стволов полнокровной, месяцами ждавшей этого момента мести дивизии из самых глубин Азии.

Еще через пять минут мечущиеся фигурки в серых шинелях, черных танковых куртках и грязном, изорванном белом камуфляже, в панике ищут спасения от свистящей и воющей смерти, кто под горящими машинами, кто в чистом поле...

А через это поле с нарастающим, распадающимся вблизи на drobный топот гулом черным «девятым валом» уже несётся конная лава в папах и развевающихся бурках... в высверке уральских клинков... с диким кочевым «УРА!», известным любому врагу в Европе и Азии со времен гуннов Атиллы - оно сейчас символизирует последние минуты полуторатысячной сборной колонны немецкого мотопехотного полка, усиленного танковой ротой и группой мотоциклистов. Вскоре от него останется лишь четырнадцать израненных и обожжённых пленных...

Вытирая о сукно окровавленную шашку, Арсен смотрит на них без сочувствия, но и без злобы: «мы вас сюда не звали»...

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

Повторной встречи с «человеком оттуда» Хамза-ака ждал и боялся. Прошное, основательно подзабытое за последние двадцать лет, вдруг всколыхнулось и начало расплываться по сегодняшним дням воспоминаниями, ощущениями, болью бурной молодости.

Особенно тягостны были ночи, безжалостно прокручивающие в его полусонном мозгу бесконечную «киноленту памяти»: Хамза-ака вставал после них не просто невыспавшимся, а разбитым. Одного, однако, не оставалось в «послевкусии» сна – чувства потери. Принадлежа к небедной и знатной бухарской семье, состоя при этом на службе в привилегированных эмирских войсках, он, тем не менее, никогда не испытывал восторга к ханской власти - предмету постоянных шуток и анекдотов «золотой молодёжи». И даже то, что оказался в сентябре двадцатого в числе уходящего с боями к афганской границе конвоя эмира, было скорее делом случая, чем плодом его личных убеждений. Ясно, обидно столько лет скрывать свое происхождение... Однако и то правда: не борись столь отчаянно новая власть со старой, ничего бы не вышло - здесь по-иному было не справиться! Положительные же результаты ее деятельности – налицо. Алим-хан всего этого для своих подданных попросту делать не стал бы! Конечно, теоретически хотелось бы жить в большем достатке, но стоит ли овчинка выделки?

* * *

УТРО ТОГО дня, когда «гость» должен был придти за кумганчиком, дало четкое осознание своей позиции. В целом ее можно было охарактеризовать так: «отстаньте от меня подобру-поздорову!» Не в лоб, конечно, без резких движений - с рябым такого делать нельзя (и он сам, и люди за ним стоят серьезные - угроз не потерпят), но провести ее надо. Может, немного поактерствовать придется, дураком прикинуться, для их дела бесполезным...

Часы идут за часами... Хамза-ака нервничает, глядя на дверь... И вот, наконец...

- Ассалом аллейкум, - появляется на пороге лавки опасный клиент. - Ну, как моя посуда, уважаемый? – после положенных приветствий и славословий говорит он, подходя к лудильщику вплотную.

Хамза-ака вздрагивает, но от выбранной линии поведения не отступает:

- Ну, новым Ваш кумган уже никогда назвать будет нельзя, уважаемый...

- Мустафа-ака! – услужливо подсказывает клиент.

- Мустафа-ака, - повторяет лудильщик. - Однако, при аккуратном обращении, он Вам еще послужит! Правда, задаток Вы за него оставили несоразмерный... Хочу Вам его вернуть...

С этими словами Хамза-ака лезет под старенький поднос на одной из полок у верстака. Однако клиент его опережает:

- Какой задаток, усто?! – тарачит глаза он. – Я ничего не оставлял! Вот моя плата, как договорились... - и, ослабившись, глядя в упор в глаза лудильщика, кладет на грязный верстачок три мятых советских рубля... - Я Вас, усто, - уже стоя у двери, добавляет он холодным, не терпящим возражений тоном, - рекомендовал одному своему знакомому русскому: у него там что-то распялось... - Мустафа усмехается. - Он на днях зайдет... Так Вы уж его примите...

Выбора у Хамзы-ака не осталось...

2.

Шнырь Ахтуба - тощий астраханский татарин лет пятнадцати - был вертляв и подобострастен. Шутка ли?! Не к кому-нибудь, а к самому Лева Марсаку обратиться поручено. Зачем нужен он Мустафе? Бог весть...

- Разговор, говоришь, до меня имеет? – задумчиво переспросил Лева, после доклада заикающегося и воняющего от волнения потом шныря. – «Мусор»? «Гэбэшник»?

- Не похож, не похож! - затараторил шнырь, склабясь желтой фиксой из малокалиберной гильзы. – Говорит, по старому, известному тебе делу...

Марсак наморщил лоб: за почти сорок лет его бурной жизни, лучшие годы которой прошли в родной Одессе, «дел» было много и разных...

* * *

СТРЕЛКУ МАРСАК забил на пустыре за клубом текстильщиков - месте традиционных свиданий, а, одновременно, и крутых молодежных разборок типа «выйдем - поговорим» из-за тех же самых свиданий. Сам Лева там никогда не появлялся – не по рангу. Однако в качестве места, откуда можно уйти в случае шухера, «Хлопушка» вполне годилась.

...Негромкий пересвист... едва заметное движение сквозь жидкую акацию, и перед вором появился невысокий человек...

- Николай, – кратко представился он.

Лева молча похлопал по скамейке, приглашая пришедшего присесть: разговор – так разговор! Впрочем, такого... коронованный вор не ожидал. На этот раз в предьяве самарских не фигурировали ни деньги, ни сферы влияния: им нужно было, чтобы он дал «крышу» двум-трем людям для «большого шухера» на железной дороге и военных складах.

«Это куда ж они влезли, если за немцев просить стали»?! – выслушав предложение, сплюнул сквозь зубы он.

Ему было совершенно ясно, что для братвы это, скорее всего, кончится очень плохо.

- Ты не напрягайся, Лева! Эту помощь не только самарские воры оценят, но и я сам хорошо оплачу... Золотом... Да, и будь уверен: когда новая власть придет – она твои заслуги вспомнит...

- Послушай, как тебя там... Мне Советская власть – не мать родная, конечно, но энкавэдешники нас с говном съедят, если что!

- Только не тебя, Лева! Только не тебя! – жестко усмехнулся Николай Петрович. – Так что подумай-ка над предложением. Не прогадаешь. И поторопись - время-то поджимает: мы ведь у Москвы уже... Впрочем, не хочешь – дело твое...

Гость неспешно встал. Марсак остался сидеть - ему было над чем подумать...

* * *

НАЧАВШЕЕСЯ С ИЮНЯ движение в агентурных сетях привлекло внимание советских контрразведчиков десятками мелких подергиваний-передвижений; странными и на удивление квалифицированными нарушениями границы с Афганистаном; нарастающим потоком приезжавших «по казенным надобностям», которые до заявленных контор и трестов так и не доезжали, и слухом о которых никто не слыхивал в командимуемых организациях. Садовник и Иванов, однозначно связавшие сотни подобных фактов с ожидаемой активизацией немецких СД и Абвера, готовили ответный удар.

В полувоенной обстановке Таджикистана, в которой республика не переставала жить с

момента своего появления на карте СССР, контроль за деятельностью западных разведок был почти равноценен борьбе только с английскими спецслужбами – «чужие здесь ходили редко»! Однако война с Германией внесла свои коррективы: в Таджикистане, как и во всей Средней Азии, начали формироваться (хоть пока и слабые...лишь с информационными функциями) немецкие и японские сети. От НКВД не ускользнуло, что немцы стали проявлять все больший интерес к европейскому населению, проживающему в городе, ища среди него притаившихся «бывших» и пронемецких «симпатиков».

В этой связи их сильно заинтересовал сбивчивый рассказ взятого на грошовой краже в магазине «Таджиксельпо» Ахтубы о рябом Мустафе, Леве и встрече на «Хлопушке». Разговор с ним, быть может, так и не состоялся, не изыми милиция у задержанного два новеньких, хрустящих червонца. Это решило все...

* * *

С НАЧАЛА ВОЙНЫ город, да и весь Таджикистан начало раздувать, как на дрожжах, от «дикой» и плановой эвакуации с Украины, Белоруссии и западных районов России; и найти среди этого «броуновского движения» двух человек становилось всё сложнее. Оставалось ждать.

Однако, как это часто бывает в жизни, в дело вмешался «его величество случай»: в одну из ночей дежурному по управлению НКВД по городу позвонил человек и, путаясь в словах и извинениях, сообщил, что «знает шпиона». Этим человеком был Хамза-ака. ...Со встречи лудильщик уходил решительной, твердой походкой – он вновь почувствовал себя воином и уверенным в себе человеком. Чекистская операция по разгрому сети Абвера в столице Таджикистана обретала конкретные очертания...

* * *

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ любил полнолуния с детства, с тех пор, как отец подарил ему, двенадцатилетнему гимназисту, маленький школьный телескоп. В его окуляр нужно было смотреть сбоку, после того как трубу отрегулируешь на треноге. Любопытный мальчик, вооружившись университетским учебником астрономии, все летние ночи проводил на веранде, очень досадуя, когда небо над Балтикой затягивали облака! Здесь, в глубинах Азии, небо было высоким, и звезды почти не мигали. Резидент Абвера подолгу любовался ими при каждом удобном случае. Вот и сейчас, давно докурив, он никак не мог оторвать взор от небесного великолепия.

А на столе в комнате его уже ждал ужин. В том числе, и полюбившийся ему здесь тандыри-кабоб с дымным можжевелевым ароматом.

У стола суетился Мустафа; нетерпеливо поглядывал на дверь в предвкушении обильного застолья приехавший позавчера с московским поездом диверсант-подрывник Тимофей. «Сталинабадская» группа почти собралась.

Загрязный в последний раз глубоко вдохнул холодный чистый горный воздух и шагнул к двери... Однако... ужин не состоялся...

Боковым зрением абверовец заметил, как нечто массивное и продолговатое бесшумно перевалилось через забор из пустого двора, и одновременно две темные фигуры съехали на «пятой точке» с крыши, отрезая ему путь в дом, к его людям, к «вальтеру» в кармане пиджака, к свободе, к жизни.

Страшный удар под колени заставил его упасть плашмя лицом в пыль. Голову и ноги намертво прижали к земле. Навалившиеся, сопя, шарили вокруг тела в поисках его рук.

«Урки, суки, заложили!» - мелькнуло в сознании...

В доме один за другим гулко грохнули два пушечных выстрела, раздался крик боли, надсадный стон. Двор наполнился людьми. Команды... мат... топот сапог... шум подъезжающих автомобилей...

Взломаченного и грязного, задержанного подхватили под мышки и усадили, привалив к стене. Оттуда, от стены, ему было хорошо видно, как во двор из темного проема двери за руки вытащили мертвого Мустафу, оставив лежать посреди двора, словно кучу тряпья; затем вывели хромавшего Тимофея...

Что с тем было дальше, абверовец не видел – к нему молча подошел врач. Так же молча разорвал мокрую от крови штанину и принялся споро накладывать на бедро жгут.

В этот момент милую его сердцу луну напрочь закрыла нависшая над ним неподвижная фигура: на абверовца безмолвно смотрел подошедший русский коллега.

- Не загораживай солнца, приятель... - усмехнулся разбитыми губами Загрязный, вспомнив притчу о Диогене и Александре Великом.

- Грузите, – не оценив юмора, командовал Садовник.

Резидентура Абвера в Сталинабаде перестала существовать...

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 19 сентября 2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»).

(Продолжение <http://www.proza.ru/2012/09/26/281>)

Братина горя и добра - глава 4

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.)

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.>

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

Уволившись из театра, Даша зашла к «менглетовским». Самого Георгия на репетиции не было. Потолкавшись в гримерной, хотела было уходить, как вдруг появился он – злой и расстроенный...

- Я вот проститься... - заступила ему дорогу она.

- А... Хорошо-хорошо, - рассеянно ответил он. – На фронт – это правильно.

- Да нет... К сожалению, не туда.

- Тогда о каких прощаниях речь? – глядя мимо нее, глухо пробурчал Менглет.

- Из театра ухожу...

- Ну, и правильно. Какая уж тут работа?! Ни декораций... ничего... Отопления, заметьте, тоже нет... Перед выходом на сцену, зал дыханием отогреваем...

- Георгий, Вы меня не поняли... Я ухожу не потому, что трудно, а потому, что должна... Страна воюет... Люди умирают... Если на фронт не берут, хоть здесь чем сгожусь... хоть страдания раненых чем облегчу...

Впервые с начала разговора, Менглет поднял глаза:

- Вас в эвакогоспиталь берут? – серьезно и внимательно глядя на девушку, спросил он.

- Да... Как Вы знаете, их в городе целая куча! Вот... в один из них и берут. Но сначала на ускоренные курсы медсестер... совсем ненадолго...

- Ну, что ж, с этим действительно поздравить можно! – С теплотой в голосе, произнес он. – А мое вот заявление... на фронт... опять завернули... Представляете, Даша?! – вдруг переполнившись горечи, воскликнул он, - брат на фронте... многие наши – там, а меня не берут!!! Бронь, мать ее!!! А как мне жить-то с ней?! Как играть?! Как себе в глаза смотреть в зеркале?! «Смейся, паяц...»?! Протопоп, гад, ничего в расчет не берет... слушать не хочет: «Не положено», - и все тут! А-а-ах! - махнул рукой он, и, круто развернувшись на каблуках, вышел.

Даша в растерянности замерла. Потом тихо вздохнула и вышла из театра, бросив последний взгляд на полюбившийся ей... такой добрый... и такой сейчас далекий мир...

* * *

А МИР ЭТОТ, несмотря на войну... или, пожалуй (как ни странно!), благодаря ей, жил наполненной, полнокровной жизнью: в Маяковском (который «по-братски» делил зал с Лахути) на днях показывали вторую за год премьеру – «Кровь народа», где Жора Менглет в роли партизана вносил свою посильную лепту в самоутверждающий, пафосный рассказ о героических событиях 1919 года на Украине; в ДКА, сменяя друг друга, шли гастролы эвакуированных в республику Воронежского театра музыкальной комедии и Ленинградского театра эстрады и миниатюр; на сцене оперы и балета один день шла таджикская опера или балет, на другой – комедии театра Акимова, а на третий – филармония давала «большой концерт» из советских кинофильмов...

Артисты вели свой «бой» с врагом... и бой этот был не из легких! В городе... среди эвакуированных... свирепствовала малярия, умирали в госпиталях от ран бойцы...

Допустить в этой обстановке, чтобы дух людей ослабел, было смерти подобно!

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

«Сегодня 2 декабря, отец, у нас в дивизии особый день – нашей 20-й горно-кавалерийской присвоено звание Гвардейской! Рано утром в деревню, где разместился полк и командование штаба, приехал заместитель командующего фронтом вместе с двумя членами Военного совета. Прибыли командиры всех наших полков и горно-кавалерийского дивизиона, танкисты. Нам, в конном строю, зачитали указ Правительства о присвоении дивизии звания Гвардейской, и член Военного совета вручил командиру - подполковнику Тавлиеву - новое, гвардейское знамя. Наш прежний командир - полковник Ставенков (ты должен помнить его со Сталинабада: он «принимал на службу» моего Терека) - несколько дней назад был тяжело ранен. Командир дивизии и все командиры поцеловали знамя и поклялись бить фашистов до победного конца! Это знамя, и звание вручены нам на семнадцатый день боев! Как видно, по-настоящему воюем против проклятых фашистов! Ждите, вернусь с победой! Обними за меня маму и сестренку – Азу и Мадину. Ваш сын Арсен».

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

«Больше теплых вещей для бойцов Красной Армии: До войны у нас овчины почти нигде не выделялись, а валенки и подавно. Но фронт потребовал новую продукцию, и оказалось, что полушубки и валенки Таджикистан может дать бойцам в большом количестве. Это оказалось под силу не только крупным предприятиям, но и небольшим промысловым артелям. Сталинабадская артель «Промутиль» раньше тоже не имела никаких дел с шерстью. Но вот артели было передано свыше двух тонн шерсти, и оказалось возможным быстро наладить и мойку, и чесание, и прядение шерсти. К новому году артель связала бойцам 1.802 пары шерстяных носков и 450 пар шерстяных перчаток. Канибадамская артель им.Дзержинского открыла специальный цех и выпустила до 34 пар валенок в день. Выделкой овчин по-серьезному занялись в Ленинабадской области». - «Коммунист Таджикистана, 10 января 1942 года) (Стр.42 дневника Миры)

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

Протопопов засиделся в кабинете за полночь...Разбирая кипы «информаций» из Госплана насчет размещения эвакуированных в Таджикскую ССР промышленных предприятий, он силился понять, почему, несмотря на казалось бы столь серьезную на всех уровнях организацию работы (первый заместитель председателя СНК Н.А.Вознесенский еще 22 июня провел в Кремле совещание руководителей наркоматов оборонных отраслей, где определил каждому конкретный участок работы; при Совнаркомом СССР создан Совет по эвакуации во главе с Н.М.Шверником; в структуре Госплана образовано спецподразделение по вопросам оптимального размещения эвакуированных предприятий), здесь так много образуется проблем и нестыковок... «Понятно... Мероприятие архисложное: надо не просто перевезти заводы и фабрики с

Запада на Восток, что само по себе очень непросто, но и ввести их в строй в максимально короткие сроки. Тем более, дисциплина и организованность нужны, как никогда. А тут?! Нет... что-то не слаживается... пробуксовывает... Где? На каком уровне?

До сих пор нет никаких сведений по оборудованию с Павлово-Покровской, Владимирской ткацких фабрик; где-то застряли четыре трикотажных фабрики из Крыма и части Ростовской обувной фабрики им.Т.Микояна...

По другим же... многим... приходит некомплектное оборудование... Вот, например, поступление на Сталинабадский хлопкомбинат с Люберецкой фабрики... Всего трепальных, чесальных, ленточных, ватерных и других машин пришло порядка двухсот, а установлена от силы четверть - большая часть не смонтирована в виду недостатка комплектующих... Почему не дошли?»?

Он снимает трубку «прямого»...

- Председатель Госплана Салибаев у телефона, - четко рапортуяют на том конце провода.

- Каковы твои соображения по поводу Павлово-Покровской прядильно-ткацкой? Ее продукция нужна фронту позарез, а она...

- Да, знаю, я, Дмитрий Захарович, знаю, но такое положение не только с эвакуацией в Сталинабад. По Щербаковской фабрике, которая идет на Ленинабадский шелкокомбинат, отгружено оборудования тридцать семь вагонов, а поступило лишь пять... Ищем по полустанкам и тупикам, товарищ первый секретарь... У нас, кроме того, проблемы с обеспечением эвакуируемых предприятий электроэнергией... Телеграмма от Ушакова из Куйбышева у Вас тоже должна быть - я приложил к информации.

- Да... Вот она... Ну и что можем ответить?

- Потребность Сталинабадского текстилькомбината триста тысяч киловатт. А СНК Республики за счет принудительного графика может обеспечить лишь треть. Так что пускать фабрику нельзя не только из-за некомплектности, но и из-за отсутствия трансформаторов, кабельной продукции, электрооборудования... Нужно строить собственную ТЭЦ предприятия... На это уйдет время...

- Максимально ускорьте!

- Стараемся. Уже монтируем несколько котлов... Но нет центробежных насосов, огнеупоров, цельнотянутых труб... Достаем... С топливом для будущей ТЭЦ напрягли республиканскую Академию наук: их геологи доразведывают и оценивают ближайшие к городу месторождения горючего сланца в Гиссарской долине.

- Понятно...

Протопопов со вздохом опускает трубку на рычаг.

«Нет... В сроки никак не уложиться! Как же... как ускорить дело?!»...

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

Лев Исаакович, устало присел на шаткий стул: «Пять минут покоя... только пять, – его слезящиеся от многодневного недосыпания глаза слипаются. Он с усилием трет их. - Нет... спать нельзя... пока... может, позже»...

С тех пор, как его перевели в сортировочный эвакогоспиталь прошло не больше полугода, а ему показалось... вечность. На него свалилось все и сразу: казалось бы, рядовой врач, но и работу учреждения в спешном порядке разворачивать пришлось (со

всеми отсюда вытекающими – оборудованием палат, операционных, перевязочных, оснащением их лекарствами и инструментарием, поиском разнообразного больничного белья), и первые «потоки» раненых по профильным госпиталям распределять, и самому в экстренных операциях участвовать – единственный их хирург к ночи с ног валился от нечеловеческой усталости и напряжения...

Сон по три-четыре часа стал нормой. Он осунулся и даже как-то враз постарел. От огорчений по этому поводу спасало одно – в зеркало смотреться тоже было некогда. День... ночь... опять день... а, если еще и без смертей...

- Разрешите? – вдруг раздался тихий голос из приоткрывшейся двери.

Он открыл глаза.

- Разрешите войти, Лев Исаакович! - чуть громче повторила Даша.

На этот раз он узнал этот голос, с удивлением отметив про себя, что такой желанный когда-то, он сейчас не вызвал в нем ровно никакого отклика:

- Заходите, Даша, присаживайтесь,- спокойно и сухо ответил он, кивая в сторону единственного свободного табурета. - Какими судьбами?

Немного растерявшись такой холодной встрече, девушка молча опустилась на низкое и неудобное сиденье.

- Направили медсестрой в ваш... «четыре четверки», - глядя в пол, ответила она тихо.

- Медсестрой? Ах, да... с ускоренных курсов... понятно, - пробормотал он, поднимаясь со стула. – О-ох... заработался... на минутку вот отдохнуть зашел, а теперь, простите, пора - в третьей палате тяжелобольной ждет... с гангреной... через час операция. Вы, кстати, тоже, как обустроитесь, присоединяйтесь, - выходя за дверь, добавил он...

* * *

КОГДА ДАША впервые вошла в палату, она была поражена двумя вещами: резким, химическим запахом карболки в смеси с какой-то сладковатой горечью гниющего мяса; и... какой-то особой... непереносимо тягостной... атмосферой страданий, пропитавшей все и вся.

Больные, лежащие на койках в два яруса - измученные травмами (а кто-то еще и недавно перенесенной тяжелой и длительной дорогой) – были молчаливы и раздражительны, то и дело срываясь друг на друга по пустякам.

Досталось и ей:

- Что, девка, засмотрелась? Не видишь, повязку менять нужно?! Совсем завоняла... - донесся до нее откуда-то из угла тесной и душной палаты грубый, требовательный голос.

Девушка заторопилась на зов, пробираясь тесными проходами между коек. И тут ее схватил за руку весь замотанный в бинты человек - лишь глаза из под них тяжело и зло сверкнули (взглянув на него, Даша вдруг с удивлением отметила для себя, каким коротким было его туловище под простынями):

- А мне сегодня кто-нибудь воды принесет?! – прохрипел он.

- Сейчас, сейчас, - забормотала Даша, уже не зная, чью просьбу выполнять.

Ею стремительно овладевала паника...

- Сейчас, сейчас, - возвысив голос, охваченная внезапно возникшим страхом, почти прокричала она и, лавируя между койками, метнулась в обратном направлении – к спасительной двери...

- Что орешь-то, родная? – загородила дорогу невесть откуда взявшаяся старушка-

санитарка.

- Я...

– Давай-ка в коридор выйдем... раненых перебудуешь, - понижая голос почти до шепота, добавила та и, взяв девушку за руку, вывела из палаты.

- Ну, что случилось? – прикрыв дверь, спросила старушка, озабоченно глядя на новенькую.

- Испугалась я, тетечка! – призналась Даша. – Страшные они какие-то... злые...

- Они-то?! Ну, уморила! Какие ж они злые? Измученные... Месяц-другой назад – это были здоровые мужики, а теперь, смотри – кто без рук-ног, кто без глаз... А ведь у половины - семьи, дети: как кормить будут, и кто кого... не бросит ли жена... такого? Это у них всех сейчас в головах, помимо боли. Понимать надо! На то мы с тобой и здесь, чтобы им, сердешным, муки их адовы облегчать! Ты хоть представляешь, через что им пройти пришлось?! Не победу, чай, страна ноне празднует... Да, ты не тушуйся, - поправляя сползшую набок белую косынку девушки, добавила она, когда та, наконец, перестала всхлипывать. – Сама все поймешь, коль голова есть... А, главное, сердце... Меня, кстати, Мариной Федоровной кличут, - входя в только что покинутую Дашей палату и понизив голос почти до шепота, добавила она. – Зови, если что...

- Спасибо, - уже в пустоту пробормотала Даша.

2.

Каким чудом... как удалось ему соскочить с «энкавэдэшного» крючка, Марсак сам точно сказать не мог... Чутье, наверное... звериное... помогло - четко вдруг понял: нельзя на «стрелку» идти, и точка! Когда же в городе о большом ночном шухере на «водокачке» услышал, тем более понял – «спалились господа шпиены», мать их Гитлера за ногу... Хорошо, хоть не успел по- настоящему с ними связаться – как был честным вором, так и остался! Не подвел нюх! Более того, понял тогда, что даже от своих, сталинабадских, хорониться надо... Нину тоже брать некуда, да и некогда...

«Э-эх, родимая! Только зажили! – досадливо цикнул слюной сквозь сжатые зубы он. – Но... дай срок... дай срок... возьмем свое! Но не сейчас... не сейчас, - подскакивая на колдобинах в кузове колхозного «ЗИСа», озабоченно бормотал он.

- Ты чой-то хошь?- обратился к нему, видно расслышав последние, произнесенные уже вслух, слова, улыбчивый сосед-паренек. – Ты в Денау по казенной или иной какой надобности? Могу помочь.

- Да, нет.. Извиняйте... Друган у меня занемог... поджидает, чтоб на железной дороге подменил, а меня, вон гляди ж ты, дела задержали...

- На железной дороге? Это дядь Филя что ль?

- Не-е... новенький, - усиленно делая вид, что рассматривает что-то в ближайшей тутовой рощице, ответил вор, начиная беспокоиться по поводу совершенно не нужного ему сейчас внимания.

- А-а... Ну, смотри, - наконец-то потеряв к нему интерес, добавил парень. – А то спроси Семена-агронома - меня все знают...

* * *

НИНА НЕ СРАЗУ поняла, что Лева ушел. Ждала с ужином вечером... ждала и на следующий день... Пока однажды в дверь не постучал незнакомый человек в строгом, полувоенном кителе:

- Марсак Лев, здесь живет? – сухо поинтересовался он, бесцеремонно оттирая ее к

стенке.

Девушка кивнула.

Мужчина, не глядя на нее, прошел в дом.

- Что замерла?! Иди сюда! – закончив осмотр, окликнул он по-прежнему стоявшую у порога Нину. - Где сожитель? – добавил он, когда она вошла в зал.

- Не сожитель. Муж он мне законный, - заливаясь краской, ответила она, прямо глядя в «стальные» глаза гостя...

- Ах, не сожитель?! Ну, да все равно! Где Марсак? Отвечай! Когда будет?

- Не знаю, - растерянно теребя конец фартука, пробормотала Нина. – Не говорил он мне... Ушел третьего дня... и все...

- Концы, значит, обрубил, - констатировал мужчина.

- Какие концы? – пролепетала она, почувствовав вдруг себя маленькой, ровно ничего не понимающей в этом мире, девочкой...

- Ладно, - направляясь к выходу, хмыкнул гость. – Живи покудова, барышня... А, если что... если объявится (в чем я лично сильно сомневаюсь!), скажи, пусть лучше сам сдается. Для него лучше будет... и, наверное, для тебя...

Дверь за «кителем» гулко захлопнулась...

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 26 сентября 2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»).

(Продолжение <http://www.proza.ru/2012/10/03/429>)

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Братина горя и добра - глава 5

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>) <http://www.proza.ru/2012/09/05/252> <http://www.proza.ru/2012/09/12/274> <http://www.proza.ru/2012/09/19/277> <http://www.proza.ru/2012/09/26/281>)

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

- Товарищ первый секретарь! Это Бокар докладывает... да... как Вы просили, насчет Павлово-Покровской... Дмитрий Захарович, пришло вчера тридцать четыре ткацких станка, но все к сборке не годные... некомплектные. Оборудование с Люберецкой прядильной фабрики пришло на Сталинабадский хлопчатобумажный комбинат некомплектное... станки трех Крымских трикотажных фабрик не поступили, и сведений о том, где они в настоящее время, нет...

Что поступило? Пришло оборудование Феодосийского завода «Красный перекоп», Карачаевского и Полтавского маслозаводов, Московского мыловаренного, Симферопольского стеклотарного завода им. 1 Мая ... Это пока все... Да... буду держать в курсе...

Уполномоченный главного интенданта Красной армии аккуратно положил на рычаг трубку и вытер большим клетчатый платком взмокший от пота лоб. Радоваться пока было нечему...

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

Денау – ворота всем грузам для Южного Таджикистана. Отсюда они растекаются по многим железнодорожным и шоссейным путям, напитывая центнерами и тоннами веса формирующиеся части; одевая и обувая готовых идти на фронт солдат...

Расставшись с общительным агрономом у первых служебных станционных построек, Лева напрямик направился к цели своего прибытия - железнодорожным пакгаузам. Они, да будочки стрелочников у переездов с полосатыми шлагбаумами - были обязательной составляющей вокзалов (даже таких солидных, как двухэтажные губернские!) по всей необъятной России от Шепетовки до Благовещенска. Сделанные на один лад, домики были сложены из крепкого, жженого кирпича и обязательно с белеными стенами...

Матерого вора интересовали забитые всяким добром складские помещения на грузовых перронах. Здесь и тюки хлопка, и рулоны марли на бинты, и армейские яловые и хромовые сапоги, и банки с абрикосовым повидлом, и конские уздечки – короче, все, что с руками оторвут сотни тысяч изголодавшихся по гражданским вещам и продуктам людей. Не лишним было и то, что там смиренно и грозно лежали длинные зеленые деревянные ящики с оружием и боеприпасами.

«Наверное, те самые, что тот ферт от самарских рвануть моими руками мылился», - подумал Леня и смачно сплюнул под ноги.

Не обремененный излишним патриотизмом, он, тем не менее, делать это для немцев ни

за какие деньги не хотел... хорошо, что теперь и не надо...

«Что ж, пора и с «друганом» встречаться», - бросив в последний раз взгляд на вожделенные пакгаузы, размашисто зашагал он в сторону тесных жилых халабуд. Из воровской осторожности Лёва, конечно, соврал: дружок в Денау был не с «железки», а будучи бригадиром грузчиков, обретался возле нее. Он хорошо знал, что и на дороге, и на складах творится...

Не ждал его Савелий на этот раз, но за бутылкой «горячительного» вопрос, тем не менее, «перетерли» быстро - не зря ж столько совместных дел и ходок позади!

- Давай короче, Савелий, - высасывая прямо из горла последние капли «родимой», заключил Марсак. - Раз на завтра вояки под погрузку эшелоны заказали – добро со складов надо брать сегодня... ночью! Люди-то у тебя есть? Готовы?

- Обижаешь... А как же?! Тем более, много ли нам надо?! Маневровую «кукушку» мы с пареньком надежным, чтоб паровозную бригаду большим «самаваром» не булгачить, сами подгоним. К ней еще пульман прицеплен. А больше вчетвером...пока вохровцы хватятся... и не загрузим!

- Да... Это хорошо. Теперь еще вот что... Ты, Сава, по шмотью (как вести до Термеза, где перегружать на катера, как дальше гнать) – сам «дока». Учить не буду. Военные же ящики с «тэтэшниками» и «ППШ» (патроны к ним, гранаты отдельно схороним) – чую еще пригодятся! Здесь прибережем... - А паровоз?! – вдруг забеспокоился Лева. – Его ж искать станут!

- Не станут! Мы, знаешь-ка, его по поддельным путевым в Мары...
ремонтиться погоним.

Марсак кивнул...Теперь, кажется все предусмотрели...

Воры и не предполагали, что в тот же день их хитрые задумки будут известны не только им самим...

* * *

ПОДГОТОВКА ТАКОГО КРУПНОГО дела, как ограбление товарной станции, не могла пройти незамеченной для НКВД (усиленной к тому же по случаю войны призванными с запаса «сыскарями» и оперативниками). Да и криминальный мир Таджикистана после разгрома басмачей в середине тридцатых был слаб и неорганизован. В свою очередь европейский, российский криминал на новой территории, только что «вынырнувшей» из средневековья, еще не сформировался и не окреп. Потому и Леня Марсак, и многоопытный Сава, при всей их прыти и находчивости «бултыхались» в чужой, непривычной для них и едва европеизированной среде: все контакты были на поверхности - проследить их компетентным органам труда не составило...

* * *

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА численностью в двенадцать человек с закатом рассредоточилась близ пакгауза и круглой кирпичной водокачки. Майор Иванов сидел между служебным железнодорожным и своим переносным оперативным телефоном в будке стрелочника - метрах в ста пятидесяти от «арены действий». Хороший полевой бинокль позволял все наблюдать «из первого ряда»...

В час сорок со стороны Регара донесся едва различимый пока перестук колес; затем темноту ночи разорвал пучок света, бьющий из паровозного прожектора. Минут через пять показалась и сама маломощная маневровая «кукушка», которая, окутав грузовой перрон едким дымом, притормозила с единственным пустым пульманом у длинного и

широкого пакгауза.

Из вагона суетливо выскочили три фигуры: одна из них тут же бросилась к массивному висячему замку на скобе строения, а две других потащили из вагона дощатые сходни. Немного погодя из будки машиниста показался еще один человек. Не спеша осмотревшись, он обошел локомотив и легко спрыгнул на перрон.

«Где же Марсак? Или издали контролирует»? – вертелась в голове Иванова беспокойная мысль. – Нельзя такую операцию без захвата главаря проводить!»...

Тем временем, из распахнутых ворот пакгауза бандиты начали торопливо вытаскивать тюки, связки, выкатывать деревянные бочонки, с кряхтением выносить ящики с мясными консервами... Все это продолжалось ровно пятьдесят пять минут.

Протяжный воровской свист, знаменующий окончание погрузки и выстрел сигнальной ракеты Иванова слились в один звук....

А потом все перемешалось: беспорядочная стрельба, команды, и круто замешанная на трехэтажном мате ненормативная лексика типа «волки позорные» и «в парашу опущенные»... Через десять минут боя грохнул взрыв...

Майору на миг показалось, что произошло то, чего они больше всего боялись – взорвались артиллерийские боеприпасы на складе. Однако дело обошлось лишь подрывом уже загруженного бандитами в вагон ящика ручных гранат. Мысль «из осторожности» остаться внутри принимать грузы (рассовав при этом несколько заряженных гранат по карманам!) подвела Леву вчистую – шальная пуля в конце перестрелки... и ... не пофартило вору – от него остались лишь брызги...

Спустя два дня, не чокаясь, но со скрытой радостью, подняли «граненыши» с горькой самарские... Что ж? «Не все коту – масленица»...

* * *

О СМЕРТИ МУЖА Нина, скорее, не узнала, а догадалась много месяцев спустя, случайно встретив на улице одного из бывших Левиных друзей: тот, едва завидев ее, вдруг метнулся в сторону и свернул в ближайший переулок. Сердце женщины екнуло – она все поняла...

2.

Через неделю Даша уже со смехом вспоминала свой первый день в госпитале. Хотя, честно сказать, смех этот был сквозь слезы. Здесь, на острие страдания, все было как-то по-особому пронзительно и полярно: боль и радость, надежда и отчаяние...

Вспомнив вдруг давешнего инвалида-энтузиаста, Даша прыснула.

- Ты что, сестричка? – удивленно воззрился на нее уже немолодой человек (один из тех, лишенных рук и ног калек, которых больные меж собой точно и с жестоким юмором называли «самоварами», и к которым, жалея, особо тепло и внимательно относился персонал) – Даша в этот момент поправляла ему подушку.

- Да лейтенанта вчерашнего с девчушкой его, поводырем, вспомнила: «Ах, няня-няня, здесь так душно»... Ну, насмешила...

- А что? Тюлевая накидка с подушки ей очень даже к лицу была... И Евгений Онегин... Натуральный такой...бравый... хоть без руки и ноги...

Раненый вдруг осекся, вспомнив, о собственном увечье...

- А у нас скоро настоящие артисты будут, - затараторила, чтобы не дать ему замкнуться, Даша.

- Да? – каким-то сразу вдруг ставшим безразличным голосом безучастно переспросил

он.

- Конечно! – преувеличенно бодро продолжила она. – Я с одним из эвакуированных театров договорилась... Они прямо у нас в палатах пьесу Чехова играть будут!

- Да, ну?! Чехов – это хорошо! – как бы очнувшись от мрачным мыслей, отозвался мужчина.

Девушка шумно, с облегчением вздохнула: «Слава Богу!»... и, все больше входя в роль, начала в красках передавать сюжет предстоящего спектакля...

3.

С момента прибытия в конце осени второй «партии» ребятишек забот у Миры было хоть отбавляй. Особенно с семерыми из них... которые постарше.

Немного подкормившись и почувствовав себя в безопасности, эти, много пережившие и повидавшие в военной Одессе, Николаеве и Гуляйполе, поднабравшиеся блатных замашек за время многомесячного бегства из родных мест, подростки были обозлены на всех и вся, эгоистичны, жестоки, не признавали никаких законов и авторитетов. Вернее лишь один из них – авторитет силы...

- Ты до конца жизни хочешь просидеть за решеткой, Сема?! – уже полчаса распиналась перед одним из них Мира.

Худой, смуглый одессит-Сема безразлично молчал, уставившись в забранное решеткой окно КПЗ.

- Твой отец воюет, а ты здесь прялку у старушки крадешь! Как тебе не стыдно?!

- Не воюет отец. Его с матерью еще в начале июля румынская бомба убила. Сам то, что от них осталось вместе с соседями в ящик собирал и на кладбище закапывал. А вот старший брат воюет... если, конечно, не убили еще... Он - краснофлотец. Может, тоже уже рыб кормит...

Мира поперхнулась от такого натурализма, и не сразу нашлась, что сказать:

- Ну, дай Бог, старший твой жив, и немцам мстит за родителей! Да и ты через пару лет сможешь винтовку в руки взять и с ними поквитаться! Хочешь этого?

Семен поерзал на табурете:

- Война к тому времени кончится.... - то ли с надеждой, то ли с сожалением откликнулся он.

- Думаю, на наш с тобой век, Семен, ее еще хватит! – бодро заключила Мира, одновременно про себя отмечая аполитичность такого утверждения. - Сейчас с уполномоченным по делам несовершеннолетних я договорюсь. Но ты, пожалуйста, больше меня не подводи: Сибирь тебе светит! Понял ты?

Семен молча зыркнул исподлобья и опустил голову.

- Иди уже, - глядя на переминающегося с ноги на ногу, подростка добавила она...

* * *

ОСТАВШИЕСЬ ОДНА, Мира вернулась к другой своей «больной» теме – поступившей сегодня из блокадного Ленинграда малышке (по документам - Регине Чередниченко). «И что с ней делать?! Ума не приложу», - жаловалась она нянчащейся с ней уже битый час тете Глаше. Та в ответ лишь качала головой: «А что тут поделаешь? Может, оклемается?»...

«Оклемается... - беспокоило металась мысль Миры. – А если нет? Сколько еще она вот так стоять у барака будет?! Холодно ведь, хоть и весна! Ребенок же... в тепло надо... и опять же – поесть... Вечереет, а она ни крошки в рот не взяла... Нет. Надо что-то

делать!».

Мира задумалась...

Когда окончательно стемнело, терпение девушки лопнуло - побежала к матери за советом, вытасила чуть не из постели...

Хлопотали уже втроем...

Никакого результата - молчит, и только за дерево крепче цепляется.

Вызвали врача из ближайшей больницы. - Тот же эффект.

Ночь прошла... день... еще ночь... и еще одна... - О девочке-ленинградке уже в городе заговорили...

Спасение пришло неожиданно, когда все уж в нем изверились. Во двор их барака в полдень третьего дня тихо вошла немолодая женщина с авоськой:

- Можно с ней поговорить? – попросила она.

- Конечно, - без особой надежды согласилась Мира.

... О чем они говорили (чтобы не мешать, весь персонал отошел в сторонку), как сумела гостя тронуть сердечко малышки, она так и не узнала. Только через час женщина зашла в барак с девочкой на руках – та доверчиво к ней прижималась.

- Знаете... - улыбаясь, сказала она, - наша Региночка молочка хочет. А потом она просит, чтобы я ее забрала. Если, конечно, Вы не возражаете...

Кто ж в таких условиях мог возражать? С формальностями в Облоно и Горкоме быстро покончили. Только там, в кабинете начальника, узнала Мира о неожиданной спасительнице: жена известного оперного баса Украины и мать астрофизика Цесевича – Евгения Павловна – услышала о девочке в очереди за хлебом, и, несмотря на то, что сами они (тоже эвакуированные из блокадного Ленинграда) едва сводили концы с концами, решила во что бы то ни стало найти ее и помочь землячке. Как оказалось, мама девочки, оставив ее в вагоне, вышла на станции за кипятком; и в это время поезд тронулся. С ним Регина и приехала в Сталинабад. Оказавшись одна среди незнакомых людей, малышка впала в депрессию.

- Теперь все позади. Правда, родная? – ласково прижимая малышку к себе, ворковала будущая мама.

- Плавда... - доверчиво глядя ей в глаза, ответила та...

В ту ночь Мира впервые за многие месяцы заснула на своей старой скрипучей раскладушке легко и спокойно. Снились ли ей счастливые глазенки девочки? Кто знает... Но кошмаров не было точно...

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

А Сталинабад все больше и больше разбухал от эвакуированных. Таджикской речи на улицах было уже почти не слышно... то тут, то там – в толпе мелькали непонятной национальности низкорослые, оборванные, грязные люди: баня — одна, горячей воды часто нет, в санпропускники — по талонам... А откуда ж они, талоны-то?! Ведь работу по специальности, да еще достойно оплачиваемую, далеко не всем найти удастся!

Профессор вон из Кракова - знакомый Льва Исааковича - гардеробщиком при театре Лахути служит; поэт Грааде (он для Русского драматического стихи пишет) в застегнутой при сорокаградусной жаре на все пуговицы заморской шинели тоже явно не от великого богатства ходит.

Базары и барахолки кипят... бурлят... Все чем-то торгуют...

Высматривая подарок для мамы (юбилей все-таки!), Даша неожиданно упирается взглядом в грустные и доверчивые глаза актера Ленинградского театра комедии Бориса Тенина (который, как говорили, что-то вроде мастерит на продажу... наверное, эти деревянные босоножки, что сейчас в руках держит)... А вот и «менглетовский» Валя Рублевский... продает собственного производства спиральки для электроплиток ... Только зачем они сейчас?! Света-то почти нет: и местные, и эвакуированные при коптилках сидят...

Тенин... Как он покраснел, когда столкнулся с ней взглядом...

«Торгует, наверное, втайне от жены... чтоб хоть что-то в дом... приработок... А Лидия Сухаревская... Она ведь такая гордая, - вздыхает девушка. – Нет... Обязательно надо к ним зайти... поддержать, тем более, что на Куйбышева все равно собиралась»...

Мирзоянц – начальник профильного госпиталя и давний знакомый Даши - жил как раз в том доме, а он насчет бинтов помочь обещался..

* * *

ПРИБЫТИЕ В ГОРОД хирургов Дохмана и Слободянского стало для сортировочного поистине «глотком воды в пустыне». Во-первых, пятеро – это уже не трое. Нет, конечно, выходных в результате у врачей не прибавилось (работать по-прежнему приходилось по двенадцать-четырнадцать часов в сутки!), но вот круглосуточных дежурств стало меньше. И потом... при такой нагрузке, очень важно, можно или нет опереться, если что, на товарища... С ними же (прошедшими в городе на Неве блокадный ад и знающими истинную цену жизни) работать было легко и просто. К тому же, какие специалисты... Но не успели врачи порадоваться такому пополнению, как «накатил» новый «девятый вал»: эшелоны с ранеными под Москвой бойцами с весны буквально напирали один на другой. Этот удар первым принял на себя «четыре четверки».

С ног сбились все: врачи сменяли друг друга на экстренных операциях; круглосуточно работали нянечки и медсестры, стремясь хотя бы успеть обмыть, переодеть людей, сменить им повязки... А те были особенно угрюмы и озлоблены...

- Где же артисты, твои, милочка? – устало поднимая на Дашу глаза после очередного обхода, спрашивал Слободянский. – Хоть немного людей развлекли бы... дух подняли... глядишь, и нам полегче стало...

- Да, не знаю я, Александр Ильич ... Сходить спросить некогда, а по телефону неудобно... Обещали...

Хирург со вздохом сам взял трубку: «Да, барышня... Нет, барышня... Тяжело? Много концертов? Понимаю... Но и Вы поймите»...

- Готовь, Дашенька, больных к вечеру! – закончив разговор, улыбнулся ей он.

* * *

СОБРАТЬ РАНЕНЫХ ДАША успела, а вот посмотреть с ними спектакль уже не довелось: пришлось ассистировать в операционной...

- Пьеса была веселая, - рассказывала позже вечером в «сестринской» представлявшая в «зрительном зале» весь больничный персонал Марина Федоровна.

- По Чехову?

- Ну, да... Кажется... Спектакль, говорю, смешной был...

- А актеры что ж такие хмурые от нас выходили?

- Это ты Глашеньку что ли... молоденькую артисточку... встретила?

- Ну, и ее тоже... А что произошло-то?

- Да непривычная она к нашему житью-бытью... к больным нашим... В общем, отыграла девушка свою роль (она на самом деле «заводная была») и ждет со мной, за дверью, аплодисментов... А оттуда – лишь стук. Заплакала она... убежала... Еле догнала.

Говорит: «они меня освистали... я плохо сыграла... да, нянечка?». «Да не освистали они тебя, дуреха! - пытаюсь объяснить. – Хорошо ты играла. И они хлопали тебе! Неужели не слышала?!». «Не слышала», - отвечает, а сама носом хлюпает...

- А на самом деле, Марина Федоровна, они хлопали, или Вы так ее утешали?

- Да, хлопали они ей, точно тебе говорю! Только, сама знаешь, когда большинство костылями аплодирует (другим-то нечем!), простых хлопков и не слышно... Вот она и решила, что ее «освистали». Хотя, где она свист-то этот слышала?! Я ей так это и сказала, а она еще пуще заплакала... Тонкая, видать, натура... Вот так-то...

- Это точно... тонкая, - растирая некогда холеные, а ныне красные от сулемы и карболки руки, вздохнула Даша, вспоминая, как сама впервые зашла в госпитальную палату...

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 3 октября 2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/10/10/454>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Братина горя и добра - глава 6

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.)

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300>

proza.ru/2012/08/08/316) <http://www.proza.ru/2012/09/05/252> <http://www.proza.ru/2012/09/12/274> <http://www.proza.ru/2012/09/19/277> <http://www.proza.ru/2012/09/26/281> <http://www.proza.ru/2012/10/03/429>)

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

Зима в Сальских степях наступает рано – уже в начале ноября. Еще до снега ледяная крупа вперемешку с дождем облепляет звенящей коркой почерневшую степную полынь и чертополох на уныло растянутых в пространстве между Доном и Манычем равнинах. Именно здесь уже три недели разыгрывается, возможно, самая гигантская в истории человечества драма – окружение и уничтожение прижатой к волжскому берегу в районе Сталинграда трехсоттысячной немецкой группировки. Этому событию суждено стать поистине судьбоносным не только для Великой Отечественной, но и для всей Второй мировой войны.

* * *

БОЙЦЫ 61-Й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ, прибывшие под Сталинград из Таджикистана в августе 1942 и участвовавшие двадцать дней назад в прорыве линии фронта и окружении группировки Паулюса, попали в трудное положение - ослабленное трехнедельными боями боевое подразделение оказалось на острие главного удара группы армий «Дон», срочно созданной немецким командованием в районе Котельникова для деблокаирования окруженных в Сталинграде войск.

На то, чтобы зарыться в мерзлую землю у спешенных кавалеристов были только сутки: утром 15 декабря у их неглубоких траншей уже появилось полторы сотни танков 6-й танковой дивизии немцев и гренадеры немецкого 114-го мотопехотного полка на бронетранспортерах «Гономаг», прозванных нашими бойцами на всех фронтах «крокодилами».

Стрелок противотанкового ружья Рахматулло Адхамов, как и его второй номер Рифат Гатаулин, залегшие в отдельной ячейке, в тридцати метрах впереди от основной позиции полка, были одноклассниками: в июне этого года они окончили 8-ю среднюю школу и сразу были призваны в формирующуюся в Сталинабаде 61-ю кавалерийскую.

Дружившие много лет, ребята вместе попросились в противотанковую школу, и за время прибытия на фронт успели натереть мозоли на плечах своим верным ПТРД.

21-го ноября, когда начался прорыв румынских позиций, состоялось и их боевое крещение – на подходе к Абганерово полк наткнулся на несколько танков LT-35 чешского производства, «щедро» переданных немцами в 1939 на вооружение румынских союзников. Вот тогда-то и всадил Рахматулло свои две первых стальные пули в лобовую броню «чеха»! Механик-водитель этими выстрелами был убит, а выскочившего из башенного люка румынского лейтенанта – командира - взял в плен второй номер расчета, Рифат.

Сейчас ситуация была намного сложнее: на позиции 61-й наступали не чешские жестянки, а только что модернизированные на танковых заводах Вупперталя Pz-IVF. Непривычные длинноствольные орудия этих танков время от времени, на коротких остановках, изрыгали огонь, тут же отзывавшийся взрывами на советских позициях.

- Рахматулло, ты «зажигалки» сюда дай. Я их подальше положу, не дай Бог в них осколок попадет – нас с тобой не потушат!

Он забрал из рук друга обе бутылки КС с фосфорной зажигательной смесью («последний довод королей», как в шутку они их именовали) и бережно уложил среди мерзлых комков земли вместе со своими, прикрыв для верности саперными лопатками. Последний – не последний, а танки от них исправно горят. Он сам видел это... и не раз. Если, конечно с бутылкой до них доберешься...

- Ну, что Рифат, похоже вон тот – «наш».

Рахматулло, не отрываясь, смотрит на одну из угловатых стальных громадин, которой из-за небольшого, глубокого овражка впереди, было никак не добраться до траншей полка, не повернув в их сторону. Грязно-белый от зимней раскраски и налипшего чернозема, танк был уже метрах в ста. Оба бойца вжались в дно своего окопа: оттуда заметят – пары снарядов на них не пожалеют!

Примерно в сорока метрах от их укрытия, стальная машина притормозила и развернулась, объезжая глубокую воронку.

Именно на это и рассчитывал Рахматулло, выцеливая боковой, загрузочный люк в корпусе. Задержав дыхание, боец потянул на себя спусковой крючок ружья. Но за мгновение до того, как ПТРД привычно толкнуло его в плечо мощной отдачей, вдруг с удивлением заметил, как танк словно вздрогнул и застыл на месте.

- Артиллеристы обогнали, туда их! – закричал Рифат, тоже неотрывно наблюдавший за танком.

Он уже приподнялся на локте и старался рассмотреть, какое из противотанковых орудий «украло» у них победу...

- Рифат, где автомат?! Уйдет, сука!

Рахматулло шарит вокруг себя руками в поисках оружия, не отводя взгляда от фигурок немецких танкистов, пытающихся выбраться из начавшей гореть машины. Сорок метров для ППШ – не дистанция. Выстрел... И вот один из танкистов повисает из люка на башне. Второму все же удается уйти к цепи наступавших за танками пехотинцев.

С досадой глядя ему вслед, ребята вдруг с удивлением обнаруживают на линии движения подбитого гиганта еще одного... совершенно на него непохожего. Лишь по силуэту, да и то не сразу, догадываются, что это - легендарный «тигр»...

Выкрашенный в белый цвет, трехметровый гигант казался даже больше, чем был на самом деле. Поминутно «кивая» длинным стволом восьмидесяти восьми миллиметровых орудий, он изрыгал огонь и медленно, но верно приближался к траншеям.

Бойцы, с нарастающим беспокойством наблюдали, как от него со звоном и лязгом отскакивали выпущенные двумя орудийными расчетами противотанковые снаряды, в ответ на которые экипаж «тигра» хладнокровно перемешал ближайший из них с землей.

Три выстрела сделанных Рахматулло тоже не произвели на великана впечатления. «Хорошо, если они не заметили, откуда стреляем» - пронеслась в умах друзей одна и та же мысль. Они молча посмотрели друг на друга, а затем, не сговариваясь, на укрытые саперными лопатками бутылки.

Рифат рванулся к «последним доводам королей», но Рахматулло опередил:

- Ты, это, Рифат, с автоматом подстрахуй, а то пехота близко – срежут, не доползу... Не

рассуждать, второй номер! Прикрывай!- видя сомнение в глазах друга, резко бросил он несколько секунд спустя: танк ревел и лязгал совсем рядом...

Боец перевалился за невысокий бруствер их мелкого укрытия и пополз к стальному чудовищу. На его и Рифата счастье, экипаж, высматривая в ближайшей лощине артиллерийские орудия, не рассмотрел, что творится у него буквально под гусеницами, и первая бутылка стала очень неприятным сюрпризом для механика-водителя, когда горячая смесь, вспыхнув на передней стенке корпуса, огнем залила триплекс и чадным ручейком потекла через какую-то щель внутрь! Пока он высказывал курсовому пулеметчику все, что думает о нем лично и его ближайших родственниках в придачу, Рахматулло поравнялся с чадящей выхлопами кормой «тигра», на вентиляционные решетки которой благополучно полетела вторая бутылка.

После вспышки на корме, парень почувствовал, как в мерзлую землю рядом с ним начали впиваться пули бегущих за танками автоматчиков, и быстро откатился в сторону от горящего «тигра». Теперь он слышал и бешеный стрекот Рифатовского «ППШ»: напарник пытался прикрыть товарища от немцев. В это время справа, сверху от Рахматулло что-то грохнуло. Земля под ползущим бойцом содрогнулась, и глаза застлала огненная пелена – в горящем танке взорвалась боеукладка...

* * *

БЛЕКЛЫЙ БЕЛЫЙ цвет в его глазах давно и основательно подавил все остальные цвета, звуки и запахи. Именно на его фоне время от времени появлялись какие-то предметы... размытые фигурки людей... после чего становилось то больнее, то приятнее... а иногда, из этого белого, пахло чем-то съестным. Нет, не вкусным... как горячие лепешки из тандыра... а просто... съестным. И еще кое-что будоражило и выбрасывало порой из белого тумана: «что это такое происходит?», «почему все время трясет и даже резко раскачивает... иногда рывками?», «а это что за металлический скрип, скрежет и звяканье снаружи?». Не сразу, не вдруг пришло понимание, что все эти ощущения – суть одно: он в поезде... Таким же, наверное, как тот, что вез (казалось, уже вечность назад!) их 61-ю в теплушках на Запад, в Европу, на Кавказ...

Когда Рахматулло в очередной раз вынырнул из навязчивой белизны, он долго не мог осознать, чем отличается эта поездка от первой: мешала думать боль и постоянное сонное состояние, которое усиливалось каждый раз после невнятного бормотания рядом - «морфинчику этому обожженному добавьте...».

Постепенно, однако, реальность стала давать ему все более и более четкие ориентиры, по которым он смог не только вспомнить, что с ним произошло, когда и как он оказался в этом поезде, но и понять, куда же его везут... «Ага... Вот и станционная надпись... «Кинель». Значит поезд идет куда-то в тыл...на восток от фронта... Понятно... Не ясно лишь одно, почему»...

А воспоминания тем временем торопливо заполняют зияющие после ранения пустоты в его сознании. Далеко не все они связаны непосредственно с фронтом. Почему-то вдруг вспомнилась школа... контрольная... шпаргалка... рассерженный голос «русистики» Аллы Владимировны... опять рассерженный голос, на этот раз ротного Абросимова, матерно выговаривающего ему за потерянную ложку: «для красноармейца на фронте – ложка – предмет к штыку приравненный, боец Адхамов!»... перекошенное и грязное лицо друга-Рифата, строчащего из своего «ППШ», чуть не задевая ворот шинели, куда-то ему за спину... огонь во все небо, тьма... и вот эта долгая белизна, окончательно

разорванная уплывающей влево вывеской «Кинель»...

Теперь жизнь раненого стала другой. Да... истинно - все познается в сравнении...

Осознав, наконец, себя в мире, он, несмотря на боль, был почти доволен: руки-ноги целы... голова тоже на месте... На этом фоне «сорок процентов ожогов» звучали для него почти как «практически здоров», тем более после того, как из их вагона вынесли на нескольких станциях «вперед ногами» двух летчиков и четверых танкистов...

Радовало и то, что, несмотря на скучный пейзаж за окном (за Оренбургом – кроме степи с редкими водокачками, да верблюдов – смотреть было совершенно не на что), он, как ни крути, все ближе к дому, к Сталинабаду, будет...

«В Казахстан, верно, везут», - думал он, вспоминая жаркое среднеазиатское лето, хурму и почему-то... акации. И при этом даже представить себе не мог, что едет не куда-нибудь, а в сам Сталинабад... Поистине непредсказуемо оно, военное счастье...

* * *

РЖЕВСКО-СЫЧЕВСКИЙ ВЫСТУП на запад от Москвы с декабря прошлого, 1941, мозолил глаза, как немцам, так и советскому командованию. Как ни крути, а классическое европейское военное образование тех и других основывалось не на замысловатом учении китайца Сунь-Цзы, а на взглядах Клаузевица, Мольтке и Суворова, которые предусматривали удержание линии фронта на наиболее удобных для обороны рубежах. И в свете этого пресловутый выступ виделся для немцев новым плацдармом наступления на Москву, а для советского командования – тем же самым, однако с потенциалом «обрезки» его у основания и превращения в «котел» для 9-й немецкой армии. В этом случае победа была бы не просто военная – сразу несколько тысяч плененных стали бы достойным политическим козырем в переговорах с западными союзниками о военной помощи и о будущем Втором фронте!

10 октября советские войска, подпиравшие с трех сторон Ржевско-Сычевский выступ, получили директиву на операцию под кодовым названием «Марс», целью которой и было задуманное окружение. Согласно плану, командование Западного фронта решило нанести главный удар силами 20-й армии в общем направлении на Гредякино.

Операция была дерзкой, и, как в дальнейшем выяснилось, не до конца подготовленной: немецкой 9-й армией командовал не кто-нибудь, а генерал Модель, прозванный своими сослуживцами «Львом обороны», как за несокрушимость защищаемых позиций, так и за умело организованные контратаки на тактическую и оперативную глубину. Этот фактор был явно недооценен.

20-я Гвардейская кавалерийская, ровно за год прошедшая боевой путь, которому могла бы позавидовать любая советская дивизия в действующих войсках, входила в этот момент в число элитных соединений РККА, высоко ценимых и в Генштабе, и у Верховного командования. Ей и было поручено, на рассвете 27 ноября составить острие удара, форсировать реку Вазузу, и, перерезав железную дорогу Ржев-Вязьма, прорваться в Медведовский лес.

Эскадрон старшего лейтенанта Дробышева, 103-го кавполка первым преодолел Вазузу: После мощного удара артиллерии и минометов, враз перемешавшего заслон фашистов на неопасном по их мнению болотистом участке, сытые локайские кони, только в начале октября доставленные в дивизию на пополнение с Султанабадского конезавода, фыркая и оступаясь на глинистом склоне, осторожно спустились на еще неокрепший лед. Кавалеристы, разъезжаясь валенками и скользя по тонкому слою выпавшего накануне

вечером снега, четырьмя редкими колоннами перевели коней на «немецкий» берег. И уже отсюда все нарастающая конная лава с глухим, дробным топотом полилась в прорыв между двух деревенок - Большим и Малым Кропотово - к станции Сычевка. В этом живом конно-людском потоке мерещилось что-то древнее и грозное, неудержимое и несовместимое с современной цивилизацией, что до животного, нутряного страха пугало пришельцев из прилизанной, комфортной Европы.

* * *

МЕДВЕДОВСКИЙ ЛЕС, в числе крупнейших массивов к западу от Москвы, был местом базирования сразу нескольких партизанских отрядов. Созданные НКВД еще в начале сентября 1941, на подходе немцев к Смоленску, они по сути дела были не самостоятельными группами народных мстителей из местного населения, а мощными диверсионными группами из оперативников-контрразведчиков, профессиональных саперов, снайперов, радистов. Скорее в помощь им был придан комсомольский и партийный актив, оставленный здесь для подпольной работы из-за знакомства с местными условиями.

Более чем за год, к декабрю 1942, когда началась операция «Марс», эти мелкие отряды выросли в целые партизанские бригады, с грозными, а порой странными названиями: «Народные мстители», «Дядя Коля», «Сыновья Ворошилова». Именно совместно с ними кавалеристам 20-й и предстояло действовать в немецком тылу...

* * *

ТАКОГО УЖАСА немцы не испытывали никогда. Да, здесь в России везде было опасно – фанатики-коммунисты время от времени обстреливали проходящие поезда, закладывали мины на дорогах, но к этому как то приспособились и регулировали с помощью зондеркоманд и местной полиции. Сейчас же понятие тыла попросту в одночасье исчезло: дороги заполнили сотни азиатских конников, сразу были вырублены несколько мелких гарнизонов, а в 15 декабря даже взят город (!) Холм – Жирковский, где был уничтожен весь гарнизон и взято в плен сто пятьдесят пленных, среди которых – пятнадцать старших офицеров во главе с начальником тыла Ржевской группировки генералом фон Рибелем и всем его штабом разжиревших тыловых крыс. Такого командование группы армий «Центр» вынести уже не могло и запросило с территории Белоруссии две охранные дивизии СС, специализированно ориентированных на борьбу с партизанами.

* * *

АРСЕН И ДВА ЕГО ЗЕМЛЯКА-СТАЛИНАБАДЦА, Семен Неверов и Костя Квасов, попавшие на фронт в составе дивизии еще в ноябре прошлого года с первым составом, держались в эскадроне особняком: как-никак ветераны соединения! На ватниках, под черными бурками, вместе с уже несколькими медалями у сержантов красовались гвардейские знаки, врученные им в мае этого года, одним из первых в кавалерии РККА! За ними, стараясь не растягиваться, шли рысью тридцать подчиненных им ребят из Ванча, Гарма, Туткаула и Кзыл-Калы – все здесь сразу ставшие «сталинабадцами»... К позициям у Сычевки им нужно было выйти уже сегодня.

* * *

- ЧЕГО ЭТО НЕМЦЫ НА ПОДВОДАХ? – удивился устроившийся в сугробе за второй линией деревьев на опушке Костя.

- А ты считаешь, что они только на танках ездят? – откликнулся его спутник - разведчик

из отряда «Дядя Коля», Олег.

Он внимательно рассматривал приближавшуюся колонну из подвод в трофейный шестикратный бинокль и приходил ко все более неутешительным выводам:

- «Эсэсманы» это, не армейцы! А в возницах – местные полицейские, суки. А, что это значит?

- Что? – отозвался непонятливый кавалерист.

- Это значит, что прислали против нас зондеркоманды, и придется нам туго, казак! – отползая по своему следу в снегу обратно в лощину, разъяснил партизан.

- Видали мы эти зондеркоманды! Вмиг клинками обтешем!

- Ну, ну... - хмыкнул Олег - партизан «со стажем»...

А через неделю, когда основная часть дивизии ударила по железнодорожной станции Сычевка (устроив здесь фейерверк из двух составов с цистернами бензина и солянки, пришедшими из румынских Плоешт; а, заодно, и пакгаузом, забитым боеприпасами!), немцы отыскивали в урочище Корбут, в Починковском лесу, партизанский госпиталь, где лечилось с полсотни раненых кавалеристов. Перебив защищавший его пулеметный взвод, «тяжёлых», лежащих в землянках, эсэсовцы забросали гранатами, превратив импровизированные больничные палаты в братские могилы, после чего медперсонал и легкораненых поставили в одну шеренгу и расстреляли из пулеметов...

Командир 20-й, полковник Павел Трофимович Курсаков, долго смотрел на следы этой припорошенной снежком бойни, и наконец, медленно обеими руками натянув на голову каракулевую ушанку, повернулся к командиру 103-го Гиссарского полка, подполковнику Дмитрию Калиновичу:

- Найди их майор и уничтожь! А до этого пусть твои ребята своих похоронят...

* * *

КОННАЯ КОЛОННА карательного эсэсэвского батальона, с чувством выполненного долга, возвращалась в Ржев: помимо партизанского госпиталя вместе с казачьими ранеными, сожгли еще две деревеньки – наверняка «пособники»! Гауптштурмфиррер Хейц Лемке был вполне доволен: если коллеги по зондеркомандам не подкачают на флангах этого лесного массива, то и с прорвавшейся дивизией, и с партизанами к католическому Рождеству будет покончено. Ему рыцарский крест и краткосрочный отпуск в родной Фенстервальде – обеспечены! Прощай мороз, пот, кровь, вши, еда всухомятку и эти бесконечные леса...

Удар в плечо и ребра выдернул гауптштурмбанфюрера из приятных грез о родном саксонском городке и маленьком садике, где его старенькая бабушка любила вязать им всем шерстяные носки. Попытка привстать на локоть в санях, успехов не увенчалась - кость плеча была сломана русской пулей, ушедшей через пробитые ребра куда-то в грудь. В легких хлюпало и свистело. Однако сознание не гасло, и эсэсовец, цепляясь левой, здоровой рукой за МР-40, видел, как спрыгивающих с саней немцев и русских полицейских косит кинжальный огонь сразу нескольких пулеметов и сотен винтовочных выстрелов.

Лошадь в его санях, раненая и испуганная выстрелами, храпя и выворачивая упряжь, наконец, завалилась на бок; и он вывалился в сугроб, задыхаясь от набивающегося в рот и за пазуху его окровавленного комбинезона пушистого снега...

Когда вся было кончено, по усеянной убитыми и ранеными дороге с топотом пронеслись

конники, добивая визжащих и стонущих. К нему подошла группа русских, и как ему показалось, монголов:

- Ну, сука, этот, что ли ваш главный «фон триппер»? – спросил у пленного русского полицая злой, срывающийся голос.

- Этот, этот! Он командовал и на госпитале, и на расстрелах в деревнях! Не...

Два сухих пистолетных выстрела из русского «ТТ» прервали его мольбу о жизни...

- Семен, Арсен! Тащи «триппера»! - с ужасом услышал эсэсовец касающиеся уже его самого распоряжения. - К деревьям! Шашки не пачкать! – коротко добавил тот же злой и хриплый голос. – Мы его по-русски казним, пока политрук с командиром не видят...

Костя и еще четверо молодых кавалеристов-таджиков быстро наклонили друг к другу две березы и, привязав хрипящего Хайнца Лемке к их вершинам, отскочили в сторону...

- Воронам на ужин... За вас ребята!

* * *

ДИВИЗИЯ, основательно поредевшая за два месяца лесных зимних рейдов, вырвалась из немецких тылов только 5 января 1943, уничтожив свыше четырех тысяч фашистов, сотни танков, бронемашин, восемьдесят железнодорожных составов! Но, пожалуй, самым весомым итогом этого фантастического, «марсианского», рейда было отвлечение десятков немецких дивизий, так и не переброшенных отсюда на юг на помощь «окольцованной» под Сталинградом (в ходе такой же грандиозной, как «Марс», операции «Уран») армии фельдмаршала Паулюса. И кто скажет теперь, по прошествии семидесяти лет, связывались ли тогда в головах советских генштабистов эти «космические» обозначения в один замысел?

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 10 октября 2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»)

Продолжение <http://www.proza.ru/2012/10/17/386>

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Братина горя и добра - глава 7

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.)

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>) <http://www.proza.ru/2012/09/05/252> <http://www.proza.ru/2012/09/12/274> <http://www.proza.ru/2012/09/19/277> <http://www.proza.ru/2012/09/26/281> <http://www.proza.ru/2012/10/03/429> <http://www.proza.ru/2012/10/10/454>)

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

- Ну вот, наконец, товарищ Ашуров, и мы с Вами свой бой выиграли!

- Да, Дмитрий Захарович, кажется, к тому идет... - боясь сглазить, осторожно подтвердил секретарь ЦК...

- Что ж так скромненько? Добились-таки?! Радоваться надо! Большая часть Люберецкой прядильной фабрики у нас?! У нас! На днях придет для Сталинабадского хлопкомбината оборудование с фабрики «Пионер» из Владимира. Наконец-то решен вопрос по Павлово-Покровской и Московской шелкоткацким фабрикам. Нужно только подумать о расширении площадей хлопкомбината. В нынешнем его здании все оборудование не установится. Это, товарищ Ашуров, наша с Вами на сегодня задача номер один!

- Ясно, товарищ Протопопов! Будем решать!

- А теперь по маслозаводам... Здесь у нас пока не все в ажуре. Знаете, надеюсь, что оборудование Карачаевского маслозавода несколько дней на станции Термез лежит? Что предпринимаете?

- Тут уже все согласовано - хотел как раз доложить: долго не отвечала на наши запросы Ашхабадская дорога и вот... выделили, наконец, двадцать вагонов. Едут уже к нам машины. Монтаж их будет вести Сахстрой. Стройматериалы выделены... Проблема у нас другая - с двумя Вяземскими маслозаводами, - нервно теребя тесемки на папке, посетовал ответственный партработник.

- А что так? – все еще пребывая в благодушном настроении, переспросил Протопопов.

- Оборудование их прибыло в Катта-Курган. Необходимо распоряжение Главрасширмаслопрома о переправке в Таджикистан. И срочно. В настоящее время станки простаивают на хлопковых складах... И еще... не получено оборудование Одесского маслозавода (мы намечали принять его в Сталинабаде)...

- Хорошо. Готовьте докладную... Решим!

Оставшись один, Дмитрий Захарович не торопясь отодвинул в сторону ворох громоздящихся перед ним на столе докладных и начал аккуратно раскладывать их по пачкам. Просмотреть все сегодня не удастся – хотя бы не перепутались с завтрашними...

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

«22 января 1943 года погранотряд одной из застав Шурабадской комендатуры под

командой сержанта А.Головченко в трудных климатических условиях и на сильно пересеченной местности вел преследование трех разведчиков Абвера, которые проникли на советскую территорию с целью разведки дислокации численности частей и подразделений советской армии и пограничных войск. Завязалась перестрелка. Несмотря на полученное ранение, сержант А.Головченко силами своих подчиненных сумел окружить и задержать шпионов».

Николай Арсентьевич аккуратно отложил в сторону сводку: «Ну, слава Богу! И на нашей улице праздник!», - удовлетворенно подумал он...

* * *

ВОЙНЕ НЕ ВИДНО КОНЦА... В Сталинабаде формируются одна за другой воинские части... Воюет уже и не только брат Георгия, но и Миша Джигафаров, воюет даже рабочий сцены Дьяконов... А у Менглета... которому всего лишь тридцать (столько бы мог сделать!) – бронь. Да... Он нужен театру. Многие бы даже сказали, что это почетно - иметь бронь... быть нужным. Многие... но не он сам.

Он уже стал огрызаться на Валю, на мать, чего с ним раньше никогда не случалось. Он весь прокурен. Если бы мог - запил! Но пить он не может - так уж устроен.

«Ну, почему, почему я не на фронте?!», - разве что не бьется головой о стену он... И думает... думает, как же избавиться от привилегии, за которую другие готовы мать родную продать...

Решение совершенно неожиданно для него подсказал, побывавший на фронте с таджикской фронтовой бригадой Сашка Ширшов: «... бомбили на Волховском фронте — жуть! Думали, хана! — не вернемся!», - с нескрываемой гордостью рассказывал он... «Так надо же создать постоянно действующий - до конца войны, без возвращения на отдых в Сталинабад - таджикский фронтовой театр! – в одну из бессонных ночей осенило его. - У казахов фронтового театра нет! Из Ташкента - только бригады артистов выезжали. А таджики пошлют на фронт свой фронтовой театр! Может быть, и до Сталина дойдет... «Спасибо Таджикской республике», - скажет Иосиф Виссарионович. Если все это втолковать Протопопу - разрешение на создание театра он, «как пить дать» получит! Так, глядишь, и организатором, главным режиссером театра на фронт попадет... Идти к Протопопу надо немедленно»...

* * *

УТРОМ, ПРИХВАТИВ С СОБОЙ «похищенную Елену», и «Кручинину» (к которым начальство уже с тридцать седьмого «неровно дышит!»), Георгий взялся за реализацию ночного плана. Сказалась «несыгранность труппы» - не закинула вовремя ногу на ногу Майка, которая, напротив почему-то уселась, как на приеме у зубного врача, ни разу при этом не улыбнувшись Протопопу; Галка же (совсем обалдела!) вместо открытого платья, костюм английский, доверху застегнутый, напялила... Да еще со «Знаком Почета»...

- Нужен ему твой орден, как собаке здрастье, - злился Менглет, выходя из белоколонной домины.

- Слушай, дорогой... Ну, согласны... Оплошали... Но и ты хорош! Всю дорогу туда так матерился, что у меня вся роль из головы повылетала, - оправдываясь, перешла в нападение Майка... - Ладно... Успокойся... Завтра снова пойдем к Дмитрию Захаровичу... И я, торжественно клянусь, что надену специально для этого случая

платье с глубоким вырезом. Ну как доволен?

- Завтра буду доволен, если он согласится...

Завтра – не завтра, но через неделю непрерывных атак им-таки удалось своего добиться...

* * *

ТРУДНЕЕ ВСЕГО, когда все уже было решено и даже определен день выезда, сказать об этом матери. Но та и сама неведомо какими путями все узнала, молча принявшись за стирку и глажку его белья.

- Мама, в Москве нам выдадут все необходимое, - убеждал ее не хлопотать Георгий.

- Чтоб вы пропауи! — сердито отвечала она (Екатерина Михайловна не выговаривала «л»). - Что вам выдадут, я не знаю, а исподнее у тебя должно быть чистое.

- Ты будешь получать мой паек — литер «Б». Хлопковое масло, может быть, и сливочное, муку и повидло. У Валентины паек поменьше, но мука в нем тоже есть.

- Она могла бы с дочерью остаться!

- С ней останешься ты и папа.

- В кого ты такой уродишься?!

- В тебя, мамочка! - чмокая ее в щеку, отшучивался он. - Меня, как и тебя, не переспорить.

Екатерина Михайловна умолкла. Почему-то вдруг вспомнилось, как она не хотела, чтобы Жорик уезжал из Воронежа в 1930, отъезду же в Ленинград в 1936, напротив, не противилась; но совершенно исстрадалась, когда Жорик в 1937 отправился к «басмачам»! Попав в Сталинабад, убедилась: «басмачи» - народ славный, доброжелательный, стало быть, ее опасения были напрасны. Теперь Жорик уверяет: на передовую не пошлют. Может, и правда, все уладится?

При расставании с младшим сыном Екатерина Михайловна шутила... Провожая старшего, тоже не плакала... Павел Владимирович держался молодцом. Плакала дочь — она привыкла к родителям...

* * *

Из сводок Совинформбюро (Утреннее сообщение за 28 марта): На Западном фронте наши войска укрепляли занимаемые рубежи и вели разведку. На одном участке бойцы Н-ской части уничтожили 3 танка и бронемашину. На другом участке отряд наших разведчиков под командованием гвардии лейтенанта Шумилова проник в тыл противника и обнаружил вражескую батарею дальнобойных орудий... уничтожили 30 гитлеровцев... Взорвав 3 дальнобойных немецких орудия, разведчики вернулись в свою часть... Южнее города Белый наши войска, преодолев упорное сопротивление, заняли 7 населенных пунктов. Только на одном участке уничтожено свыше 150 гитлеровцев и подбито 2 немецких танка... На подступах к Ленинграду за два дня огнем зенитной артиллерии сбито 9 и подбито 3 немецких самолета... - «Коммунист Таджикистана» за 30.03.1943г. (Стр.43 дневника Миры)

ЛЕЙТМОТИВ «ДВИЖЕНИЕ»

После двухмесячного лечения в специализированном ожоговом госпитале в Сталинабаде, куда Рахматулло Адхамова привезли после ранения на Аксае, весной 1943 он был демобилизован «вчистую»: от левой руки хирургам удалось спасти лишь два

пальца.

Молодой боец, часто глядя на свою «клевню», жалел, что гусеничный каток от подбитого им «тигра» приземлился после взрыва боеукладки именно на кисть, а не сразу на голову: «отмучился бы, и вся недолга! Кому теперь в двадцать лет с такой рукой... да еще «разрисованный» по всему левому боку и спине замысловатыми рубцами от ожогов... нужен»?!

Рахматулло подстегнул коня камчой по потному крупу – впереди уже зеленели тополя и тутовники Файзабада, куда перебрались его родители в конце 1941. Жизнь в военном Сталинабаде становилась все тяжелее: из-за наплыва эвакуированных, находить подходящую работу не получалось, вот и решили старшие перебраться на родину, в Файзабад – здесь и домик родителей сохранился, и большой огород на берегу Кафирнигана...

Парень легко спрыгнул с коня у жердяных кривоватых ворот, и, взяв его здоровой рукой под уздцы, повел по неровному, чисто выметенному двору к дому.

-Рахматулло! Сын! – выскочила из открытой двери мать, бросившись обнимать, заливаясь слезами от счастья...

Со стороны амбара, на ее крики, вышел и отец с самодельными деревянными вилами в руках – видно складывал в стожок солому... прибежали младшие брат с сестрами: объятья... слезы... скрытые и опасливые взгляды на левую руку...

К вечеру во дворе собралось с полкишлака - и стар и млад. У достархана под двумя кряжистыми тополями, на засаленных и потертых курпачах, расселись старики и молодые ветераны-калеки (уже успевшие потерять что-то необходимое для войны и потому демобилизованные на родину). Вокруг них суетились женщины, сноровисто раскладывая стопки лепешек. Чуть поодаль дымились котлы с шурпой и пловом...

Рахматулло был в центре внимания: ни у одного из ветеранов на выглаженных гимнастерках и кителях не было ордена «Красной Звезды» (награда за подбитый «тигр» догнала его, кстати, уже в сталинабадском госпитале!). Глядя на него, одобрительно цокали языками седобородые; к нему были прикованы десятки горящих восторженным обожанием глаз женщин и босоногих девчонок в ярких ситцевых платицах, дополненных красными штанишками-изорами

А он в эту минуту думал лишь об одном, жалея, что так ничего и не узнал о судьбе друга и «второго номера» - Рифата. Его родителям в начале 1943 пришло извещение - «пропал без вести»...

«Пропал»... - качая головой, слушал сейчас он их невразумительные доводы в пользу того, что «все еще быть может»...

«Хорошо бы, конечно... Очень даже прекрасно, если бы так»... - поддакивал он, в душе же все больше и больше уверяясь в том, что Рифат погиб уже через несколько минут после его собственного ранения, и что его, уже убитого немецкими автоматчиками, от которых тот защищал своего друга, смешал с мерзлой землей соседний немецкий танк... Праздничный гап* закончился уже в темноте, когда над Гиссарским хребтом зажглись яркие желтые звезды. Гости расходились довольные, услышав еще раз о близкой Победе... поверив в нее.

Мирная ночь опускалась на таджикскую землю...

Рахматулло не спал. Он думал о Сталинабаде – городе своего детства... Когда там еще не было водопровода... Когда улицы еще были погружены во тьму... И о первых

керосиновых фонарях, празднично осветивших ночной город, когда Рахматулло было уже четыре года...

ЛЕЙТМОТИВ «СТАРОЖИЛЫ»

- Пап! - с порога крикнула Мира, входя в дом со свежим «Коммунистом»...

Вовремя шикнуть на нее мать не успела – дремавший на веранде в любимом старом кресле отец, вздрогнув от неожиданности, проснулся (с работы он вернулся уже под утро)...

- Ну вот... В кои-то веки в кругу семьи часок отдохнуть довелось... а тут ты, - пробурчал он сонно.

- Ой, прости, пап... не заметила...

- Да, ладно, чего уж... Докладывай из-за чего «сыр-бор»... – зевая до хруста в челюсти, выжидающе воззрился на дочь майор.

Все еще чувствуя себя виноватой, девушка замялась. Мать поощрила взглядом...

- Помнишь? - тем не менее, очень тихо и нерешительно начала она. - Как-то мы с тобой говорили о Лукницком... Павле? Ну, я еще стиль его тогда в пример ставила...

- Что-то припоминаю... Ну и...?

- Вот, посмотри, - протягивая отцу газету, торжествующе заявила девушка.

- А... - читая название очерка («Ленинградец Тешабой Одилов»), пробормотал отец. – Что ж, известная личность... Я а нем еще пару лет назад в «Боевой красноармейской» читал... Даже название помню - «Бить врага по-одиловски!»: «...Воин - таджик Тешабой Одилов имеет на личном счету около ста уничтоженных гитлеровцев»... Как же - как же... Помню... Теперь, значит, и Лукницкий написал...

- Не теперь, папа... - начиная горячиться, - воскликнула она. - Ты читай! Лукницкий, оказывается, первым его открыл... еще в сентябре 1941! Он тогда с ним встретился на берегу Невы. С тех пор писал о многих сражениях с участием Одилова. И об этом тоже... Слушай, - стремительно хватая со стола отложенную было отцом газету, начала вслух читать Мира:

«Чтобы представить себе героизм защитников «пяточка», достаточно сказать, что весь этот береговой участок можно замостить тем металлом, которым насыщен каждый квадратный метр его пространства, перепаханного минами и снарядами»...

И далее:

«...48 суток сражался Тешабой на «Невском пяточке». Он не мог отдать врагу землю Родины, не мог не выполнить свою клятву, которая «напитала» его душу. В последнем бою тяжело раненный Одилов спасает командира, вынося его с поля боя. И только добравшись до санитаров, теряет сознание»...

- Согласись, здесь же просто «нарисовано» словом!

- Да, дочка, образно сказано... Согласен... Но о подвиге Одилова, взявшего на себя в трудную минуту роль командира, на самом деле писало множество ленинградских корреспондентов... Есть, знаешь ли, такие события в жизни,- после небольшой паузы

продолжил он, - которые сами за себя говорят... лучше слов всяких... Тут корреспонденту важно лишь не «пересластить»... Прости... Я это не об этом... конкретном... очерке говорю. После (даю тебе слово!) я внимательно его прочитаю... Разочарованная и несколько озадаченная реакцией отца на буквально потрясшую ее воображение статью, девушка после нескольких ничего не значащих фраз, ретировалась к себе... Что ж, наверное, позже он объяснит все...

СКЕРЦО

«[[...Свой первый фронтовой спектакль мы сыграли, еще не доехав до места назначения. Нас остановили бойцы танкового гвардейского корпуса:

— Давайте концерт!

Усталые, оглушенные все нарастающим гулом артобстрела, мы были в полной растерянности. Но гвардейцы - народ решительный. Они быстро устроили сцену между двух стогов сена, неизвестно как уцелевших в голом, выжженном поле. Подходившие бойцы рассаживались на земле, ждали. Мы решили не ударить в грязь лицом и дать свой первый концерт при полной выкладке. Расставили свои ширмы, переоделись в концертные костюмы. Начали... Концерт шел под непрерывный смех зрителей и нудный, свербящий звук немецких самолетов.

После спектакля — оглушительное, гвардейское «ура!»]]

[[...Армия Крылова. Танковый корпус. Мы едем на передовую! Едем дорогой, которая простреливается врагом. Все гудит. Небо багровое - пожары. По дорогам и вокруг - разбитые машины, орудия. Окопы. Мы на передовой. Играем в окопах скетчи, стоя на коленях. В полный рост вставать нельзя. Тревожно. Нас - артистов - пятеро, зрителей снайперов - двое. На расстоянии ружейного выстрела от фашистов. Через наши головы - артиллерийский огонь. Выступили — перебрались в соседние окопы. Опять играем на коленях, поем под сурдинку. Тихо вторит аккордеон. Впечатление таинственности. Высокое эмоциональное напряжение. Сопровождающий нас офицер командует: - Сейчас сыграете только маленький скетч. Женщинам лучше не ходить (т.е. не ползти!). И опять тот же отзвук в сердцах бойцов, те же сияющие лица, блестящие радостью глаза...]]

[[...Пока ночевали в солдатских палатках, в заброшенных клубах и школах - никто не чесался. В избах освобожденных сел - набрались вшей. Избавиться от них не было возможности. На постирушки в речушках вши плевали, размножались и кусались...]]

[[...Вслед за советскими войсками - мы в Белоруссии, в Могилевской области. В комендатуре получаем новый маршрут и грузовик. Только отъехали - дом комендатуры взлетает на воздух. Концерт в открытом поле. Мороз. Страшнейший ветер. Машины маскируются. Играем на передовой. Видим: немецкие зенитки стреляют по нашим самолетам. На машинах доехали до Ново-Белицы, затем - в Гомель. Два концерта в офицерском клубе. Остаемся в одном из госпиталей, где дадим несколько концертов. Здесь много пленных фрицев. У них в основном преобладают два состояния души: страх и подхалимство или озлобленность. Пленным приказано вымыть и прибрать помещение для концерта, забить проемы окон фанерой. Один из них входит к нам с вязанкой дров, улыбается подобострастно, охотно заявляет: «...Русские - народ отходчивый, к пленным относятся беззлобно. Любят позубоскалить над ними, но и хлебом делятся, и

американской тушенкой. Чувствуется моральное превосходство. По-настоящему люто ненавидят, не прощают «...» предателей.]]

[[...22 февраля. Мозырь на горе. На площади три виселицы: казнены начальник полиции и два полица. Надпись: «Изменники Родины». У одного из них упала шапка. Валяется. Никто не берет... Наконец-то приехали в нашу подшефную кавалерийскую дивизию, которая формировалась в Таджикистане. Передали бойцам подарки от Таджикской республики - теплую одежду, белье, валяные сапоги. Прием блестящий! Здесь мы пробыли двадцать один день. Играли «Без вины виноватые». Удивительная сила заключена в русской классике. Страдания Незнамова, его тоска по дому, по матери в этих условиях преломлялись в какие-то особые, вечные, непреходящие человеческие чувства. Бойцы с напряженным интересом следили за перипетиями судьбы Незнамова, чутко воспринимали слово Островского. В дивизии - много таджиков. На нашем концерте их с почетом усаживали в первые ряды. С упоением слушали они звуки своих родных музыкальных инструментов дойры и тары, зачарованно следили за изящными танцами, весело смеялись, слушая своих любимых артистов. Но многие плакали. От волнения. От встречи с Родиной.]]

[[...Бельцы. Вечерний концерт шел под сплошной налет авиации. С одиннадцати часов вечера до четырех часов утра бомбили непрерывно. Взрывы. Небо в огнях. Горит вокзал. Рвутся боеприпасы. В шесть часов утра снова бомбежка. Двенадцать истребителей. Побежали в укрытие. наших раненых, бегущих через двор, расстреливал из пулемета фашистский ас... И тут Сара вскочила и закричала:

- Не могу больше! Не могу больше... Не могу! Лицо ее было землисто-серым, и губы были серые - только брови и глаза чернели под черным платком.

- Не могу смеяться... Не могу петь, не могу надевать белое платье. Рядом ужас... Рядом смерть... Я не могу!...

- Все не могут - и все преодолели, - сказала Степанова.

- Не могу... преодолевать!... Не хочу преодолевать... Не хочу жить!

- Сядь, Сара! - прошептала моя жена. - У нас сегодня еще один концерт...

Раненый на костылях, с перевязанной культей как-то смешно кувыркнулся - костыль отлетел, а раненый упал лицом в землю. У Сары началась рвота. Ее рвало желчью...

Наверное, она не ела несколько дней, но этого никто не замечал. Наверное, она давно надломилась, но этого не замечали. Ее рвало желчью, Сара тряслась и выкрикивала:

- Не могу больше, не могу... Не могу!

Я растерялся. Первый раз за все фронтовые дни...

- Сара, - пытался успокоить ее, - тебе нужен врач... Мы тебе помочь бессильны.

Сара не слушала. Она утерла черным платком лицо:

- Я... сейчас... умру... Я не могу больше...

Ас улетел. Бомбежка кончилась. Убитых подобрали. Сару увезла санитарная машина...]]

[[... В основном выступали в оврагах, сараях, обложившись стогами сена, реже на грузовиках. Одиннадцать концертов в день - норма... Часто на сцене десять артистов, а зрителей двое...]]

[[... Как-то неподалеку от румынских Ясс мы напоролась на контрнаступление. Бешено рвались снаряды, до белизны высветив небо. Осколки чертили в воздухе смертоносные линии, и не было слышно ничего среди рева и грохота, который, казалось, будет длиться вечность. Немцы, провалив короткое, но мощное наступление, решили отыграться арт-

огнем. Нам ничего не оставалось делать, как ждать рассвета, вжавшись в черные уступы, и в отчаянии закрывать головы руками. Но рассвет все не наступал, и в какое-то мгновение все стали прощаться с жизнью. Бывалый командир сказал нам: «Ну, все, ребята, нам хана». И в этот момент я почему-то подумал не о семье, не о дочери, не о безумно любимом театре, а о футболе — Боже, неужели я никогда больше не попаду на матч? не увижу, как по зеленому полю бегут футболисты?»...]]

- Мамуль! Ты дома?! Я та-а-кой хлеб принес!!! Тепленький! Вкусненький! Ставь чай! — едва открыв дверь, разразился тирадой Георгий...

В ответ — непривычная тишина и... только всхлипы из зала...

- Мама! Что с тобой?! — вбегая в комнату, воскликнул Менглет обеспокоенно.

- Чтоб вы все пропауи! — подняла на него заплаканные глаза Екатерина Михайловна. На столе перед ней лежала раскрытая тетрадка — его дневник...

«И как она его среди вещей раскопала?!», — сразу все поняв, досадливо подумал он.

- Знауа же, знауа... не зря отпускать не хотеуа... А ты... — сквозь слезы, бормотала она.

- Но ведь все же обошлось?! Я здесь! Все это было почти год назад...

- Знаю, что обошлось... Но ведь быуо?! Чуть Майку сиротой не остауи, негодники! Не пуцу никуда теперь! И не жди!

- Да не жду я, мама... Утром письмо из Москвы пришло... За чаем и сказать хотел...

Собирайся... На днях выезжаем... Кстати... Лидию Сухаревскую помнишь?

- Конечно, — вытирая глаза, ответила она (видно было, что с души ее упал огромный груз: выражение лица женщины после этого сообщения сына стало заметно спокойней и уверенней).

- Так вот... Они с Борисом Тениным тоже уезжают... Может быть даже одним с нами поездом...

- Ну, и хорошо... ну, и суавненько, — заключила мать, направляясь в кухню.

- Что ж тут хорошего? — тихо, почти про себя, пробормотал Менглет...

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

* Гап (тадж. буквально — разговор) - мужские посиделки, встреча компании.

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 17 октября 2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»)

(Продолжение <http://www.proza.ru/2012/10/24/359>)

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Часть 3 - город новый, город славный

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ

(Продолжение.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316>) <http://www.proza.ru/2012/09/05/252> <http://www.proza.ru/2012/09/12/274> <http://www.proza.ru/2012/09/19/277> <http://www.proza.ru/2012/09/26/281> <http://www.proza.ru/2012/10/03/429> <http://www.proza.ru/2012/10/10/454> <http://www.proza.ru/2012/10/17/386>)

ЧАСТЬ II: БРАТИНА ГОРЯ И ДОБРА

КАДЕНЦИЯ

23 июня 1945 года... Скромный по столичным меркам, сталинабадский вокзал никогда еще не видел на своем перроне столько народа: стар и млад; мужчины, женщины в европейской и цветастой национальной одежде; дети, гоняющие друг за другом с визгом и гомоном, инвалиды войны в гимнастерках с медалями на костылях и «безногих» тележках, сбившиеся группками и экономно дымящие крупяными дефицитной махорки... Кажется, весь город собрался здесь, под развевающимися красными флагами и транспарантом, тянущимся вдоль перрона: «Мы победили!» Первый поезд Победы (заранее вымытый в Гиссаре из пожарных брандспойтов) сияет, как «пасхальное яичко»; паровоз его с подновленной красной звездой на тендере благоухает свежесрезанными тутовыми, чинаровыми и даже арчевыми ветками... Победно гудя и свистя паром еще за километр от вокзала, он входит в город торжественно, на малой скорости. Ведь везет он не кого-нибудь, а воинов победителей!

Вот они, размахивая пилотками и фуражками, стоят, улыбаясь, у опущенных стекол вагонов... Кто-то уже нетерпеливо высовывается по пояс, стремясь поскорей увидеть своих в плотной толпе встречающих... кто-то не выдерживает и начинает спрыгивать на ходу навстречу бегущим вдоль вагонов женам, детям, родителям, любимым, друзьям детства: «Одилжон!»... «Люба!»... «Антошка!» ... «Мусо!» – сливается в один радостный вопль приезжающих и встречающих... Грянувший вдруг марш духовой оркестр не в силах заглушить этой победной какофонии – он лишь аккомпанирует ей, расставляя последние акценты...

Первый поезд с победителями (сколько их еще будет!?) доставил демобилизованных старших возрастов - тех, кого призывали в конце войны, «скребя по сусекам» вместе с шестнадцатилетними выпускниками школ: средние, самые боеспособные возраста были повыбиты или искалечены первыми двумя годами отступлений, прорывов из немецких «котлов». Многие, встречая эти поезда месяц за месяцем, не веря похоронкам и извещениям о пропаже без вести, так и не дождались своих родных.

Вот стоят, не отнимая от глаз мокрых от слез платков, жена Ишмурзы Армадалова (погибшего в ноябре 1943 под Керчью) и мать призванного уже в эвакуации, в Сталинабаде, ленинградца - Димы Сергеева (погибшего 2 марта 1944 под Николаевым)... А вот, склонивший горестно седую голову, замер, как изваяние, отец погибшего в самом начале войны в Тверской области Фахрата Фарахутдинова... Рядом – вдова погибшего в концлагере в Берген-Бельзене Федора Бикина – Александра Агаповна...

Стоящий здесь же, на перроне, пожилой полковник – Сталинабадский военком - знает их всех в лицо, ведь с момента прихода «похоронок» они не раз были у него, в надежде на чудо – «а вдруг?»...

Да война... Конечно очень многим не довелось вернуться с нее. Тем более радостно городу видеть сейчас перед собой их – живых воинов-победителей...

Победное, ликующее «УР-Р-А!» время от времени прокатывается по перрону, окончательно заглушая духовой оркестр...

А тем временем к вокзалу прибывают автобусы, грузовики и легковые автомобили. Фронтвики с шутками и прибаутками споро грузятся в них, и вот уже их везут по центральным улицам города, на которых, выстроившись в нескончаемые шеренги, с самого раннего утра замерли в ожидании все от мала до велика жители Сталинабада - ликует город, осыпая героев цветами днем и радуя блеском многочисленных салютов вечером...

«УР-Р-А!» Война окончилась!!!

ЧАСТЬ III: ГОРОД НОВЫЙ, ГОРОД СЛАВНЫЙ РЕПРИЗА*

Даша молча стояла перед только что захлопнувшейся за кокетливой блондинкой в кружевном переднике дверью двадцать пятой квартиры дома на Куйбышева. Она была ошарашена и подавлена одновременно: Лидии Сухаревской здесь нет и... больше никогда не будет...

Это слово - «никогда» - в данном контексте обдавало девушку потусторонним холодком: еще одна разлука... еще одно навеки закрывшееся в чей-то дорогой мир окно...

«Уехала...», - безразлично бросила блондинка, пожав округлыми плечиками; и взглянула на посетительницу красивыми, пустыми глазами...

- Дашенька! Какими судьбами? – возник вдруг за спиной девушки, как из ниоткуда, давний ее знакомый – тот самый начальник госпиталя, к которому она, как, впрочем, и к его соседке, так и не собралась (с той памятной встречи с Тениным) зайти.

- Да вот... Опоздала... Уехала Сухаревская...

- Что ж поделаешь, моя милая? Все мы когда-то куда-то уезжаем и... когда-то куда-то возвращаемся... Я вот, может, тоже...

- Что тоже, Хайко Нерсесович?!

- Ну, тоже, может, уеду, если в медицинском не пристроюсь: там сейчас такая профессура собралась... со всего СССР... ну, просто «я тебе дам!», - закатывая глаза к потолку, восторженно завершил мысль он.

- Не надо... не уезжайте, Хайко Нерсесович, как бы ни сложилось... Ведь мне будет очень Вас не хватать!

- Ой, ли? Сколько времени глаз не казала, а теперь скучать она, видите ли, надумала! Да, шучу я... шучу – знаю, что такое жизнь госпитальная, - ласково глядя на нее через очки, примирительно улыбнулся он. - А, кстати, ты в курсе, что почти в одно время с Лидией отсюда уехала и семья первого советского коменданта Берлина - Берзарина?

- Он сам их увез?

- Да нет, конечно! Я его тут вообще лишь несколько раз видел - тогда, когда он где-то в начале сороковых на излечении в Сталинабаде был... Ему еще тогда наши «козачки» из «Партизани Сурх» скакуна подарили... Знатный, знаешь ли, подарок! Ирочка, дочка его, тогда еще хвалилась, что у папы теперь конь есть, который аж через Кремль перепрыгивает...

- Двусмысленное сравнение...

- Вот и мама ее так считала: все время одергивала девочку, когда та совсем уж расходилась... Хотя... В чем-то та была и права: генерал ведь именно на нем первый парад в Берлине принимал! Ну, ладно, милая... пора мне... - заторопился вдруг врач, будто что вспомнив. - Заговорился я тут с тобой, а там у меня – совещание... срочное... Ты в госпиталь? – уже открыв дверь подъезда, добавил он, нетерпеливо переминаясь у парадного...

- Идите, Хайко Нерсесович... У меня здесь еще дела, - соврала Даша, которой в ту минуту больше всего на свете хотелось побыть одной...

К горлу девушки вдруг подкатил ком – Сталинабад так же стремительно, как раньше заполнялся, теперь пустел; и на месте уехавших, дорогих людей в ее душе навсегда оставались зияющие пустоты...

* * *

- ВОТ ЖЕ БЫВАЮТ СОВПАДЕНИЯ: то годами не видимся, а то чуть не каждый день встречаемся, - увидев Мирзоянца дня через два на базаре, радостно воскликнула Даша. Тот почему-то лишь молча приподнял шляпу, как то печально улыбнулся и ускорил шаг...

- Пойдите, - догнала она его уже у мясной лавки. – Что случилось? Я чем-то обидела Вас?

- Нет, Даша... Я, простите, немного не в себе: пять минут назад узнал от знакомого, что этот статный молодой генерал... ну, о котором давеча я Вам рассказывал, погиб...

- Как погиб?! Где?! Кто?!

- Да. Берзарин... Попал в чудовищно нелепую автокатастрофу... там... в Берлине... Вот так-то... Еще раз простите... вроде и знал-то его всего ничего... и вроде война кончилась... а...

Мирзоянц, не закончив фразы, сокрушенно покачал головой, и, минутой спустя, затерялся в толпе, оставив Дашу в одиночку переваривать услышанное...

А вокруг в гомоне и шуме бурлила, наполненная привычной суетой, жизнь обычного восточного базара. И... где Берлин - а где он?! Есть ли ему хоть какое-то до всего этого дело?!

* * *

«Митинг на хлопковом поле - На участке знатного хлопкороба-стоцентнеровика Абдосамата Муминова в колхозе "Партизан Сурх", Кокташского района шла напряженная работа, когда сюда пришел агитатор с известием о награждении товарища Сталина и присвоении ему высшего воинского звания - Генералиссимуса Советского Союза. Звено заканчивало очередной полив и четвертую окучку хлопчатника. На краю поля, которое уже пестрело лепестками цветущего хлопчатника, открылся, митинг.

Слово взял звеньевой Муминов. - Присвоение звания Героя Советского Союза и высшего воинского звания - Генералиссимуса Советского Союза товарищу Сталину, - заявил он, - и награждение его орденом "Победа" - праздник для всего нашего народа. Радуетесь от всей души и мы, хлопкоробы, и в этот торжественный день обещаем дорогому товарищу Сталину еще лучше и производительнее работать на своих полях.

Звено единогласно приняло торжественное обязательство вырастить в 1945 году высокий урожай - собрать с каждого гектара 130 центнеров американского хлопка».

— «Правда», 29 июня 1945г. (стр. 2) Сталинабад.

(Стр.43 дневника Миры)

2.

МЕХРИНИСО РАДОВАЛАСЬ: Рустам, кажется, перестал расстраивать мужа; или тот почему-то вдруг переменял свою точку зрения на занятия сына. Когда тот запросился в индустриальный, Хамза-ака даже глазом не моргнул: «Твоя жизнь, - только и сказал он. — Поступай, коль силы чувствуешь и... призвание, конечно»...

Женщина, за секунду до этого внутренне сжавшаяся в предчувствии скандала, с облегчением вздохнула... А еще минутой спустя ей почему-то вдруг вспомнилось, как в позапрошлом году, когда исполнялось 800 лет со дня образования столицы СССР - города Москвы, на пустыре у театра оперы и балета стали новую площадь в честь этой даты «хашаром»** строить... Ее еще тогда удивило, что Хамза-ака не только не запретил участвовать в нем Рустаму, но и сам пошел... Она – Мехринисо – тайком еще наблюдала, как ладно отбрасывает муж лопатой здоровенные куски ссохшейся земли... На фронте театра висел тогда огромный кумачовый плакат. А люди все приходили и приходили... с песнями... с музыкой... русские с гармошкой, таджики - с дойрой. С балконов театра призывно звучали карнай***. Звуки песен сливались с рокотом машин, рывших под фонтан огромную, с их дом, яму...

3.

В приемной первого секретаря ЦК КП Таджикистана сегодня было немногочисленно – предстояло совещание в узком составе. Представители Гражданской обороны,

войсковых подразделений, строительных организаций, ожидающие его начала с семи утра и до сих пор даже отдаленно не представляющие, о чем пойдет речь, удивленно переглядывались друг с другом (лишь по лицам военных пробежала какая-то тень догадок)...

Нервно ерзал на жестком неудобном стуле у двери опоздавший Хайко Нерсесович: как раз к сегодняшнему утру он готовил к операции тяжелого больного и... вот те на – совещание...

- Прошу, товарищи! Бободжан Гафурович Вас ждет! – объявил, наконец, положив трубку на рычаг, сухощавый, «прилизанный» секретарь...

* * *

МИРЗОЯНЦ ЗАШЕЛ В КАБИНЕТ последним, но почему-то оказался прямо напротив «самого». Все еще поглощенный мыслями об ожидающем его пациенте, он не сразу понял, какое отношение все они (и он в том числе!) имеют к Хаиту, в котором, судя по обтекаемым речам докладчика, «кое-что на днях произошло»...

Позже, когда благодаря жестко поставленным военными наводящим вопросам, начались уточняться масштабы трагедии, остатки волос на голове врача медленно зашевелились: «Ну, ничего себе землетрясение?! Пять дней назад целый город с пятитысячным населением оказался под землей! ... Но как?! ...Почему в газетах об этом ни слова?!»...

- В общем, задача такова, - вытирая пот со лба, подытожил первый секретарь. – Туда на второй день уже переброшена санавиация со всей Средней Азии и работают сотни людей... Вам же предстоит помочь местным органам власти восстановить мосты (уже есть погибшие и при переправах через грязевые потоки), наладить нормальную жизнь со снабжением, образованием и всем необходимым; определить, на какой глубине лежат руины Хаита, и достать сейф с деньгами из Хаитского сбербанка...

На последнем пункте Гафуров остановился особо:

- Эти деньги нужно достать обязательно. Летчики сдали их буквально за два часа до удара стихии и видели, как их положили в сейф. Об этом знают летчики, но могут узнать и другие люди. Возможны попытки преступников завладеть деньгами. Мы не должны это допустить...

В кабинете повисло тяжелое молчание.

- Очень активизировалось духовенство... - в полной тишине добавил Гафуров. - Говорят народу, что землетрясение - это кара Всевышнего за отступление от канонов шариата, за свободомыслие. Но если вы столкнетесь с этим, проявите благоразумие, не спорьте. Постепенно все уляжется и образуется, а сейчас при таком горе лучше промолчать или посочувствовать... Мы все, конечно, глубоко скорбим по погибшим, но нельзя забывать, что в этом году мы празднуем 20 лет нашей республики и будет широко отмечено 70-летие товарища Сталина. В 1949 году затевать глубокий траур? Нас не поймут. Давайте траур отложим до других времен. Мы воздадим должные почести погибшим, но попозже...

Что ж, эти слова первого секретаря объяснили и Мирзоянцу, и остальным присутствующим многое... Во всяком случае теперь молчание газет уже не было загадкой...

4.

Футбол Николай Никанорович никогда не любил... Да и не до него было: работа...дом... племянники с их уроками... изредка – домино, с соседом, Гришей,

который при слове футбол чуть не плевался: «Об чем речь?! Играть совсем не умеют!»... Николай Никанорович не возражал, поскольку в знатоках этого вида спорта себя не числил. Но сейчас о чемпионе Таджикистана трех последних лет - сталинабадском «Динамо» - все на работе только и говорили. Отмалчиваться дальше было неудобно. Вот и решил разок шурина на футбол вытащить... Тем более, что тот после возвращения с фронта что-то уж больно часто к бутылке прикладываться стал...

«Тоже, глядишь, может футболом этим отвадить от «горькой» удастся»...

Сказано – сделано.

Билеты достал легко. Труднее было уговорить Василия. Но и с этой задачей упорный Николай Никанорович (с помощью, конечно, сестры!), справился...

* * *

- БОЙКО! БОЙКО! Бойко! – скандировал стадион, подбадривая любимого игрока...

- Фомичев! Фомичев, - кричали другие...

Они с шурином в игре, естественно, мало что понимали, потому особо старательно следили за ее ходом. Матч, однако, совершенно очевидно, шел вяло: Бойко, в длинных трусах с уже расцарапанным коленом, взъерошенный и злой, время от времени прорывался к воротам противника, где на него сразу же набрасывалось двое-трое защитников. Результатов этой борьбы не было видно из-за пыли, которую они поднимали на вытоптанном перед воротами газоне. Да и вообще травы на стадионе было мало. Видно, специально ее не сажали, и росла короткая мурава пятнами да и то по периметру поля – в общем там, где меньше по ней ходили...

- Нет, Бойко это – все-таки не Лавров... - разочарованно протянул сосед Николая Никаноровича. – Игры не вытянет...

- А кто такой этот Лавров? – чтобы хоть чем-то развлечься, спросил его он.

- Виктора Лаврова не знаете?! – удивленно переспросил знающий дело болельщик.

- Недавно хожу... - несколько преувеличил свой футбольный «стаж» инвалид.

- А-а-а, - недоверчиво глядя на него, продолжил сосед. – Ну... Это - нападающий...

Известный... Играл за наше «Динамо» в 1941. Какой у него мощный удар! Какой хороший дриблинг!

Николай Никанорович понимающе покивал (усвоив из сказанного лишь то, что означенный Лавров был видно неплохим игроком), и снова уставился на поле...

Немного погодя покосился на шурина: тот рядом заметно скучал.

- Ладно, Василий, пойдем, что ли, домой! – махнув рукой на безнадежную затею с футболом, сказал он, поднимаясь с жесткой скамейки трибуны.

- Пойдем, Никанорыч! – тут же согласился тот. - Давно лишь из уважения к тебе сижу...

6.

Мединститут располагался на северной окраине города. В самом конце войны в живописной зеленой зоне для него, наконец, было достроено трехэтажное величественное здание с колоннами, фасадом выходящее на улицу Ленина. Прямо за ним тут же было начато строительство республиканской больницы, за которой на высоком обрывистом берегу Душанбинки раскинулся Ботанический сад – любимое место отдыха и встреч студентов, куда они сбегали с лекций, где назначали свидания девушкам...

В меде учились десятки и даже сотни будущих врачей... А всего несколько лет назад, в

момент создания, когда еще ректором был профессор А.В.Тихонович, институт был вполне провинциальным вузом. Теперь обучение в нем наполнили настоящим блеском и содержанием эвакуированные в Сталинабад в начале войны профессора, доценты и преподаватели медицинских институтов Киева, Днепропетровска, Одессы. Они возглавили ведущие кафедры института. Среди них были: легендарный хирург Николай Никонович Кутчак, хирург Людмила Петровна Александрович, педиатр Галина Ефимовна Левина, терапевт Валентина Ивановна Зайцева, инфекционист профессор Кудряков; отоларинголог профессор Я.Л.Коц и сотрудники его кафедры - доценты Оке, Фокс, Поперека; хирург профессор Г.А.Рейнберг, терапевт профессор В.И.Иоффе, психиатр профессор Стрелюхин.

Многих из них Лев Исаакович знал лично, радуясь, что сегодня практически весь цвет советской врачебной интеллигенции здесь, рядом с ним, в успевшем стать родным Сталинабаде...

Пересекаясь на улицах, встречаясь в колоннах демонстрантов на 7 Ноября и 1 Мая (празднование которых нередко продолжалось в придорожных чайханах за шурпой и кое-чем покрепче), он вновь и вновь внутренне становился перед выбором: вернуться ли ему в «большую науку» или остаться практикующим врачом. Торопили с решением не только друзья (настоятельно побуждая к сотрудничеству и даже напрямую приглашая на работу), но и обстоятельства – госпитали вот-вот должны были закрыться, оставшись лишь (часть из них) стационарами для долечивающихся фронтовиков. А тут еще личные обстоятельства...

* * *

С ЛЯЛЕЙ – ДОЧЕРЬЮ ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ Госпитальной хирургии Николая Зосимовича Монакова – он познакомился случайно, на одном из научных диспутов...

Слово за слово, и вот уже он в подробностях знает историю ее семьи... родителей, которые, будучи молодыми врачами, за несколько лет до начала войны приехали в Сталинабад, да так здесь и остались... Отсюда Николай Зосимович ушел на фронт, был ранен, демобилизован и снова сюда вернулся на кафедру...

Человек он был сложный. В этом Лев Исаакович убедился сразу же, как только поближе познакомился с ним. Умный? Да! Бесспорно! Но слишком, как это говорили, «хитромудрый», да и отказывать себе не привык ни в чем... в том числе и в удовольствиях. В их семье открыто жила домработница Варя, у которой (в медицинских кругах и не только... об этом знали практически все - Сталинабад в сущности был небольшим городом, в котором трудно было что-либо утаить!) росла от Николая Зосимовича дочь – маленькая сводная сестра Ляли...

Ляля, где-то пол года назад впервые пригласившая Льва Исааковича, на свое день рождение, была не прочь немного пофлиртовать с умным и обаятельным, пусть и не очень молодым (почти папиного возраста!), врачом. Но того, в ее семье привлекала не столько девушка, сколько сама обстановка интеллигентного, профессорского дома, его дух, отношения... и, особенно, какая-то непонятная недосказанность... Впрочем, легко объяснимая, если учесть, что под одной крышей мирно уживались по сути две полноценных семьи... Интересно было ему и общаться с друзьями Ляли – студентами-медиками Инной Бергер, Лидой Цейтлиной, Серёжей Сергеевым, Эриком Полятковым, Киной Сопотовой, Лешей Жаворонковым...

Но прошло несколько месяцев... и Ляля уехала в Москву, на производственную

практику... Их отношения разладились. Это было весной 1953 года... Началось «дело врачей»...

* * *

НЕТ... НЕ СРАЗУ, НЕ ВДРУГ произошло все это... Уже давно по городу ходили упорные слухи о росте в меде антисемитизма... потом «грянула» печально известная сессия ВАСХНИЛ («лысенковщина» и тому подобное)... борьба «с космополитизмом» и уже потом непосредственно коснувшееся круга Льва Исааковича «дело врачей»... Первой его жертвой стал тезка и его близкий друг – декан института, профессор Лев Григорьевич Гранов. Его обвинили в сексуальных домогательствах к некоей смазливой второкурснице, которая, как она сама позже призналась, письмо в партбюро написала лишь под угрозой отчисления...

Тогда же были буквально изгнаны из института профессора Франк-Каменецкий, Шапиро, Житомирский, Лядский...

«От чего ушел – к тому и прихожу», - анализируя их судьбу, горько заключил Лев Исаакович, раз и навсегда решивший, пока это возможно, оставаться там, где меньше всего шансов быть замеченным «высоким начальством»...

* * *

«Милый мой, дорогой дневник!

Я в смятении и только общение с тобой может, наверное, помочь мне упорядочить мысли и разбушевавшиеся чувства. Ты, конечно, еще не знаешь, но на нашу Родину, на наш Союз Советских Социалистических Республик, обрушилось огромное горе. С первых дней марта, когда Левитан впервые сообщил о болезни нашего дорогого вождя и отца всех народов Сталина, вся страна прильнула к радиоприемникам, ожидая и... надеясь на чудо... Трудно писать, но... чуда так и не произошло... 6 марта тот же Левитан с прискорбием сообщил, что «5 марта в 9 часов 50 минут вечера перестало биться сердце гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа – Иосифа Виссарионовича Сталина... Я просто не знаю, как это переживу... Это невысказано!!! Невозможно!!!»

(1953 год. Стр. 44 дневника Миры)

* * *

В МАЕ, КОГДА ОБЪЯВИЛИ об аресте Берии, Николай Зосимович вновь активизировал свои усилия по переманиванию в институт «зарывающего свой талант среди больничных уток» Льва Исааковича. Но к тому времени тот уже твердо решил вернуться в «родные пенаты»...

Очень противно и тоскливо, правда, было у него на душе... и очень щемило сердце, когда получал «последний расчет» в госпитале, а потом и в фармацевтическом отделе Горздрава за работу в аптечном киоске. Но... решение было принято и «мосты сожжены»... Оставалось только попрощаться со своими...

А в полюбившемся ему Сталинабаде вовсю цвели прекрасные белые акации... Дул мягкий, теплый ветерок, разносящий их пряный аромат по улицам города...

Свободный, с месячным окладом, паспортом, трудовой книжкой и железнодорожным билетом в правом верхнем кармане пиджака (сдав заблаговременно вещи в камеру хранения) он шел к знакомой кибитке...

Еще более располневшая Люба, отъезду его удивилась не очень: «Что ж, - мудро

заклучила она, - так и должно быть: все возвращается на круги своя»...

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

* Реприза (франц.reprise – повторение), точное или измененное повторение начального раздела музыкальной формы в качестве завершающего ее раздела

** Хашар (тадж.) - коллективные общественные работы, на которые привлекается большинство населения той или иной местности для строительства дорог, мостов, каналов

*** Карнай (тадж.) --длинные, с раструбами на конце, духовые инструменты среднеазиатских народов

(Публикуется в сокращении. Интернет-вариант текста, размещенного 24 октября 2012г. на страницах столичной таджикской газеты «Вечёрка» в рубрике «Книга в газете»)

(Окончание <http://www.proza.ru/2012/10/31/304>)

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012

Сталинабадская симфония. Кода

[Ирина Михайловна Дубовицкая](#)

СТАЛИНАБАДСКАЯ СИМФОНИЯ.

Исторический роман.

(Окончание.

Начало <http://www.proza.ru/2012/07/25/250> <http://www.proza.ru/2012/08/01/300> <http://www.proza.ru/2012/08/08/316> <http://www.proza.ru/2012/08/15/288> <http://www.proza.ru/2012/08/22/256> <http://www.proza.ru/2012/08/29/310> <http://www.proza.ru/2012/09/05/252> <http://www.proza.ru/2012/09/12/274> <http://www.proza.ru/2012/09/19/277> <http://www.proza.ru/2012/09/26/281> <http://www.proza.ru/2012/10/03/429> <http://www.proza.ru/2012/10/10/454> <http://www.proza.ru/2012/10/17/386> <http://www.proza.ru/2012/10/24/359>)

СКЕРЦО

А за Пянджем в то время еще продолжалась война... Нет, не та - с кровью, гарью и канонадой, а незримая война, о которой было известно далеко не всем... ни тогда, когда она шла, ни даже после...

* * *

ЭРИК ИВАНОВИЧ РЕДКО ОШИБАЛСЯ в своих решениях. Потому, когда в Центр пришла его «шифровка», в которой он обосновывал возможность освобождения советских разведчиков из афганских тюрем оперативным путем и с помощью располагающей надежными доверительными связями агентуры, там думали не долго... К операции под кодовым названием «Вызволение» было решено подключить входивших в окружение короля Захир-шаха и занимавших ответственные посты в системе МВД агентов «Хамида» и «Марьям».

* * *

ПРИДЕРЖИВАЯСЬ РАЗРАБОТАННОЙ ЛЕГЕНДЫ, «Хамид» пригласил к себе на «худой»* об одном дальнем родственнике (чем и объяснил столь малочисленный состав приглашенных) Анвара-ака - близкого к королю влиятельного сановника.

Когда гость основательно подкрепился – то есть где-то между шурпой и пловом, - хозяин исподволь затеял доверительный разговор о будущем страны... о русских, с которыми-де неплохо улучшить взаимоотношения... о «тонком обстоятельстве», которое тому очень может поспособствовать, и... кроме того (!)... принести пользу лично ему - Анвару-ака...

Тот, заинтересовавшись, высыпал обратно в блюдо горсть фисташек, которые намеревался погрызть перед завершающим той** блюдом, и выжидающе посмотрел на собеседника.

«Хамид» «горячку» пороть не стал и перешел к сути вопроса не сразу, остановившись для верности на нескольких малозначимых вопросах. О деле же заговорил лишь тогда, когда почувствовал, что интерес гостя накален до предела. Тогда он без обиняков, с позиций юриста привел ему несколько весьма серьезных аргументов в пользу освобождения осужденных русских.

- И потом, - добавил он снисходительным тоном, - мы же с Вами, уважаемый, хорошо понимаем, что такие, как они, долго упорствовать не могут: за то время, которые они у нас сидят, «кафиры»*** наверняка целиком и полностью раскаялись в совершенных ими деяниях... для Афганистана представлять угрозы просто не в состоянии... и, кроме того, определенные им судом сроки давно прошли... Если бы русские это знали, они давно бы уже могли потребовать их обратно... А так, продемонстрировав им свою добрую волю, мы с Вами, уважаемый, если дело умело повести (а я так и сделаю!) еще и подарки

весомые от них получим...

Анвар-ака важно кивнул в знак согласия (кто ж от «весомого» подарка откажется?!)..

* * *

ХОРОШО ЗНАВШАЯ ХАРАКТЕР Захир-шаха, «Марьям» решила подойти к делу по-женски и на всякий случай заручиться союзниками в его семье. Там после продолжительных бесед о политике (что, кроме мужчин, дозволялось делать лишь таким обремененных годами и уважаемым женщинам, как она) гостя затеяла беседу о том, что недавно совершенно случайно ей стало известно о нахождении в афганских тюрьмах советских людей, арестованных в годы и после окончания Второй мировой войны на территории Афганистана.

- Вы представляете?! Это же просто кошмар! Оказывается, они содержатся в ужасных условиях! А ведь среди них есть женщины, состарившиеся и больные люди! Разве такое возможно в государстве, которое исповедует исламские принципы справедливости? – выдала возмущенную тираду она.

- Но они же кафиры? – уточнил деверь шаха, подливая гостю в опустевшую пиалу чай.

– При чем же тут исламские принципы справедливости?

- А вы уверены, что это так?! По моим сведениям, люди эти все – мусульмане!

- Ах так...

- Да... И потом, как можно укреплять дружбу со страной, чьими гражданами эти несчастные являются, и в то же время держать их в тюрьмах? Нужно что-то делать! Нет, - решительно заключила она. - Нельзя оставлять все как есть!

В семье на том и порешили...

* * *

- АНВАР-АКА ДЕЛО В «ДОЛГИЙ ЯЩИК» откладывать не стал, и вскоре при очередном докладе королю по текущим делам упомянул о бывших советских разведчиках, все еще отбывающих наказание в афганских тюрьмах, хотя с момента их осуждения прошло много лет. Он высказал предположение, что советская сторона за давностью, возможно, забыла о них, но может как-нибудь вспомнить о своих гражданах, и, если ей станет известно о прискорбном факте содержания их в афганских тюрьмах, это может отрицательно сказаться на афгано-советских отношениях и породить недопонимание между руководителями двух государств. Кроме того, сказал он, освобождение этих людей, которые являются мусульманами и полностью раскаялись в своих деяниях, несомненно, явится гуманным шагом афганского правительства и лично короля, будет знаком доброй воли для северного соседа, и, конечно, он оценит его должным образом.

- Да-да, - поддакнул, вовремя зашедший в кабинет, деверь шаха. - Это верно... Такая акция будет выгодна самому Афганистану, который стал на путь цивилизации, и еще больше укрепит престиж короля в глазах советского руководства, да и во всем мире...

* * *

ЧТО В ИТОГЕ СЫГРАЛО решающую роль, сказать трудно, но только через несколько дней последовало высочайшее распоряжение об освобождении из заключения всех бывших советских разведчиков. Через свою агентуру в системе МВД глава резидентуры Эрик Иванович Некрасов лично проследил за прохождением и точным исполнением этого секретного указания короля... Однако с этого момента и до прибытия в Сталинабад бывших агентов-нелегалов прошло

еще долгих двадцать дней. Но это было ничто по сравнению с нескончаемым сроком заключения. Ведь на календаре был уже 1968 год...

Шестнадцать пожилых людей, очень разных внешне, и в то же время удивительно неуловимо похожих друг на друга, не спеша ехали в желтом служебном кГЭБэшном «ПАЗИКе» по вечернему Душанбе. Только двое из них помнили этот город - тогда еще Сталинабад - покинутый тридцать лет назад для тяжелой и опасной работы за Пянджем. Четырнадцать - не видели его никогда. Они ехали молча, жадно и с удивлением вглядываясь в широкие, устланные асфальтом, зеленые улицы... многоэтажные дома... мелькающие мимо машины и троллейбусы... святящиеся вывески... смеющихся людей...

Город новый, город славный! Наконец-то они дома - война кончилась и для них...

КОДА****

«Пилот сбрасывает газ; моторы переходят на медленный темп работы. Кругами, все ниже, круто накрываясь в вираже, опускается самолет над городом. Острыми иглами торчат над домами мачты радиостанций. В карусель виражей включаются здания и улицы таджикской столицы – театр оперы и балета, парки, длинные корпуса Текстилькомбината и за мостом через Дюшамбе-дарью (как называется здесь потерявшая свое ущелье, слившаяся с Люч-Обом река Варзоб) – Комсомольское озеро с множеством гребных лодок. Его не было десятков лет назад, оно создано на сухом пустыре, но уже обрамлено аллеями молодого парка. Не было и трибун большого стадиона, и черепичных крыш нового поселка, смыкающегося с садами колхозов. От бетонных срезов головного сооружения уходит к западу по долине трасса Большого Гиссарского канала – народной стройки 1940-1942 годов... В пойме реки еще недавно работали гидромониторы и экскаваторы. Теперь здесь видно красивое сооружение – это Нижне-Варзобская, третья по счету, закончившая собою каскад варзобских энергетических сооружений, гидроэлектрическая станция. От нее, на юг, через всю Гиссарскую долину и дальше, через горы, бегут металлические опоры линии высокого напряжения. По этой линии высоковольтный ток передается в долину Вахша, туда, где ныне строится Перепадная ГЭС и где уже начинаются работы по сооружению мощной Головной ГЭС. Это стройки шестой пятилетки, это станции, которые пока берут у Сталинабада энергию в долг, но которые, вступив в строй, отдадут сталинабадской промышленности свой долг сторицею... Снова центр города – красивый, в колоннах, новый Дом правительства (его тоже не было несколько лет назад). Мелькают здания университета, института, министерств и дальше – двory и крыши заводов... Разветвленная сеть железнодорожных путей, платформы с хлопкоуборочными машинами, самоходными сенокосилками, с камнедробилками, с множеством каких-то других машин... Тот, кто, отлучившись из Сталинабада на год или два, возвращается в этот город воздушным путем, всегда увидит много нового, даже в самом плане города»...

«...Да... Прав ты, Павел... Меняется у нас все быстро и кардинально», - откладывая в сторону типографские гранки рукописи нового произведения друга, вздыхает героиня одной из его ранних книг – «Ниссо»...

У Озоды-ханум (как многие теперь уважительно зовут первую женщину Памира-члена

ВКПБ, бывшую начальницу Даши по театру) с годами все меньше времени на чтение не то, что книг, даже газет... Но Лукницкий для нее – нечто особенно: в его книгах, написанных легким и изящным слогом, вся ее жизнь... все, что когда-то было дорого... Женщина ворошит свои коротко стриженные, по-прежнему красивые и пышные волосы. А в памяти уже встают строчки из его очерка о «лазулике»... лазурите – камне из ее детства...

«...Прекрасный камень лазурит – синий и глубокий как сам Космос... На Востоке он издревле так и назывался – «камнем неба». А египтяне и вовсе считали его камнем богов. Подарку из лазурита они доверяли больше, чем словам, воспринимая его, как выражение истинного дружелюбия. Так же ценители прекрасного относятся к нему и теперь... Трудно на самом деле оторваться от волшебного рисунка, «вытканного» темно-фиолетовыми с золотом «нитьями» на глубоком и ровном «поле» синевы. Глядя на него, легко представить себе места, откуда он родом: уходящие к самому небу голубовато-хрустальные пики Памира, прозрачные горные реки с ледяной водой и редкими кустиками эдельвейса, чудом укоренившимися среди искрящихся глыб»...

Кому, как не ей, это знать лучше! Ведь в них – ее Родина, которую не забудешь, не оторвешь от сердца, не отдашь за все золото мира...

Чего она, эта Родина, дала ей больше – горя (когда она босоногой девчонкой, подобно героине «Ниссо», искала в ущелье над Дуобом под снегом былинки травы "щорск", чтобы накормить голодных племянников и своего единственного друга – умирающую от голода ласковую и добрую корову «Голубые рога») или радости (когда после всех этих невзгод, перед ней вдруг открылось большое, светлое будущее в лице ее мужа – начальника погранотряда, чекиста Вейзагера)? На каких весах это взвесишь?

- Кто знает, возможно ли вообще счастье, если нет его антипода... если в жизни все ровно и гладко? - задумчиво произносит Озода вслух, не замечая, что в комнате уже не одна...

Озабоченный ее долгим отсутствием в супружеской спальне, в кабинет минут пять назад тихо вошел ее муж – видный партработник республики, генерал Мастибек

Ташмухамедов (недолгая «пянджская сказка» Озода - пограничник Вейзагер - был репрессирован в 1934; а в 1935, оставшись одна с сыном Феликсом в Ленинграде, она познакомилась с ним... своим земляком... ближе которого с тех пор у нее никого нет).

- Опять, родная, не спишь? – мягко коснувшись ее плеча, заботливо шепчет он.

- Ой, прости! – вздрогнув от неожиданности, отвечает она. – Я вот заработалась... Павел с нарочным передал свой «Таджикистан» посмотреть... Сегодня вечером принесли, когда еще ты на работе был, – указывая на гранки, добавляет она...

- А-а... Понятно, - вздохнув, отвечает Мастибек: он знает, что на самом деле значит для жены этот писатель... - И все-таки, очень уж не засиживайся, пожалуйста, - прикрывая за собой дверь, тихо говорит он.

- Не беспокойся, дорогой, я скоро, - вновь погрузившись в чарующий мир очерков Павла, машинально бормочет она...

* * *

ЧУВСТВО ЛЕГКОСТИ... ЧУВСТВО ВОСТОРГА... пьянящее чувство полета... Мимо мелькают все в белой кипени устремленные ввысь грациозные акации и деловито

смотрящие на мир из-за их «плеч» горы, которые повсюду... надо всем... Даша сквозь невольно навернувшиеся на глаза слезы, смотрит на мелькающий за оградой ипподрома пейзаж – такой до боли родной и... уже совершенно новый...

Неожиданно осознав это, она невольно замирает в седле, разом почувствовав на своих плечах груз двух с лишним десятков лет, отделяющих ее от того дня, когда она девчонкой неслась навстречу (как ей тогда казалось) невообразимо огромному, искрящемуся всеми цветами радуги, грядущему счастью...

Да... Умерла уже, состарившись, ее «Лукавая» (несущий Дашу по полю статный конь – последний из ее жеребят)... Разрослись акации... И, несмотря на это, теперь из-за их «плеч» выглядывают уже не только горы, но и выросший, как по мановению волшебной палочки, большой, сияющий огнями и совершенно особенный город...

Даша вдруг поняла это со всей остротой... поняла, что особенность эта... эта его суть - не в домах и асфальте, не в окутывающем его свете и тепле... а в искрящемся разными гранями алмаза единстве в многообразии сросшихся за время всенародной войны традиций и культур многонациональной Страны Советов... ее, слившейся с этим городом, промышленной мощи... громаде совместно реализуемых планов...

Несколько минут назад, когда вскочив в седло, она почувствовала под собой крепкое, порывистое животное, от которого волнами исходила радость бытия, она была далека от этого знания... от связанной с ним радости, горечи и ответственности... от вдруг навалившегося понимания того, что и сама она уже не витающая в облаках мечты и сценических грез начинающая актриса, а молодой врач, перед которым завтра откроется новая жизнь в новом, еще только строящемся городе энергостроителей – Нуреке.

«Но это же будет только завтра»... - отодвигает все «на потом» Даша, возвращаясь душой к их со «Смелым» опьяняющей скачке...

Она натягивает поводья. Конь, почувствовав настроенье хозяйки, едва не взлетает над крышей конюшни, торопясь вместе с ней насладиться уже начавшими уходить в прошлое прекрасными мгновениями... Еще секунда и... они улетучатся без следа, оставив после себя легкую, едва уловимую грусть...

«Еще хотя бы миг... - внутренне молит неизвестно кого Даша. - Еще миг... Ну все... пора»...

Она едва заметно вздыхает... Прощай, мой «Смелый»! Я верю: мы обязательно свидимся!

Ирина и Виктор ДУБОВИЦКИЕ

* Худои (тадж.) – поминовение Богу

** Той (тадж.) – праздничное застолье

***Кафиры (тадж.) – не мусульмане

****Кода (итал.coda, букв. – хвост) - дополнительный заключительный раздел музыкальной формы, сообщающий ей завершенность.

(В коллаже использованы рисунки П.Лукницкого из его изданной в г.Сталинабаде в 1958г. книги «Таджикистан», а так же фото из коллекции Г.Шерматова. Текст опубликован в сокращении и является Интернет-вариантом последнего из пятнадцати размещенных столичной газетой «Вечёрка» отрывков романа «Сталинабадская

симфония». В рубрике «Книга в газете» он увидел свет 31 октября 2012г.)

© Copyright: [Ирина Михайловна Дубовицкая](#), 2012